

346.4.2
Книгоиздательство „Молодая Россія“.

25937

25937
Рабочій вопросъ
и земельная
реформа.

Цена 25 коп.

МОСКВА.

—
1906.

Handwritten text in blue ink, possibly a signature or initials, located in the upper right quadrant of the page.

А. Грей.

23937

Рабочій вопросъ и

~~23937~~

земельная реформа.

Цѣна 25 коп.

МОСКВА.

1906.

Библиотека ИВФ СССР

39

Р

Възбудивъ въ Россіи
и въ Европѣ споръ и
раздоръ

Дозволено цензурою. Ростовъ н/Д., 8 марта 1906 г.

76084

Типографія Г. Лиснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лиснера.

Рабочій вопросъ и земельная реформа.

I.

Какъ добиться рабочему болѣе достойнаго существованія?

Давно отброшено мнѣніе, будто, пока держится капиталистическій строй, невозможны никакія улучшенія въ положеніи трудящихся. Напротивъ, все болѣе признается, что радикальное преобразование капиталистическаго порядка „будетъ совершаться тѣмъ быстрѣе, чѣмъ эти частичныя улучшенія, отвоеванныя у господствующаго класса въ видѣ уступокъ, будутъ значительнѣе“, что „торжество социализма будетъ дѣломъ не пролетаріата, задавленнаго нищетой, а наоборотъ, дѣломъ рабочихъ, уже умѣющихъ побѣждать и уже добившихся сравнительно лучшихъ условій существованія“¹⁾.

Каковы же пути къ этимъ улучшеніямъ, — въ частности, какимъ образомъ русскій пролетаріатъ можетъ обезпечить себѣ результаты борьбы, которую онъ теперь ведетъ, достичь того, чтобы наступающая революція принесла ему не только политическое освобожденіе, но вывела его изъ крайней нищеты и экономической порабощенности?

Жизнь выдвинула пока на первый планъ объединеніе, рабочіе союзы. Не теперь въ Россіи нужно доказывать, какъ много можетъ дать профессиональная организація рабочихъ и въ политическомъ и въ экономическомъ отношеніи. На нашихъ глазахъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, очень часто въ теченіе мѣсяцевъ, благодаря организаціи, разрозненные, безсильные, безотвѣтные полуробы капитала, безропотно сносившіе всевозможную эксплуатацію, на которую столь изобрѣтателенъ первобытный кулачскій капитализмъ, превратились въ сплоченный классъ, повелительно диктующій свои условія растерявшимся предпринимателямъ. Какова бы ни была судьба этихъ первыхъ, въ пылу революціоннаго возбужденія зародившихся рабочихъ союзовъ, мощныхъ духомъ и героическою готовностью вынести всяческія лишенія для тор-

¹⁾ Вандервельдъ, „Золотая свадьба международнаго социализма“, р. пер., стр. 24.

жества своихъ цѣлей, но крайне бѣдныхъ средствами, — разлетятся ли они столь же быстро, какъ сложились, послѣ первыхъ неизбежныхъ поражений, подобно англійскимъ революціоннымъ трэдъ-юніонамъ 30-хъ годовъ, или непосредственно перейдутъ въ болѣе тѣсныя, болѣе скромныя по своимъ практическимъ задачамъ и болѣе осмотрительныя въ выборѣ средствъ союзы политическіе и профессиональныя, — во всякомъ случаѣ русскій рабочій уже никогда болѣе не забудетъ, что „въ единеніи — сила“; идея сплоченія никогда болѣе не умретъ; она будетъ расти и развиваться, какія бы препятствія ни встрѣтились временно на ея пути. Но именно потому, что организація такъ много сразу дала, если не въ экономическомъ, такъ, безспорно, въ социальномъ отношеніи, именно теперь, когда, въ упоеніи первыми побѣдами, на организацію, боевыя средства, фактическое осуществленіе правъ труда склонны возлагать самыя пылкія надежды, необходимо точно уяснить себѣ, что въ дѣйствительности могутъ дать рабочіе союзы и стачки и чего дать они не могутъ. Опытъ Запада въ этомъ отношеніи столь богатъ, мы имѣемъ для многихъ странъ столь хорошо разработанную статистику профессиональнаго движенія и стачечной борьбы, что отвѣтъ на поставленный вопросъ можетъ быть данъ достаточно опредѣленный.

Являясь громадной политической силой, рабочія организаціи въ области экономическихъ отношеній даютъ возможность каждому рабочему и всѣмъ имъ вмѣстѣ въ наибольшей степени использовать въ своихъ интересахъ существующее на рабочемъ рынкѣ соотношеніе силъ. Это весьма существенно, ибо, какъ справедливо отмѣчаютъ Веббы¹⁾, изолированный работникъ не знаетъ степени нужды предпринимателя въ рабочихъ, не знаетъ и состоянія товарнаго рынка, и того, въ какой мѣрѣ капиталистъ можетъ повысить заработную плату даже безъ ущерба для своей обычной прибыли только за счетъ повышенія рыночныхъ цѣнъ; и даже зная все это, но лишенный матеріальной поддержки товарищей, рабочій не имѣетъ возможности выждать, пока наниматель согласится на прибавку. Еще важнѣе роль союзовъ въ точномъ регулированіи условій работы, въ обеспеченіи надлежащей санитарной обстановки труда, въ сокращеніи продолжительности рабочаго дня. Но наряду съ тѣмъ же авторы указываютъ, что

„въ каждый данный моментъ будетъ существовать практическій предѣлъ выгодному повышенію требованій“; „трэдъ-юніонъ, который въ первые годы послѣ завершенія своей организаціи добился значительнаго повышенія своей нормы заработной платы, значительнаго сокращенія своего нормальнаго рабочаго дня и очень важныхъ улучшеній въ гигиеническихъ условіяхъ и условіяхъ безопасности мастерскихъ, — не сокративъ при этомъ ни коли-

¹⁾ „Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма“, р. пер., т. II, стр. 534 и слѣд.

чества, ни регулярности работы для своихъ членовъ, — можетъ вскорѣ увидѣть, что, несмотря на превосходную организацію и на крупныя денежныя средства, его дальнѣйшее развитіе замедляется, его попытки добиться новыхъ уступокъ становятся менѣ частыми и менѣ удачными... Барометръ, которымъ пользуется трэдъ-юніонистъ въ этомъ трудномъ плаваніи, довольно примитивенъ... Когда процентъ безработныхъ начинаетъ подниматься въ какойнибудь опредѣленной отрасли производства съ 3 или 5% — процентъ, обычный для оживленнаго положенія промышленности — до 10, 15 или даже 25%, т.-е. до уровня, до котораго онъ поднимается въ плохіе періоды, періоды упадка, — тогда долженъ наступить перерывъ въ борьбѣ рабочихъ за улучшеніе условій ихъ труда¹⁾.

Проф. Маршалъ, также несомнѣнный сторонникъ рабочихъ союзовъ, признавая, что, „при прочихъ равныхъ условіяхъ, существованіе трэдъ-юніона въ одной отрасли производства повышаетъ въ ней заработную плату сравнительно съ другими отраслями“, находитъ однако, что „вліяніе, оказываемое трэдъ-юніонами на средній уровень заработной платы, слабѣе, чѣмъ можно было бы думать, судя по ихъ вліянію на уровень платы въ каждой отдѣльной отрасли“, и считаетъ, что

“сила трэдъ-юніоновъ въ дѣлѣ повышенія заработной платы никогда не бываетъ значительна; она никогда не бываетъ настолько значительна, чтобы они могли успѣшно бороться противъ общихъ экономическихъ силъ своего времени, если эти силы враждебны повышенію заработной платы. Однако она достаточно велика, чтобы приносить серьезныя выгоды работникамъ, когда они стараются дѣйствовать заодно съ тѣми общими силами, которыя имѣютъ тенденцію улучшить ихъ положеніе морально или экономически, и укрѣпить эти силы“²⁾.

И въ самомъ дѣлѣ, что вліянію рабочихъ организацій есть очень опредѣленная граница, всего ярче доказываетъ громадная разница, какая существуетъ въ уровнѣ заработной платы въ разныхъ странахъ. Несомнѣнно, англійскіе трэдъ-юніоны обладаютъ лучшей организаціей, имѣютъ за собою большій опытъ и болѣе сплочены, чѣмъ стносительно молодые рабочіе союзы Соединенныхъ Штатовъ, и тѣмъ не менѣе, какъ извѣстно, заработная плата въ Англии раза въ полтора ниже, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ и почти въ два раза ниже, чѣмъ въ Австраліи, хотя тамъ организація труда еще слабѣе. Очевидно, общій уровень заработной платы въ странѣ, какъ и болѣе глубокія измѣненія его во времени не поддаются воздѣйствію рабочихъ союзовъ. Они могутъ ослабить, могутъ даже вовсе парализовать послѣдствія случайнаго сокращенія спроса на трудъ, но когда это уменьшеніе спроса пріобрѣтаетъ болѣе стойкій

1) Ib., стран. 600—601.

2) Ib., стран. 532.

характеръ, — ни система вооруженнаго мира и дипломатическихъ переговоровъ, ни крайнее боевое средство рабочихъ союзовъ — стачки — не въ состояніи предупредить неизбежнаго паденія заработной платы. Достаточно вспомнить печальный опытъ англійскихъ трэдъ-юніоновъ конца 70-хъ годовъ, когда сотни мелкихъ мѣстныхъ союзовъ и рядъ крупныхъ національныхъ организацій истощили всѣ свои фонды въ тщетной попыткѣ не допустить пониженія платы и удлиненія рабочаго дня.

Исторія рабочаго движенія показываетъ, что часто кончаются удачно и стачки юныхъ союзовъ, не располагающихъ почти никакими фондами, однако это бываетъ преимущественно въ тѣхъ отрасляхъ, которыя работаютъ на мѣстный рынокъ и въ которыхъ предпринимателю легко переложить все увеличеніе своихъ расходовъ на трудъ съ себя на потребителя, обыкновенно еще съ извѣстной надбавкой; другими словами, всего скорѣе — въ мелкомъ ремесленномъ производствѣ; и этимъ, быть можетъ, въ значительной степени объясняется успѣхъ бундистскихъ стачекъ у насъ въ сѣверо-западномъ краѣ. Напротивъ, тамъ, гдѣ такое переложеніе добавочныхъ расходовъ на потребителя невозможно и гдѣ борьба разгорается не изъ-за простого самодурства предпринимателя, не желающаго признавать союзы, а имѣетъ цѣлью улучшить положеніе рабочаго непосредственно за счетъ прибыли капиталиста, уменьшить долю послѣдняго въ продуктѣ труда, тамъ стачка требуетъ крайняго напряженія средствъ, тамъ, какъ общее правило, она кончается удачно преимущественно у богатыхъ союзовъ и въ періоды подъема промышленности, когда прибыль повышается.

Но и для богатыхъ странъ и для богатыхъ союзовъ стачка, даже какъ крайнее боевое средство, возможна лишь до тѣхъ поръ, пока существуетъ достаточно живая конкуренція между предпринимателями, пока послѣдніе въ разной степени страдаютъ отъ прекращенія производства и потому одни бываютъ вынуждены уступить рабочимъ и даже склонить къ этому остальныхъ въ то время, когда сами по себѣ тѣ не пошли бы еще на соглашеніе. Иное дѣло, когда концентрація производства достигла высоты, исключаящей конкуренцію, когда цѣлыя отрасли монополизуются трестами. Чикагская стачка углекоповъ 1902 г. ясно показала, что съ трестами борьба посредствомъ стачекъ чрезвычайно трудна, почти невозможна. Достаточно прочесть отчетъ о ней ея руководителя, Митчеля, въ его книгѣ объ организаціи труда въ Америкѣ, чтобы убѣдиться, что стачки даже при болѣе или менѣе полной объединенности рабочихъ и относительной зажиточности ихъ могутъ защитить интересы труда только на извѣстной стадіи развитія капитализма, пока существуетъ соперничество между капиталистами данной отрасли. Остается нерѣшеннымъ, что въ концѣ концовъ заставило тресты пойти на нѣкоторыя уступки, — столько ли стачка сама по себѣ, сколько давленіе общественнаго мнѣнія и государственной власти, грозившей репрессіями противъ монополизаціи промышленности.

Въ цѣломъ, факты послѣдняго времени только еще болѣе подтверждаютъ давнишнее мнѣніе, что самопомощь, какъ рѣшающее средство въ борьбѣ труда съ капиталомъ, возможна только для аристократіи труда и то до извѣстной ступени концентраціи производства. Когда этотъ предѣлъ перейденъ, когда конкуренція предпринимателей перестаетъ содѣйствовать успѣху рабочихъ, даже для лучше поставленныхъ и наилучше организованныхъ рабочихъ становится необходимымъ прямое или косвенное вмѣшательство государства. Для хуже оплачиваемыхъ слоевъ рабочаго класса и для странъ болѣе бѣдныхъ, съ болѣе низкимъ уровнемъ заработной платы и потому съ болѣе слабой организаціей рабочихъ союзовъ, законодательное регулированіе условій труда, естественно, всегда является главной надеждой и главнымъ стремленіемъ рабочихъ въ ихъ борьбѣ съ эксплуатаціей капиталистовъ. Вотъ почему болѣе склоненъ къ расширенію фабричнаго законодательства такъ наз. „новый юніонизмъ“ Англіи, представляющій болѣе простые виды труда, вотъ почему и въ Германіи, и въ Италиі, и въ Австріи политическая организація рабочихъ оттѣснила и подчинила себѣ организацію профессиональную. И, конечно, врядъ ли можетъ быть сомнѣніе, что и въ Россіи будущность принадлежитъ не рабочимъ союзамъ, а рабочей партіи, не самопомощи, а рабочему законодательству.

II.

Но и рабочее законодательство имѣетъ свои предѣлы, и предѣлы, довольно точно опредѣлимые. Оно можетъ лишь сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ предпріятій то, что для большинства изъ нихъ является само по себѣ необходимымъ экономически. Оно представляетъ могучее, для бѣдныхъ странъ часто самое важное средство для отвоеванія правъ труда; побѣды пролетаріата здѣсь могутъ быть самыя блестящія, но и въ данной области самое трудное не столько завоевать, сколько удержать завоеванное. Силу свою законодательныя измѣненія условій труда могутъ сохранить только постольку, поскольку эти измѣненія отвѣчаютъ дѣйствительному соотношенію силъ на рабочемъ рынкѣ. Приѣмъ воздѣйствія здѣсь значительно иной, чѣмъ при организованной самопомощи: не требованіе частнаго союза, а обязательный авторитетъ государственной власти, но тѣмъ не менѣе предѣлы вліянія почти тѣ же. При коллизіи съ жизнью исходъ всегда рѣшаетъ жизнь. Законъ фактически обходится, если онъ не отмѣняется формально. Если благопріятный для рабочихъ законъ изданъ при избыточномъ предложеніи труда, нужда заставитъ рабочихъ невольно согласиться на сверхурочную работу, аннулирующую опредѣленные закономъ нормы рабочаго дня, заставитъ посылать дѣтей на фабрику до достиженія ими установленнаго минимальнаго возраста, чтобы ихъ скуднымъ заработкомъ пополнить свой голодный бюджетъ; пониженіе заработной

платы дастъ возможность капиталисту фактически переложить на рабочаго всѣ взносы, которые онъ долженъ дѣлать по обязательному страхованію рабочихъ. Никакая регламентація, никакая репрессія не помогутъ, потому что жалобъ не будетъ поступать изъ опасенія потерять работу, которую такъ трудно получить. И обѣ стороны, при всей противоположности ихъ интересовъ, при всей ихъ враждѣ, будутъ совмѣстно изыскивать всевозможныя средства, чтобы незаконное по существу сдѣлать легальнымъ съ виду. Вполнѣ то же, разумѣется, произойдетъ, если законъ будетъ односторонне направленъ въ пользу предпринимателей въ такой моментъ, когда условія рабочаго рынка особенно благопріятны для труда. Классическій примѣръ того, насколько бессильно правительство измѣнить соотношеніе экономическихъ силъ, представляетъ попытка законодательнаго установленія максимума заработной платы въ средневѣковой Англии. Казалось, относительно ничтожное примѣненіе наемнаго труда въ столь отдаленную эпоху дѣлало особенно осуществимымъ контроль надъ условіями найма; за всякое нарушеніе установленныхъ нормъ законъ грозилъ суровыми карами, даже тюремнымъ заключеніемъ, не только рабочимъ, но впоследствии и предпринимателямъ, согласившимся платить больше положеннаго, и тѣмъ не менѣе, по общему признанію изслѣдователей¹⁾, законодательная нормировка заработной платы осталась безъ существеннаго вліянія на дѣйствительный уровень, поскольку мѣстныя власти, въ болѣе позднее время, сами въ своихъ таксахъ не приводили законъ въ согласіе съ жизнью. Тѣмъ болѣе безнадежна была бы всякая такая попытка вывести „надстройку“, не считаясь съ фундаментомъ, въ настоящее время. Обязательный минимумъ заработной платы, установленный закономъ въ Викторіи, — 50 коп. (1 шилл.) за часъ работы пекарю, 3 руб. 75 коп. (7 шилл. 6 пенс.) за 8-часовой рабочій день портному и т. п. — у насъ, въ Россіи, гдѣ рабочій сплошь и рядомъ получаетъ полтинникъ не за часъ, а за день труда, и день не въ 8, а въ 11½ час., при теперешнемъ состояніи спроса и предложенія труда, очевидно, прозвучалъ бы лишь горькой ироніей и, несомнѣнно, при самомъ энергичномъ проведеніи возымѣлъ бы не большую силу, чѣмъ обязательныя таксы эпохи первой французской революціи. Точно такъ же образцовое рабочее законодательство Новой Зеландіи не было бы фактически осуществлено, если бы, по условіямъ молодыхъ колоній, предприниматель въ Австраліи не находился въ такой зависимости отъ рабочаго и заработная плата не стояла тамъ столь высоко. Разумѣется, самое выгодное соотношеніе силъ не привело бы къ этому законодательству, если бы австралійскій пролетаріатъ не былъ сплоченъ и не сорганизовался какъ политическая партія.

¹⁾ См., напр., G. Steffen, „Studien zur Geschichte der englischen Lohnarbeiter“ (Stuttg., 1901), B. I, S. 325.

Подобнымъ же образомъ безъ соціалъ-демократіи нѣмецкій рабочій никогда не получилъ бы современной системы страхованія труда, но, съ другой стороны, врядъ ли подлежить сомнѣнію, что при всемъ вліяніи соціалъ-демократіи страхованіе рабочихъ въ Германіи не могло бы имѣть столь блестящій успѣхъ, если бы установленіе и осуществленіе его не совпало съ періодомъ исключительнаго подъема промышленности.

Вся сила пролетаріата въ его организованности, но завоеванія его зависятъ отъ того, къ чему эта сила прилагается. Англійскій рабочій использовалъ промышленную гегемонію своей страны. Германію возродили желѣзныя дороги, открывшія для ея индустріи и торговли рынки Россіи, Балканскаго полуострова, Италіи, отчасти Австро-Венгріи. Передъ Россіей нѣтъ такихъ перспективъ. Послѣ войны, какъ общее правило, всегда неизбѣженъ застой, какъ только прекращается усиленное производство, вызываемое нуждами войска, а въ Россіи и это временное оживленіе мало давало себя чувствовать, потому что страна уже переживала глубокой промышленный кризисъ. Однѣ политическія реформы не оживятъ промышленности, не создадутъ усиленнаго спроса на трудъ въ разоренной странѣ. Внутренній рынокъ не можетъ быть расширенъ и дальнѣйшимъ разложеніемъ натурального хозяйства деревни, потому что переходъ къ мѣновому хозяйству, къ покупкѣ на рынкѣ предметовъ, которые раньше производились дома, самъ предполагаетъ увеличеніе покупательныхъ средствъ крестьянина. Итакъ, не на увеличеніе спроса на трудъ приходится рассчитывать русскому рабочему. Успѣшность его борьбы съ капиталомъ путемъ организацій и стачекъ и дѣйствительный исходъ рабочаго законодательства, котораго онъ добьется въ тяжелой борьбѣ— всѣ результаты его дѣятельности для улучшенія своего положенія опредѣляются однимъ: найдетъ ли онъ способъ, и какой именно, чтобы вліять на состояніе рабочаго рынка. Соотношеніе силъ на рабочемъ рынкѣ опредѣляется двумя факторами: спросомъ на трудъ и предложеніемъ труда, и если спросъ на трудъ весьма рѣдко поддается какому-либо воздѣйствію со стороны рабочаго класса, если было бы безумно пассивно возложить всѣ упованія на болѣе или менѣе случайное оживленіе промышленности, то зато предложеніе труда въ большой степени допускаетъ планомѣрное регулированіе со стороны организованныхъ рабочихъ. Къ сокращенію предложенія очень часто сводится самая важная сторона дѣятельности трэдъ-юніоновъ, и на эту-то сторону вопроса, очевидно, должно быть обращено все вниманіе сознательныхъ рабочихъ и въ настоящее время въ Россіи. Но у нашихъ юныхъ рабочихъ соединеній нѣтъ средствъ для поддержанія безработныхъ и болѣе равномернаго распредѣленія рабочихъ по промышленнымъ центрамъ, какими располагаютъ старые трэдъ-юніоны Англии, и при всемъ томъ и тамъ, какъ мы говорили, едва ли не рѣшающее слово принадлежитъ состоянію промышленности, положенію товарнаго рынка, находящагося внѣ сферы вліянія рабочаго класса. Какъ же

можетъ русскій рабочій достигъ значительнаго сокращенія предложенія труда, поставить капиталиста въ зависимость отъ себя вмѣсто того, чтобы постоянно зависѣть отъ капиталиста, и прочно поддержать выгодное соотношеніе спроса и предложенія труда, разъ оно было бы достигнуто? Возможныя пути къ этой цѣли намѣчаетъ опытъ той же Англии, сдѣланный въ столь же критическій моментъ народной жизни, — чартизмъ 40-хъ годовъ въ связи съ рабочимъ движеніемъ 30-хъ годовъ.

Брентано называетъ чартизмъ первымъ социаль-демократическимъ движеніемъ XIX вѣка; но, когда мы ближе знакомимся съ этимъ движеніемъ, мы находимъ, что его правильнѣе характеризовать, по современной русской терминологіи, какъ социаль-революціонное, землевольческое движеніе. Въ общемъ все то, что переживалось тогда въ Англии, въ большой степени напоминаетъ современное движеніе въ Россіи, съ той существенной разницей, что смѣна теченій и плановъ дѣйствія, назрѣвавшая тамъ годами, у насъ въ вихрѣ революціи часто наступаетъ въ мѣсяць-другой.

III.

Въ первую половину 30-хъ годовъ вся энергія рабочаго класса Англии направляется на объединеніе и стачечную борьбу. Образованный Оуэномъ въ 1833 г. „Великій національный объединенный рабочій союзъ“ въ нѣсколько недѣль привлекаетъ по меньшей мѣрѣ до полумилліона членовъ; страна покрывается его ложами; многіе старые трэдъ-юніоны примыкаютъ къ его организаци. Начинается рядъ грандіозныхъ забастовокъ; онѣ ведутся съ большою настойчивостью, нѣкоторыя продолжаются цѣлые мѣсяцы, но, несмотря даже на оживленіе промышленности, большинство стачекъ, и въ томъ числѣ наиболѣе важныя, кончаются пораженіемъ рабочихъ. Средства объединенныхъ союзовъ быстро изсякаютъ, вѣра въ силу федераціи падаетъ, и къ концу 1834 г. „Національный объединенный союзъ“ фактически перестаетъ существовать. Стало ясно, что стачка не можетъ быть рѣшающимъ средствомъ, не можетъ доставить лучшія условія жизни всѣмъ рабочимъ во всей промышленности и въ болѣе или менѣе короткое время. Тогда всѣ надежды сосредоточиваются на широкомъ рабочемъ законодательствѣ, и лозунгомъ становится всеобщее избирательное право. Начинается чартизмъ въ тѣсномъ смыслѣ. Знаменитая народная хартія заключала, какъ извѣстно, исключительно только политическія требованія: всеобщее избирательное право, тайная подача голосовъ, равенство избирательныхъ округовъ, отмена имущественнаго ценза для депутатовъ, назначеніе діеты, ежегодный парламентъ. И тѣмъ не менѣе она собрала въ сравнительно короткое время 1.280 тысячъ подписей, и массовые митинги въ десятки, въ сотни

тысячъ человѣкъ, частыя столкновенія съ полиціей и войсками, призывы къ всеобщей стачкѣ и вооруженному сопротивленію, наконецъ, отдѣльныя попытки открытаго возстанія ясно показывали, что народъ для достиженія этихъ политическихъ требованій пойдетъ и на революцію. Но столь же ясно было, что участіе въ законодательствѣ разсматривалось въ значительной мѣрѣ какъ средство, цѣлью же было экономическое законодательство, отвѣчающее нуждамъ трудового населенія. Чего же требовали рабочіе отъ законодательства? Отмѣны гнусныхъ законовъ о бѣдныхъ, установленія минимума рабочей платы, 8-часового рабочаго дня, котораго домогались въ 1834 г. ольдгемскіе стачечники, наконецъ, экспропріаціи капитала, націонализаціи фабрикъ, обязательнаго введенія государствомъ кооперативно-коммунистическихъ общинъ Оуэна? Нѣтъ, уничтоженіе ненавистныхъ „бастилій труда“ рабочихъ домовъ — предполагалось само собою, но, разумѣется, не могло служить самостоятельной цѣлью. о минимумѣ рабочей платы, о 8-часовомъ рабочемъ днѣ часто нѣтъ рѣчи. и того, и другого, очевидно, надѣются достигъ менѣе прямымъ, но болѣе вѣрнымъ путемъ, посредствомъ общаго повышенія положенія рабочаго класса; экспропріація частныхъ предпріятій треуется пока только по отношенію къ монопольнымъ предпріятіямъ общественнаго значенія, какъ желѣзныя дороги, каналы, доки, газовые заводы, водопроводы и т. п.; кооперативныя ассоціаціи предоставляются еще частной инициативѣ при содѣйствіи государственнаго кредита, но такой кредитъ долженъ былъ въ равной мѣрѣ оказываться индивидуалистическимъ трудовымъ предпріятіямъ въ земледѣліи и промышленности; съ той же цѣлью поддержать самостоятельное производство и избавить его отъ эксплуатаціи посреднической торговли признается необходимымъ учрежденіе базаровъ труда по образцу, предложенному Оуэномъ (при чемъ однако мѣриломъ цѣнности можетъ служить одинаково и трудъ и хлѣбъ), но главнымъ, по существу исходнымъ средствомъ должна явиться коренная земельная реформа, *націонализація земли*. Такова, по крайней мѣрѣ, экономическая программа лѣваго крыла чартистовъ, впоследствии (въ 1849 г.) образовавшаго „Національную лигу реформъ“, такова издавна была программа истиннаго духовнаго вождя движенія — Бронтерра О'Бріена¹⁾. Промышленные рабочіе, для обезпеченія себѣ лучшихъ условій труда на фабрикахъ и въ городскихъ промыслахъ домогаются прежде всего обобществленія земельной собственности и не выставляютъ ничего такого, что непосредственно касалось бы фабричнаго труда. Это странное явленіе, столь же сильно поражающее наблюдателей въ родѣ А. Менгера, находитъ себѣ однако очень простое объясненіе. „Націонализація

¹⁾ См. Gammage, „History of the Chartist movement“ (rev. ed., 1894), p. 351.

²⁾ James Bronterre O'Brien, „The Rise, Progress, and Phases of Human Slavery“, London, 1885, p. 101.

земли, — говорится въ резолюціи Лиги²⁾), — откроетъ новые источники занятія для избыточнаго труда народа въ такое время, когда избыточность эта возрастаетъ съ каждымъ днемъ вслѣдствіе сосредоточенія машинъ въ рукахъ капиталистовъ“. „До тѣхъ поръ, — замѣчаетъ Бронтерръ О'Бріенъ въ своемъ комментарий къ резолюціи, — пока лендлорды и капиталисты имѣютъ возможность создавать какое имъ угодно „избыточное населеніе“, не позволяя народу самостоятельно обрабатывать землю за свой собственный счетъ, до тѣхъ поръ не можетъ быть ни постоянства занятій, ни достаточной рабочей платы“¹⁾. „Реформа, — указываетъ онъ далѣе²⁾ — которая не дастъ народу возможность пріобрѣтать собственность своимъ честнымъ трудомъ, быть независимымъ отъ порабощающей наемной работы, не доставитъ ему возможность жить въ собственномъ домѣ и не откроетъ всѣмъ свободнаго доступа къ землѣ, не заслуживаетъ серьезнаго вниманія“. Чартисты требуютъ націонализаціи земли не потому, конечно, чтобы только поземельная рента являлась, по ихъ мнѣнію, незаслуженнымъ доходомъ. Пролетаріи не могли, разумѣется, не понимать, что въ такой же мѣрѣ присвоеніемъ чужого труда, такимъ же продуктомъ монополизаціи средствъ производства является и прибыль на капиталъ. Прекраснодушное отношеніе къ капиталу, проявленное впослѣдствіи буржуазными приверженцами націонализаціи земли (Джорджемъ, Уоллесомъ и др.), имъ, ведшимъ упорную борьбу прежде всего съ эксплуатаціей фабричнаго труда, было, естественно, совершенно чуждо. Изъ одного источника получается рента, прибыль, дивиденды и налоги, — изъ „излишка между той цѣнностью, которую сельскіе и промышленные рабочіе фактически производятъ, и тѣмъ, что они получаютъ“³⁾. Чартисты поэтому съ одинаковой ненавистью относятся къ „выжимателямъ прибыли“, какъ и къ узурпаторамъ земли, одинаково отрицаютъ всякую собственность, не основанную на личномъ трудѣ (физическомъ или интеллектуальномъ). Не трудно замѣтить, что идеаломъ Бронтерра О'Бріена является общественное производство и общественная собственность на средства и продукты труда; и въ предложеніяхъ, и въ мотивировкѣ Лиги ясно сказывается вліяніе Оуэновскаго социализма. Но обобществленіе производства можетъ быть подготовлено лишь постепенно; поэтому пока предложенія въ этомъ отношеніи ограничиваются организаціей общественныхъ базаровъ труда и широкимъ кредитомъ всѣмъ трудовымъ предпріятіямъ; поэтому и не выдвигается требованіе объ обобществленіи капитала. Но обобществленіе земли возможно уже и теперь и оно непосредственно, въ рамкахъ существующаго строя, окажетъ великую помощь рабочему населенію; оно само по себѣ не устранитъ эксплуа-

1) *ibid.*, p. 117.

2) *ibid.*, p. 127.

3) *ibid.*, p. 130.

таціи, но оно уменьшитъ ее, давая занятіе избыточной арміи труда и тѣмъ позволяя регулировать предложеніе труда сообразно со спросомъ, и, естественно, что земельная реформа становится кореннымъ соціальнымъ требованіемъ англійскаго пролетаріата. Не всѣ представляли себѣ реформу во всемъ ея объемѣ, не всѣ считали возможнымъ ждать, пока власть перейдетъ къ народу. О'Конноръ выступаетъ съ планомъ выкупа части земли на собственные средства рабочихъ, и идея эта встрѣчаетъ такой горячій откликъ въ рабочемъ классѣ, что въ три года было собрано для этой цѣли около милліона рублей — сумма несомнѣнно крупная при бѣдности тогдашняго рабочаго въ Англии. Даже наиболѣе умѣренные изъ чартистовъ, какъ Ловеттъ, высказываясь противъ націонализаціи изъ опасенія, что она чрезвычайно усилитъ власть правительства, признаютъ однако необходимымъ всякое иное содѣйствіе мелкому трудовому земледѣлю. Три раза, въ 1839, 1842, 1848 гг., чартисты представляли свою петицію за милліонами подписей; три раза, казалось, страна находилась наканунѣ народной революціи, и всѣ три раза палата общинъ рѣшительно отвергала требованіе народа, и революція однако не вспыхнула. Очевидно, не потому не вспыхнула она, что не было надежды добиться непосредственнаго желанія рабочаго класса — всеобщаго избирательнаго права. Политическая реформа сама по себѣ, и особенно послѣ реформы 1832 г., не могла встрѣтить непреодолимаго противодѣйствія. Дѣло, ясно, было въ томъ, что самъ народъ утратилъ прежнюю вѣру въ жизненное значеніе для него парламентской реформы и утратилъ ее потому, что не возлагалъ болѣе прежнихъ надеждъ на соціальныя преобразованія, которыя долженъ былъ провести всенародный парламентъ. М. И. Туганъ-Барановскій въ очеркѣ чартизма, данномъ имъ въ книгѣ „Промышленные кризисы“ (2-е изд., 1900, ч. II, гл. 2), видитъ причину неуспѣха движенія въ томъ, что самая цѣль его, его аграрная программа, была реакціонно-романтической утопией. Приведя лозунгъ О'Коннора: „назадъ на землю“, онъ говоритъ: „на знамени чартизма стояло „назадъ“, а не „впередъ“: чартизмъ искалъ идеала не въ будущемъ, а въ прошломъ“ (стр. 261). Однако, въ послѣдней своей работѣ: „Земельная реформа“ (С.-Пб., 1905) — онъ совершенно иначе отнесся къ аграрному плану О'Бріена и къ націонализаціи земли вообще. Очевидно, и его жизнь убѣдила, что, „неопекаемая мысль работниковъ“, по справедливому выраженію проф. Эджворта, „болѣе правильнымъ путемъ дошла до цѣли, чѣмъ экономическая наука, введенная въ заблужденіе плохимъ методомъ“¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ, англійскій пролетаріатъ не такъ плохо разбирался въ своихъ нуждахъ, какъ первоначально рѣшилъ г. Барановскій. Не цѣль движенія была невѣрно намѣчена, а средство для достиженія этой цѣли

¹⁾ Цитир. у Веббовъ, 1. с., стр. 532.

нашлось другое, болѣе доступное, легче осуществимое. Непосредственною практическою цѣлью чартистовъ было регулированіе предложенія труда, ради этой цѣли звали они назадъ въ деревню, ради нея домогались націонализаціи земли, но оказалось, что этой цѣли, сокращенія „резервной арміи труда“, можно достигъ инымъ, болѣе легкимъ путемъ — путемъ эмиграціи. Въ Англіи землю надо было выкупать или получить посредствомъ кровавой революціи, въ Америкѣ она давалась почти бесплатно; дѣло сводилось главнымъ образомъ къ стоимости перѣзда, который, благодаря усовершенствованію океаническаго пароходства, сталъ значительно дешевле; въ Англіи земля всегда требовала значительнаго капитала для обработки, въ Америкѣ этотъ абсолютно необходимый инвентарь, по свойствамъ почвы, былъ меньше и нужная на обзаведеніе средства легче было скопить, благодаря высокой платѣ за трудъ; въ Англіи исходъ былъ только въ деревню, фабричный рабочий долженъ для этого оучиться пахать, въ Америкѣ онъ могъ остаться при своей профессіи. Естественно, что изъ двухъ средствъ для регулированія предложенія труда англійскій пролетаріатъ, въ концѣ концовъ, остановился на болѣе простомъ, на эмиграціи, а націонализація земли отошла на задній планъ, стала болѣе платоническимъ пожеланіемъ. Достаточно вспомнить необычайный ростъ переселенческаго потока въ эти годы. За двадцатые годы изъ Соединеннаго королевства выселилось всего лишь 200.000 чел., за тридцатые — съ небольшимъ полмилліона, за сороковые, подъ вліяніемъ голода въ Ирландіи и кризиса въ Англіи, уже 1.230.000 чел., за пятидесятые годы слишкомъ 2.000.000.

Несомнѣнно, эмиграція, широко и правильно поставленная, не мало помогла англійскому трэдъ-юніонизму въ его борьбѣ за лучшія условія труда. Но вернемся къ Россіи. Для Россіи этого исхода не существуетъ и существовать не должно. Выселеніе и переселеніе, какъ давно доказано, можетъ имѣть для Россіи только весьма поверхностное значеніе, а въ культурномъ отношеніи, при рѣдкомъ населеніи, знаменовало бы лишь шагъ назадъ. Но только два пути существуютъ для регулированія предложенія труда, для сокращенія его до размѣровъ, обеспечивающихъ рабочимъ, при данномъ состояніи спроса, сколько-нибудь сносна условія труда и для постояннаго поддержанія соотношенія предложенія и спроса на трудъ на этомъ уровнѣ, — это либо переселеніе въ другія страны, либо переходъ отъ наемной работы къ самостоятельному трудовому производству, — возвращеніе къ землѣ или сокращеніе постояннаго притока новыхъ силъ изъ деревень въ города. И разъ невозможна для Россіи въ широкихъ размѣрахъ эмиграція рабочаго населенія, единственный исходъ, единственное средство для рабочаго класса Россіи выйти изъ теперешней нищеты и приниженности, это — земельная реформа, которая прежде всего должна сдѣлать землю доступной для всѣхъ трудящихся.

IV.

Значеніе конкуренціи разоренной деревни на рабочемъ рынкѣ фактъ слишкомъ очевидный и не нуждается въ доказательствахъ, но вліяніе деревни на уровеньъ платы наемныхъ рабочихъ идетъ гораздо дальше и имѣетъ гораздо болѣе глубокой смыслъ, чѣмъ это обыкновенно себѣ представляютъ. Не въ томъ дѣло, что въ настоящій моментъ разоренное крестьянство выбрасываетъ ежегодно тысячи своихъ пролетаризованныхъ сочленовъ на рабочій рынокъ и тѣмъ понижаетъ цѣну на трудъ. Нѣтъ, суть въ томъ, что не только низкій доходъ крестьянина означаетъ низкую плату рабочаго, но и наоборотъ, высокій доходъ крестьянина обуславливаетъ высокую оплату наемнаго труда въ городѣ; суть въ томъ, что между деревней и рынкомъ труда существуетъ постоянное взаимодействие при всякихъ условіяхъ; суть въ томъ, что эксплуатація рабочаго потому лишь происходитъ, только потому часть его труда остается неоплаченной и идетъ капиталисту въ качествѣ прибавочной стоимости, что и трудъ крестьянина не оплачивается полностью, что и крестьянинъ создаетъ капиталисту прибавочную стоимость. Совершенно невѣрно утвержденіе Маркса, что „прибавочная стоимость не можетъ произойти изъ обращенія“, а возникаетъ только на рабочемъ рынкѣ. Оно противорѣчитъ имъ же установленному принципу мѣновой стоимости, согласно которому товары обмѣниваются по количеству рабочаго времени, общественно-необходимому на ихъ производство. Общественно-необходимое рабочее время есть, по опредѣленію Маркса, такое, которое требуется для производства товара при данныхъ общественно-нормальныхъ условіяхъ производства, и къ послѣднимъ, естественно, прежде всего относится размѣръ капитала. Если одинъ производитель работаетъ при низкомъ трудовомъ капиталѣ, при капиталѣ, абсолютно необходимомъ для веденія производства, а другой располагаетъ значительнымъ капиталомъ, естественно сильно увеличивающимъ производительность труда, ихъ продукты не будутъ обмѣниваться по фактически затраченному каждой стороной рабочему времени. Ихъ продукты будутъ переоцѣнены по трудовымъ затратамъ, которыхъ они потребовали бы при общественно-нормальномъ капиталѣ. Окажется, что мелкій производитель, если бы онъ располагалъ не минимальнымъ капиталомъ, а общественно-нормальнымъ, изготовилъ бы свой товаръ не въ четыре дня, а въ два дня; съ другой стороны, при общественно-нормальномъ капиталѣ на продуктъ капиталиста пришлось бы затратить два дня труда, а не одинъ, какъ онъ фактически употребилъ, пользуясь лучшими машинами, орудіями и т. п. Товары эти будутъ потому обмѣниваться какъ эквиваленты, такъ какъ они представляютъ одинаковое количество общественно-необходимаго времени: при общественно-нормальномъ капиталѣ на каждый изъ нихъ требуется затратить

то же количество рабочего времени, тѣ же два дня труда. Но въ дѣйствительности на одинъ изъ нихъ фактически употреблено четыре дня труда, на другой только одинъ рабочій день; слѣд., три четверти своего рабочего времени мелкій производитель отдастъ капиталисту даромъ, только потому, что онъ не располагаетъ такими условіями производства, такимъ капиталомъ, какъ его контрагентъ. Равенство въ обмѣнѣ является только формальнымъ; въ дѣйствительности въ самомъ принципѣ мѣновой стоимости заключается начало, которое всегда даетъ возможность лучше поставленной сторонѣ, располагающей большимъ капиталомъ, безвозмездно присваивать себѣ трудъ мелкаго производителя. Эксплуатація челоуѣка челоуѣкомъ происходитъ на товарномъ рынкѣ въ такой же мѣрѣ, какъ на рабочемъ. Трудовой крестьянинъ является объектомъ эксплуатаціи не только тогда, когда онъ вынужденъ бываетъ арендовать землю за сверхмѣрную цѣну, или прибѣгать къ займамъ, но при всякомъ соприкосновеніи его съ рынкомъ, каждый разъ, когда такъ или иначе устанавливается его доля въ народномъ продуктѣ, потому что доля эта опредѣляется не по дѣйствительному участию его въ народномъ трудѣ, не по фактической его работѣ, а по тому, сколько нужно было бы затратить труда на произведенные имъ продукты, если бы онъ располагалъ большимъ капиталомъ; и въ конечномъ результатѣ его рабочій годъ принимается при дѣлежѣ въ три четверти года, въ полгода или четверть года, въ зависимости отъ того, какимъ капиталомъ пользуются другіе участники народнаго производства. И только потому, что трудовой крестьянинъ не получаетъ полной оплаты своего труда, оставаясь самостоятельнымъ производителемъ, онъ переходитъ въ наемные рабочіе и соглашается получать отъ фабриканта лишь часть продукта, вырабатываемаго имъ при помощи увеличеннаго капитала. Въ самомъ дѣлѣ, если крестьянинъ за мѣру хлѣба, на которую онъ въ среднемъ затратилъ четыре дня работы, получаетъ на рынкѣ только одинъ пудъ листового желѣза, требовавшаго на заводѣ капиталиста лишь одного дня работы одного рабочего, то, естественно, для него есть полный расчетъ стать въ работники на этотъ заводъ, если ему предложить, допустимъ, треть того, что онъ будетъ вырабатывать на заводѣ. На треть пуда листового желѣза, которую онъ получитъ въ качествѣ заработной платы, т.-е. на денежную сумму, которой равняется эта треть его продукта, онъ можетъ купить треть мѣры хлѣба; на трехдневный заработокъ онъ купитъ цѣлую мѣру, между тѣмъ какъ на собственной землѣ онъ тратилъ на мѣру хлѣба четыре дня труда. Такимъ образомъ, при всей эксплуатаціи его труда капиталистомъ, онъ теперь, будучи наемнымъ рабочимъ, получитъ все же больше, чѣмъ вырабатывалъ раньше, какъ самостоятельный хозяинъ, потому что тогда его трудъ еще въ большей степени эксплуатировался тѣмъ же капиталистомъ — съ той только разницей, что это присвоеніе его труда происходило въ сферѣ обмѣна, на товарномъ

76084
рынокъ, а не на рабочемъ. И такъ, не одно только полное отсутствіе средствъ для самостоятельнаго производства, но и неравенство въ этихъ средствахъ можетъ вынудить челоѣка вынести на рынокъ вмѣсто продукта своего труда самый трудъ — рабочую свою силу. Естественно, оплата этого труда будетъ при этомъ тѣмъ ниже, чѣмъ больше неравенство въ средствахъ производства и чѣмъ меньше доходъ самостоятельнаго производителя. Напротивъ, всякое повыше- ніе дохода самостоятельнаго работника должно поднять и зарабо- тную плату наемнаго рабочаго, иначе сократится притокъ силъ изъ самостоятельныхъ промысловъ въ область наемнаго труда и начнется обратный отливъ рабочихъ въ деревню, къ самостоя- тельному хозяйству. Разумѣется, не всѣ рабочіе будутъ имѣть возможность вернуться къ самостоятельному труду; какъ ни малъ капиталъ, абсолютно необходимый для веденія хозяйства, зна- чительная часть рабочаго класса не располагаетъ и такимъ капи- таломъ. Но даже при значительномъ повышеніи заработной платы капиталистъ не можетъ обойтись безъ наемнаго труда, не можетъ всѣхъ рабочихъ замѣнить машинами. Фактически поэтому достаточно, чтобы нѣкоторая, относительно даже незначительная часть рабо- чихъ имѣла возможность стать самостоятельными хозяевами, и между самостоятельнымъ доходомъ и заработной платой по необ- ходимости установится полное соотвѣтствіе: послѣдняя повысится въ такой же мѣрѣ, въ какой увеличился первый. Въ странахъ земледѣльческихъ съ многочисленнымъ крестьянствомъ такая воз- можность для нѣкоторой части рабочаго класса вернуться къ земледѣлію всегда существуетъ, существуетъ уже потому, что въ нихъ между самостоятельнымъ и наемнымъ трудомъ есте- ственно образуется рядъ переходныхъ ступеней, и сокращеніе предложенія труда можетъ въ нихъ легко совершиться множе- ствомъ разнообразныхъ путей (сокращеніе отхода, побочныхъ промысловъ, времени работы на фабрикѣ при смѣшанномъ фаб- рично-земледѣльческомъ трудѣ и т. д.) безъ рѣзкой ломки въ заня- тіяхъ и строѣ жизни. Поэтому къ земледѣльческимъ странамъ въ полной мѣрѣ приложимъ принципъ заработной платы Джорджа — „заработная плата зависитъ отъ предѣла производительности или отъ продукта, который трудъ можетъ получить при наиболѣе благопріят- ныхъ условіяхъ безъ платежа ренты“. Какъ увидимъ дальше, послѣд- нее ограниченіе — „безъ платежа ренты,“ — врядъ ли справедливо, но во всякомъ случаѣ, опредѣляется ли заработная плата въ земе- дѣльческихъ странахъ всѣмъ доходомъ самостоятельнаго произво- дителя на предѣльномъ участкѣ обработки или за вычетомъ изъ этого дохода ренты (если предѣльный участокъ обработки въ дан- ной странѣ фактически приноситъ ее), безспорно, что между само- стоятельнымъ доходомъ мелкаго производителя и оплатой наемнаго труда существуетъ самая тѣсная зависимость и что дѣйствительно и прочно понизить мѣру эксплуатаціи наемнаго труда возможно, только повысивъ доходъ самостоятельнаго производителя. Законъ

этотъ не новый, не Джорджемъ только открытый; онъ настолько ярко выступаетъ въ жизни каждой земледѣльской страны, что, естественно, не могъ остаться незамѣченнымъ. На зависимость заработной платы отъ степени доступности земли указывали еще и А. Смитъ ¹⁾ и Тюненъ ²⁾. Призналъ эту зависимость и Марксъ, но только по отношенію къ колоніямъ.

Въ колоніяхъ „сегодняшній наемный работникъ“, говоритъ онъ, „становится завтра независимымъ крестьяниномъ или самостоятельнымъ ремесленникомъ. Онъ исчезаетъ съ рабочаго рынка, но только не въ рабочій домъ. Это постоянное превращеніе наемнаго работника въ независимаго производителя, работающаго на самого себя, а не на капиталиста, и обогащающаго вмѣсто господъ капиталистовъ тоже самого себя, съ своей стороны воздѣйствуетъ очень пагубно на состояніе рынка наемнаго труда, а стало быть, и на норму рабочей платы. Не только степень эксплуатаціи наемныхъ работниковъ остается низкой до неприличія, но послѣдніе вмѣстѣ съ зависимыми отношеніями теряютъ также чувство зависимости отъ воздерживающагося капиталиста“ („Капиталь“, т. I, стран. 672).

Марксъ точно оговариваетъ, что „здѣсь рѣчь идетъ о дѣйствительныхъ колоніяхъ, о дѣвственной почвѣ, на которой поселяются свободные пришельцы“ ³⁾, но онъ не указываетъ никакихъ основаній, почему это вліяніе самостоятельнаго трудового дохода на оплату наемнаго труда не будетъ проявляться въ каждой странѣ, гдѣ земля формально или хотя бы фактически открыта для значительной части наемныхъ рабочихъ. Дѣвственная почва колоній можетъ повышать доходъ самостоятельнаго производителя, какъ потребительную стоимость, на нетронутой почвѣ поселенецъ соберетъ съ меньшимъ трудомъ большій урожай, и соотвѣтственно должна быть выше и „реальная заработная плата — дѣйствительное количество предметовъ необходимости и удобства жизни, получаемыхъ работникомъ“ (Смитъ). Въ давно заселенной странѣ съ болѣе истощенной почвой трудъ земледѣльца будетъ вознаграждаться относительно меньшимъ урожаемъ и сообразно съ тѣмъ относительно ниже будетъ и реальное вознагражденіе наемнаго труда. Но и здѣсь, въ странѣ старой культуры, заработная плата должна въ той же мѣрѣ, какъ во вновь заселяемой колоніи, регулироваться самостоятельнымъ доходомъ трудового земледѣльца, если дѣйствительно наемный рабочій имѣетъ въ ней возможность вернуться къ земледѣлію, какъ только онъ того пожелаетъ, т.-е. какъ только его плата окажется ниже того, сколько онъ могъ бы выручить, ведя самостоятельное сельское хозяйство. Нѣтъ, конечно, не потому Марксъ внесъ это ограниченіе относительно колоній, что

¹⁾ „Богатство народовъ“, р. пер., т. II, стр. 423.

²⁾ Thünen, „Der isolirte Staat“, 2-er Theil, Rost., 1850, р. 139.

³⁾ „Капиталь“, т. I, стр. 668, прим. 269.

въ нихъ почва богатая, а потому, разумѣется, что самый фактъ доступности земли для всѣхъ желающихъ ее обрабатывать онъ считалъ примитивнымъ фактомъ, возможнымъ только въ странахъ впервые заселяемыхъ, либо лишь какъ пережитокъ давно минувшаго хозяйственнаго строя, неизбежно обреченный на исчезновение. Но, разъ этотъ „пережитокъ“ не исчезаетъ, и тамъ, гдѣ онъ сохраняется, гдѣ земля фактически болѣе или менѣе доступна для населенія, мы, очевидно, должны примѣнять по отношенію къ заработной платѣ тѣ же принципы, которые устанавливаетъ Марксъ для колоній, должны признать здѣсь неразрывную солидарности-интересовъ рабочаго и трудового крестьянина, всегда должны твердо помнить слова Маркса, что „средства производства и существованія не представляютъ капитала, если они составляютъ собственность непосредственныхъ производителей, самихъ работниковъ. Они становятся капиталомъ только при томъ условіи, если служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ средствомъ эксплуатаціи работниковъ и власти надъ ними“ (I. с. I, 670). Противопологать крестьянина рабочему, какъ собственника орудій производства носителю труда, какъ капиталиста пролетарію, говорить о враждебности интересовъ самостоятельнаго трудового производителя и наемнаго рабочаго значитъ сводить марксизмъ къ отрицанію Маркса и въ столь коренномъ вопросѣ жизни повторять одну изъ самыхъ вульгарныхъ ошибокъ вульгарной экономіи, готовой въ стремленіи къ точности теоретическаго анализа разсматривать какъ капиталъ даже лукъ и стрѣлы дикаря. И, конечно, какъ справедливо замѣчаетъ В. М. Черновъ, нетрудно рѣшить, кто въ данномъ случаѣ болѣе „марксистъ“, „еретикъ ли Фольмаръ или правовѣрнѣйшій изъ правовѣрныхъ Каутскій“¹⁾. Но мнѣ представляется, что В. М. Черновъ въ своей превосходной брошюрѣ еще не достаточно сильно оттънилъ всю зависимость этихъ двухъ классовъ трудящагося населенія въ томъ случаѣ, когда между ними вообще существуетъ хоть какая-либо связь. Да, теоретически по крайней мѣрѣ, можно себѣ представить случай, когда въ странѣ существуетъ трудовое крестьянство — разумѣется, немногочисленное, — всю свою рабочую силу отдающее только землѣ, не имѣющее и не ищущее никакихъ подсобныхъ заработковъ, никакихъ отхожихъ промысловъ, и что въ то же время для наемныхъ рабочихъ земля остается закрытой, они не могутъ по желанію бросить наемный трудъ и стать самостоятельными хозяевами. Въ такомъ случаѣ между крестьянами и рабочими не будетъ коллизіи интересовъ, но не будетъ и солидарности этихъ интересовъ, оба класса будутъ идти обособленными путями. Зажиточность крестьянина не увеличитъ заработка наемнаго рабочаго; низкая оплата наемнаго труда не будетъ отражаться на положеніи самостоятельнаго хозяина. Въ дѣйствительности такой случай можетъ явиться только очень рѣдкимъ и совершенно временнымъ фактомъ. Либо

¹⁾ „Крестьянинъ и рабочій“, стран. 20.

земледѣліе требуетъ—допустимъ, по условіямъ почвы—значительнаго капитала, и тогда трудовое хозяйство вообще невозможно; либо оно ведется съ помощью общедоступнаго капитала, доступнаго, слѣд., и для значительной части наемныхъ рабочихъ, и тогда рабочій имѣетъ возможность стать самостоятельнымъ хозяиномъ, и тогда между обоими классами будетъ не простая лишь солидарность интересовъ, рождающая извѣстное взаимное сочувствіе и поддержку въ опредѣленныхъ случаяхъ. Нѣтъ, тогда ихъ судьба соединена самымъ тѣснымъ образомъ, и бороться за лучшую жизнь они могутъ только сообща. Тогда для рабочаго уровень крестьянскаго благосостоянія „не только не безразличенъ“, и онъ интересуется его не только постольку, поскольку оно сказывается на увеличеніи или уменьшеніи „количественнаго и качественного состава резервной арміи труда“; въ интересахъ городскихъ рабочихъ тогда не только „прекращеніе пролетаризаціи деревни“. Нѣтъ, тогда заработная плата наемнаго рабочаго прямо опредѣляется предѣльнымъ доходомъ самостоятельнаго крестьянина. Тогда, т.-е. при доступности земли для большей части населенія, повышеніе уровня благосостоянія деревни — самое могучее средство въ рукахъ рабочаго въ его борьбѣ съ капиталомъ, единственно вѣрный и самый важный путь для обезпеченія себѣ болѣе достойнаго существованія.

Но общедоступность земли сама по себѣ еще ни въ какой мѣрѣ не обезпечиваетъ высокой оплаты наемнаго труда, потому что этимъ еще не обезпечивается и высокій доходъ крестьянина. Общедоступность земли дѣлаетъ лишь то, что оба эти дохода стоятъ на болѣе или менѣе одинаковомъ уровнѣ, одинаково высоки, или одинаково низки. В. Ильинъ указываетъ на то, что мѣстами крестьянинъ зарабатываетъ у насъ меньше, чѣмъ получаетъ батракъ, и въ этомъ видитъ одинъ изъ признаковъ разложенія и внутренней несостоятельности мелкаго земледѣлія. Но доходъ трудового крестьянина въ среднемъ и не можетъ быть выше заработка наемнаго рабочаго. И не въ томъ признакъ деревенскаго разоренія, что доходъ трудового хозяина и плата наемнаго работника болѣе или менѣе одинаковы, а въ томъ, что оба они одинаково низки. И то, что называютъ пролетаризаціей деревни, обезземеленіемъ крестьянства — забрасываніе надѣловъ, переходъ къ городскимъ промысламъ, къ наемному труду — можетъ совершаться при всякомъ уровнѣ крестьянскаго трудового дохода. Вся разница лишь въ томъ, какъ оно будетъ совершаться, на какихъ условіяхъ крестьянинъ-хозяинъ перейдетъ въ наемные рабочіе. И при высокомъ уровнѣ благосостоянія рядового крестьянина, не пользующагося батраческимъ трудомъ, промышленность будетъ развиваться, капиталистъ найдетъ себѣ рабочихъ, крестьянинъ будетъ бросать землю и поступать въ работники, но онъ потребуетъ значительно большую плату, больше досуга, больше вниманія къ своему здоровью и къ своему достоинству.

Промышленность можетъ поглотить и все самостоятельное

крестьянство, но это будет означать, что прежние самостоятельные производители теперь в качестве наемных рабочих зарабатывают больше, чем им раньше давало их собственное хозяйство. Таков будет всегда результат в течение ближайшего периода со времени перехода от независимого труда к наемному, и с большим основанием можно даже сказать, что таков будет результат и навсегда, что в среднем за большой период времени заработная плата никогда не может быть много ниже того, что давало некогда, что может дать теперь земля, если вновь вернуться к строю трудового крестьянского хозяйства. Во всяком случае там, где мелкое земледелие сохраняется в сколько-нибудь значительных размерах, оно навсегда остается регулирующей основой заработной платы. Теория насильственного обезземеления, как и вся теория порабощения народных масс господствующими классами, по моему мнению, нуждается в коренном пересмотре и имеет за собой не больше логики и не больше фактов, чем некогда столь популярная теория обнищания или „железный закон“ заработной платы¹⁾. Если бы народ был бессильным рабом в прошлом, ничто не могло бы обеспечить его от нового порабощения в будущем, и всякая победа народного дела имела бы относительное и преходящее значение, одни внешние условия производства не могут прочно изменить положения, потому что они сами создаются людьми и изменяются людьми. Нет, народ победит потому, что он всегда сам творил свою историю, что всегда порабощение его было только кажущееся, допускалось добровольно им для лучшей организации народного производства. Народ поступался равенством, если меньшая доля в общем продукте обеспечивала абсолютно больший доход, и лишь до тех пор, пока представлялось невозможным сохранить ту же производительность труда без сопровождающего ее неравенства. Естественно поэтому, что при фактической повёртке теории насильственной экспроприации оказывается мало отвечающей действительности. Маркс приводит как классический пример насильственной экспроприации обезземеление крестьянства в Англии. Но чем больше приближается документальное историческое изучение к эпохе, разбираемой Марксом, тем больше выясняется несостоятельность этого взгляда на характер перехода самостоятельного сельского населения к наемному городскому труду. Прежде всего оказывается, что английское крестьянство относительно — сравнительно, напр., с французским — отличалось значительной зажиточностью. Тяжелая английская почва требовала для обработки тяжелого плуга в 8—10—12

¹⁾ Соглашаясь с необходимостью более критического отношения к теории насильственного обезземеления, которая иногда слишком прямолинейно прилагается к объяснению сложных фактов и тормозит дальнейшее детальное исследование их, мы не можем, однако, принять и точку зрения автора в той форме, как она здесь высказана. *Прим. ред.*

воловъ; крестьяне широко пользовались супрягой, но тѣмъ не менѣе необходимо было, чтобы каждый дворъ обладалъ извѣстнымъ, довольно высокимъ минимумомъ скота; чтобы обезпечить двору этотъ необходимый скотъ, весь дворъ въ полномъ составѣ переходилъ къ одному сыну, обыкновенно младшему; остальные сыновья должны были, по выраженію современниковъ, „искать земли, гдѣ могли“. Вслѣдствіе того въ Англіи съ самыхъ древнихъ временъ, задолго до всякаго возникновенія капиталистическаго производства, еще въ XI—XII столѣтіи, созданъ весьма многочисленный классъ безземельныхъ и малоземельныхъ. Такимъ образомъ, когда промышленность стала развиваться, она нашла готовые кадры наемнаго труда, но когда этихъ первыхъ кадровъ оказалось недостаточно, она была вынуждена значительно поднять вознагражденіе труда, чтобы привлечь въ города и самостоятельныхъ крестьянъ-хозяевъ; по крайней мѣрѣ, поскольку можетъ теперь быть выясненъ доходъ средне-вѣковаго англійскаго крестьянина XIV—XVI столѣтія, онъ оказывается много ниже средняго заработка наемнаго рабочаго того времени. Съ другой стороны, рядъ объективныхъ данныхъ указываетъ на массовый переходъ крестьянъ въ города не подъ давленіемъ землевладѣльцевъ, а вопреки всѣмъ стараніямъ и лендлордовъ, и правительства задержать этотъ отливъ населенія изъ деревень. Надѣлы забрасываются или сдаются за безцѣнокъ сосѣдямъ. Постепенно среди крестьянъ начинается собираніе и консолидированіе этихъ мелкихъ участковъ въ цѣляхъ большаго развитія овцеводства, которое давало значительную прибыль; лендлорды, раньше не знавшіе какъ быть съ брошенными землями, уступавшіе ихъ часто за совершенно ничтожные платежи, теперь пожелали получить свою долю въ возросшей благодаря овцеводству доходности земли, и вся ожесточенная аграрная борьба первой половины XVI столѣтія, вплоть до крестьянскаго возстанія 1549 г., по всей видимости, имѣетъ самымъ главнымъ своимъ предметомъ вопросъ о платежахъ за добавочныя земли, попавшія въ руки крестьянъ-предпринимателей, іоменовъ-овцеводовъ. Во всякомъ случаѣ теорія массоваго насильственнаго обезземеленія не находитъ себѣ сколько-нибудь достаточнаго подтвержденія въ объективномъ матеріалѣ, какимъ мы располагаемъ въ настоящее время по этому вопросу, да она въ корнѣ противорѣчитъ всему прошлому англійскаго крестьянства, которое, благодаря относительной зажиточности своей, всегда съ большимъ успѣхомъ вело борьбу съ лендлордами и издавна сумѣло фактически обезпечить себѣ всѣ существенныя права, несмотря на полное свое безправіе по писанному закону.

Нѣтъ, не насиліе опредѣляетъ вообще условія перехода отъ мелкаго самостоятельнаго производства къ наемному труду въ крупной индустріи, а расчетъ, и чтобы эти условія были болѣе выгодны, чтобы рабочіе могли и въ будущемъ обезпечить себѣ болѣе удовлетворительное положеніе и прежде всего лучшую оплату своего труда, есть только одинъ путь — это увеличеніе доходности само-

стоятельнаго труда, а такъ какъ важнѣйшей отраслью самостоятельнаго трудового производства является мелкое земледѣліе, — то путь этотъ, прежде всего, — коренная земельная реформа. За нее долженъ стоять каждый рабочій въ земледѣльческой странѣ не во имя альтруизма, не изъ сочувствія чужому горю — нуждѣ трудового крестьянства, а во имя самыхъ кровныхъ собственныхъ интересовъ, для завоеванія всему пролетариату болѣе сносныхъ условій труда. Другого пути быть не можетъ. Все остальное имѣетъ значеніе только въ связи съ такимъ болѣе кореннымъ измѣненіемъ положенія пролетариата, и внѣ этой связи рабочіе союзы и даже рабочее законодательство окажутся лишь палліативами, способными помочь рабочимъ только временно или только немногимъ, лучше поставленнымъ слоямъ рабочаго класса. Земельная реформа необходима не только потому, что она уменьшитъ притокъ избыточныхъ „рукъ“ изъ деревень. Она жизненно необходима въ интересахъ наемныхъ рабочихъ потому, что въ земледѣльческой странѣ заработная плата прямо опредѣляется доходомъ крестьянина. Интересы пролетариата требуютъ поэтому, чтобы земельная реформа не только открыла доступъ къ землѣ для всѣхъ трудящихся, но чтобы она возможно болѣе повысила доходность самостоятельнаго трудового земледѣлія и создала условія для прогрессивнаго развитія его въ будущемъ.

V.

Крестьянское движеніе значительно ослабило прежній аграрный скептицизмъ. Недавній страхъ передъ крестьянской инертностью и долготерпѣливою покорностью, заставлявшій махнуть рукой и на крестьянство, какъ оно есть, и вообще на мелкое трудовое хозяйство, все болѣе смѣняется теперь сознаниемъ, что только народъ въ его совокупности, только объединеніе рабочаго класса и трудового крестьянства можетъ обезпечить странѣ демократическій строй и глубокія экономическія преобразованія. Голосъ жизни властно завладѣваетъ умами, и земельная реформа, въ томъ или другомъ видѣ, все болѣе становится лозунгомъ всѣхъ демократическихъ партій и слоевъ. Однако на ряду съ требованіемъ „отрѣзковъ“, дополнительныхъ надѣловъ и даже болѣе серьезныхъ аграрныхъ преобразованій тѣ же лица часто указываютъ на необходимость „соціально-экономическаго перевоспитанія“ крестьянства и признаютъ, что въ „земельномъ вопросѣ, въ этомъ смыслѣ, наиболѣе правъ марксизмъ, который ставитъ обобществленіе земельной собственности въ непосредственную связь съ обобществленіемъ капитала и реорганизаціей всего производства на новыхъ началахъ“¹⁾.

Но марксизмъ потому считаетъ невозможнымъ обобществленіе земли до обобществленія капитала, что признаетъ неизбѣжнымъ вытѣсненіе мелкаго производства крупнымъ, капиталистическимъ и

¹⁾ Проф. Соболевъ, „Къ аграрному вопросу“, „Наша Жизнь“, № 105.

въ области земледѣлія. Естественно, что при такомъ прогнозѣ нельзя рекомендовать націонализацию земли при существующемъ частно-хозяйственномъ укладѣ производства, такъ какъ она неотвратимой гибели крестьянскаго земледѣлія не остановитъ, а лишь сдѣлаетъ экономическую эволюцію болѣе затяжной. Но тогда нельзя рекомендовать и дополнительнаго надѣленія крестьянства. Либо, наоборотъ, мы признаемъ возможность сохраненія трудового крестьянства, и тогда теоретически возможна самая широкая аграрная реформа. Серединнаго пути, половинчатости здѣсь не можетъ быть, потому что теоретическая мысль всего менѣе допускаетъ компромисы, да и въ жизни безпринципныя реформы уже потому имѣютъ мало значенія, что ими поступаются при первой неудачѣ. Поэтому раньше чѣмъ говорить о средствахъ, необходимо вернуться къ основной проблемѣ: возможно ли сохраненіе мелкаго земледѣлія, возможенъ ли его прогрессъ и увеличеніе его доходности? Противъ такой возможности говоритъ прежде всего и всего болѣе непосредственное наблюденіе. Агронома, хорошо изучившаго рациональное земледѣліе, не можетъ не ужасать нищенское крестьянское хозяйство, его жалкіе результаты, громадная непосильная затрата труда, въ то время, какъ при большомъ капиталѣ и большомъ знаніи, легко можно было бы достигъ большаго дохода съ меньшимъ расходомъ рабочей силы. Въ его настоящемъ видѣ мелкое земледѣліе должно естественно ему представляться не только „увѣковѣчиваніемъ посредственности“, а совершенно недопустимымъ хищничествомъ нищеты и невѣжества, истощающимъ работника и землю. Экономистъ-статистикъ не можетъ не констатировать, что община не спасла деревни отъ обнищанія и не водворила „равенства и братства“, что наряду съ общимъ разореніемъ усиливается кулачество, выростають богатые дворы и ярко вырисовывается разложеніе деревни на экономически разнородные элементы. И невольно является сомнѣніе, чтобы это худосочное, неустойчивое, разоренное хозяйство было возможно спасти путемъ даже самаго благожелательнаго законодательства. Всякое покровительство трудовому земледѣлію представляется такимъ же безнадежнымъ и бессильнымъ, какъ бессильными оказались всѣ попытки поддержать кустарную промышленность, и естественно является выводъ, что за современнымъ разореніемъ, какъ указываетъ П. Б. Струве,

„неизбѣжно должно слѣдовать дальнѣйшее развитіе не только экономическаго неравенства въ средѣ крестьянства, но также и сельскохозяйственнаго капитализма. Поэтому, если государство по какимъ-либо соображеніямъ желаетъ укрѣплять не крупное, а мелкое землевладѣніе, то, при данныхъ экономическихъ условіяхъ, оно можетъ достигнуть этой цѣли не тѣмъ, что будетъ гоняться за неосуществимымъ экономическимъ равенствомъ среди крестьянства, а только путемъ поддержанія его жизнеспособныхъ элементовъ, путемъ созданія изъ нихъ экономически крѣпкаго крестьянства“¹⁾.

¹⁾ „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи“, С.-Иб., 1894, стран. 239.

Несомнѣнно, наблюденія эти во многомъ вполнѣ справедливы. Несомнѣнно, большій капиталъ могъ бы сдѣлать земледѣльческій трудъ значительно болѣе успѣшнымъ. Несомнѣнно, бѣдность является чрезвычайнымъ тормазомъ во всякихъ улучшеніяхъ. Безспорно также, что деревенское населеніе далеко не представляетъ однородной массы, что повсюду существуютъ кулаки-богатѣи, и всюду крестьяне широкимъ потокомъ переливаются въ города, часто забрасывая землю. Но упускаютъ изъ виду одно: что тѣ же явленія наблюдались въ Западной Европѣ еще сто лѣтъ назадъ. И тамъ раздавались тѣ же жалобы на несостоятельность и нераціональность мелкаго земледѣлія. И тамъ виднѣйшіе представители агрономической науки и экономической теоріи произносили смертный приговоръ отсталому архаическому мелко-трудовому хозяйству. Наканунѣ революціи фізіократы доказывали, что „государство должно быть населено *богатыми* землевладѣльцами“¹⁾, что „слѣдуетъ привлекать богатство въ деревни для того, чтобы развить крупное и вытѣснить мелкое землевладѣніе“, потому что „при крупномъ землевладѣніи одинъ человѣкъ, управляя плугомъ, въ который запряжены лошади, выполнить то же самое количество работы, что и шесть человѣкъ при трехъ плугахъ, влекаемыхъ быками“, и въ своей совокупности въ бѣдномъ хозяйствѣ „издержки слишкомъ велики сравнительно съ чистымъ продуктомъ, равняющимся почти нулю, и количество употребляемой непроизводительной земли въ десять или двѣнадцать разъ болѣе“, чѣмъ при крупномъ землевладѣніи, и при этомъ „отсутствіе затратъ влечетъ за собою крайне убыточное истощеніе земли“²⁾. Величайшій агрономическій авторитетъ эпохи, Артуръ Юнгъ, отдавая полную дань уваженія безконечному трудолюбію мелкаго собственника, однако самое мелкое хозяйство рѣшительно признавалъ совершенно несостоятельнымъ. „Гдѣ вы найдете мелкаго фермера, — писалъ онъ³⁾, — который удобрилъ бы всю свою ферму мергелемъ, расходуя по 100-150 тоннъ на акръ, который осушилъ бы всю свою ферму, истративъ на акръ 2 или 3 фунта, который заплатилъ бы большую цѣну за городское удобреніе и перевозилъ бы его за тридцать миль на ферму, который удобрялъ бы луга свои тратя по 5 фунтовъ на акръ, который для усовершенствованія породы своихъ овецъ далъ бы тысячу гиней за пользованіе однимъ бараномъ въ теченіи одного сезона, который посылалъ бы въ другой конецъ страны за новыми орудіями и за людьми, умѣющими управляться съ ними, который платилъ бы людямъ за пребываніе въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ употребляются новые способы хозяйства, ввести которые онъ желалъ бы въ своихъ фермахъ“? Естественно, что мелкое землевладѣніе можетъ быть только плохимъ,

¹⁾ Кенэ, „Выбранныя мѣста“ (пер. А. В. Горбунова, М., 1896). „Общіе принципы“, принципъ IX, стран. 73.

²⁾ Тамъ же, примѣчаніе къ принципу XII, стран. 93—94.

³⁾ См. Трайль, „Общественная жизнь Англіи“, т. V, стран. 399.

а общинное землевладѣніе — это полное отрицаніе всякаго прогресса. „Готы и вандалы, фермеры открытыхъ полей, должны вымереть, чтобы могла произойти радикальная перемѣна“¹⁾. Таковъ вердиктъ Юнга. Тѣ же взгляды въ общемъ горячо отстаивалъ въ первую эпоху своей дѣятельности и извѣстный нѣмецкій агрономъ начала прошлаго вѣка, Тэеръ. Отстаивали и другіе видные писатели. И въ ихъ осужденіи мелкаго хозяйства мы видимъ тѣ же доводы и тѣ же наблюденія, которыя такъ сильно смущаютъ современнаго изслѣдователя русской деревни: громадная непродуцательная трата труда, техническая отсталость, жалкій доходъ. Ужъ сто лѣтъ, слѣдовательно, тому назадъ въ полной мѣрѣ обнаружались всѣ недостатки мелкаго хозяйства въ земледѣліи, которые, казалось, дѣлаютъ совершенно невозможнымъ его дальнѣйшее существованіе въ атмосферѣ свободной конкуренціи, гдѣ побѣждаетъ лучшій и гдѣ все отсталое и неподвижное неотвратимо должно исчезнуть.

И тѣмъ не менѣе трудовое земледѣліе не исчезло на Западѣ и продолжаетъ прочно держаться повсюду, гдѣ оно существовало сто лѣтъ назадъ. Во Франціи крупное землевладѣніе ни въ какой мѣрѣ, какъ извѣстно, не вытѣснило мелкаго самостоятельнаго производства. Революція не пошла по пути, указанному фізіократами. Въ законодательствѣ восторжествовала мелкая собственность, потому что за нее стояли истинныя тенденціи жизни, И, сравнивая шагъ за шагомъ положеніе мѣстностей, описанныхъ Артуромъ Юнгомъ въ его путешествіяхъ по Франціи въ концѣ XVIII вѣка, съ ихъ современнымъ состояніемъ, изслѣдователь повсюду находитъ мелкое хозяйство только болѣе окрѣпшимъ и прогрессирующимъ²⁾. Въ Германіи, въ Бельгіи, повсюду, гдѣ только крестьянское хозяйство было значительно развито въ началѣ столѣтія, тамъ оно сохранилось въ полномъ объемѣ и къ концу его, несмотря на весь переворотъ, пережитый этими странами въ области индустріи. Само собою разумѣется, что еще меньшія перемѣны могли произойти въ странахъ менѣе прогрессивныхъ, въ которыхъ промышленность еще не прибрѣла доминирующаго значенія. Только въ одной Англіи богатые крестьяне-собственники, іомены, ведшіе, однако, болѣе предпринимательское, чѣмъ трудовое хозяйство, были окончательно вытѣснены крупнымъ фермерствомъ³⁾, но наряду съ тѣмъ мелкое хозяйство сохраняетъ въ общемъ прежнее преобладаніе въ сосѣдней Ирландіи, несмотря на все исключительное вліяніе концентрирующаго промышленнаго капитала Англіи, несмотря на то, что все земледѣліе въ Ирландіи ведется на арендныхъ началахъ, что почти вся земля въ ней

¹⁾ Тамъ же, стр. 395.

²⁾ Предисловіе миссъ Бетамъ-Эдвардсъ къ юбилейному изданію путешествій Юнга, переизд. въ 1905 г. („Arthur Young's Travels in France“, Bell & Sons, стр. VI и слѣд.).

³⁾ См. по этому вопросу Н. Levy, „Der Untergang kleinbäuerlicher Betriebe in England“ въ Conrad's „Jahrbücher für Nationalökonomie“, 1903, авг.

принадлежитъ крупнымъ собственникамъ (имѣнія свыше 500 акровъ занимаютъ по статистикѣ землевладѣнія 70-хъ годовъ — болѣе новыхъ свѣдѣній нѣтъ — 88% всей площади).

Благодаря почвеннымъ условіямъ Ирландіи — чрезвычайно изобилію естественныхъ пастбищъ (50% всей площади) — капиталистическія хозяйства, фермы, имѣющія свыше 100 акр. (37 десят.), составляли въ ней въ 70-хъ годахъ 40% всей площади; но это хозяйства скотоводческія. Земледѣліе въ тѣсномъ смыслѣ ведется почти исключительно хозяйствами крестьянскаго типа. Послѣднія занимали въ то же время, не считая совершенно мелкихъ, огородническихъ фермъ (до 5 акр.), — 58,6% площади, въ томъ числѣ мелкія крестьянскія (5—15 акр.) — 8,8%, средне-крестьянскія (15 — 50 акровъ) — 29,6%, крупныя крестьянскія (50—100 акр.) — 20,1%. Послѣдующія данныя имѣются лишь относительно численности фермъ различнаго типа, но не площади ихъ, и поскольку можно судить по этимъ свѣдѣніямъ, тенденціи къ концентраціи въ Ирландіи не наблюдается. Фермы капиталистическаго типа (свыше 100 акр.) составляли въ 70-хъ годахъ 5,4% общаго числа держаній, въ 1901 г. — 5,56%; крупно-крестьянскія фермы образовывали 30 лѣтъ назадъ 9,3%, въ 1901 г. — 9,7%, средне-крестьянскія — 35,6%, въ 1901 г. — 35,3%, мелко-крестьянскія — 28,9%, въ 1901 г. — 26,1%, огородническія — 20,8%, въ 1901 г. — 23,2%. Замѣтныя измѣненія произошли только въ послѣднихъ двухъ разрядахъ фермъ, при чемъ эти измѣненія взаимно компенсируются; увеличеніе численности капиталистическихъ фермъ весьма незначительно. Трудовой характеръ ирландскаго земледѣлія и устойчивость такого склада его видны далѣе изъ того, какъ относительно мало примѣняется въ немъ наемный трудъ. По цензу 1891 г. на 10.000 мужчинъ (отъ 10 лѣтъ) приходилось въ Ирландіи фермеровъ — 1.913, помогающихъ имъ членовъ семьи — 1.168, сельскихъ рабочихъ — 1.382; сравнительно съ 1881 г. относительная численность рабочихъ уменьшилась на 140, фермеровъ также уменьшилась на 72, число помогающихъ членовъ семьи увеличилось на 184. Въ томъ же 1891 г. въ Англіи на 10.000 чел. м. п. (отъ 10 лѣтъ) приходилось фермеровъ — 191, помогающихъ членовъ семьи — 64, сельскихъ рабочихъ — 694, т.-е. слишкомъ 360 рабочихъ на 100 хозяевъ. И все, что мы знаемъ о положеніи земледѣлія въ Ирландіи, только подтверждаетъ, что какъ ни жадно ищетъ себѣ примѣненія англійскій капиталъ, въ земледѣліе онъ не идетъ.

Къ подобному же выводу приводитъ и образцовая сельско-хозяйственная и промысловая статистика Германіи. Съ 1882 по 1895 г. площадь, занятая трудовыми средне-крестьянскими хозяйствами (5—20 гект.), увеличилась съ 28,8% до 29,9% всей сельско-хозяйственной площади страны; напротивъ, площадь крупно-крестьянскихъ хозяйствъ понизилась съ 31,1% до 30,3%, площадь капиталистическихъ хозяйствъ (св. 100 гект.) — съ 24,4% до 24,1%. Суммарныя данныя переписей и детальныя анкетныя изслѣдованія

одинаково показывают, что въ районѣ крупнаго землевладѣнія, въ восточныхъ юнкерскихъ провинціяхъ Пруссіи, земледѣліе обнаруживаетъ „въ общемъ далеко болѣе экстенсивный характеръ, чѣмъ на Западѣ“, гдѣ преобладаетъ мелкое земледѣліе. Конечно, есть исключенія. „Встрѣчаются имѣнія, въ которыхъ затраты труда и капитала очень значительны. Но въ цѣломъ обработка земли, удобреніе, скотоводство, разнообразіе производствъ, примѣненіе капитала менѣе развито, чѣмъ на Западѣ, и вслѣдствіе того и производительность земледѣлія ниже“. Таковы выводы горячаго сторонника крупнаго землевладѣнія и крупнаго хозяйства, проф. Баггауза¹). Вытѣсненіе трудового производства въ земледѣліи не проявляется въ Германіи ни въ одномъ яркомъ фактѣ. Напротивъ, факты скорѣе говорятъ о значительно большей устойчивости мелкаго земледѣлія. И это въ такое время, когда обрабатывающая промышленность переживаетъ полный внутренній переворотъ, когда относительная численность трудовыхъ промышленныхъ предприятий (занимающихъ не болѣе одного человѣка) упала за 13-лѣтіе 1882—1895 гг. съ 25,2% всего населенія, занятаго въ индустріи, до 16,4%, когда процентъ индустріальнаго населенія, падающій на крупную промышленность (предприятия, имѣющія болѣе 50 рабочихъ), поднялся съ 26,3% до 36,3%, когда ростъ капитала идетъ такимъ усиленнымъ темпомъ, что внутренній рынокъ и экспортъ товаровъ представляются для него часто ужъ недостаточными и начинается экспортъ самого капитала (по консульскимъ свѣдѣніямъ германскіе капиталы, затраченные во внѣ-европейскихъ государствахъ, доставляютъ Германіи ежегодный доходъ въ 420—450 мил. марокъ).

Мы не будемъ останавливаться на данныхъ цензовыхъ и анкетныхъ изслѣдованій Бельгіи и Франціи. Они достаточно часто приводились и, какъ извѣстно, точно также не обнаруживаютъ тенденціи земледѣлія къ концентраціи капитала и вытѣсненію мелкаго производства. Еще въ 70-хъ годахъ Лафаргъ предсказывалъ, что „французскій крестьянинъ-собственникъ, это жалкое наслѣдіе буржуазной революціи 1789 года, предназначенъ для истребленія нашимъ капиталистическимъ обществомъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ“, и утверждалъ, что „при системѣ капиталистическаго производства мелкая земельная собственность — анахронизмъ, и всѣ экономическія силы стремятся грубо вытолкать ее“. Но „дѣйствительное положеніе мелкихъ хозяйствъ и мелкой собственности въ теченіи всего періода земледѣльческаго кризиса“ — говоритъ проф. В. Ф. Левитскій²) — „прямо противоположно тѣмъ предсказаніямъ, какія дѣлались Лафаргомъ и экономистами социалистической школы.

¹) „Agrarstatistische Untersuchungen über den preussischen Osten im Vergleich zum Westen“ von Prof. Dr. A. Backhaus mit Assistenz von Dr. C. Steinbrück. Berlin, 1898, S. 113.

²) „Сельско хозяйственный кризисъ во Франціи“, Харьк., 1899, стр. 236—7.

А именно, что касается мелкаго земледѣлія, то, какъ показываютъ земледѣльческія анкеты и наблюденія экономистовъ, изучившихъ его современное положеніе, о немъ мало сказать, что оно устойчивѣе перенесло кризисъ, чѣмъ крупныя и среднія хозяйства, но оно даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выиграло отъ кризиса“ (онъ облегчалъ покупку земли), и по общей совокупности имѣющихся матеріаловъ, по мнѣнію того же автора, „мы можемъ признать вполне достовѣрнымъ, какъ общій фактъ, что во Франціи мобилизація земель происходитъ въ направленіи, благопріятномъ для мелкой собственности, и что послѣдняя растетъ на счетъ крупной собственности“¹⁾).

Но наряду съ этими отрицательными показаніями жизни былъ одинъ фактъ, который, казалось, говорилъ за полную возможность коренной реорганизаціи земледѣлія на крупно-капиталистическихъ началахъ, открывалъ, повидимому, новую эру въ развитіи сельскохозяйственнаго труда, — это гигантскія „фабрики пшеницы“ Сѣверной Дакоты и Миннесоты. Кто не помнитъ блестящихъ страницъ, посвященныхъ имъ г. Крживицкимъ²⁾, и того значенія, которое придавалось этому „новому слову“ прогрессирующаго капитала. Однако, ближайшія изслѣдованія скоро разсѣяли эти ожиданія. Они показали, что капиталъ, затраченный на эти колоссальныя хозяйства, могъ давать нормальный процентъ только потому, что желѣзныя дороги Дальняго Запада, получивъ отъ правительства бесплатно огромныя пространства земли, въ цѣляхъ развитія производительныхъ силъ мѣстности, уступали ихъ капиталистамъ по ненормально низкой цѣнѣ; другими словами, прибыль въ большей степени поступала за счетъ поземельной ренты. Естественно поэтому, что по мѣрѣ заселенія края и увеличенія поземельной ренты, стало болѣе выгоднымъ разбивать эти гигантскія владѣнія на мелкія фермы, и „черезъ одно или два поколѣнія — говоритъ американскій ученый Ч. Дебней³⁾, — если цѣны на землю будутъ такъ же расти, какъ въ послѣднее время, гигантскія фермы станутъ фактомъ прошлаго“. Въ настоящее время даже Каутскій признаетъ, что если еще преждевременно говорить о „скоромъ концѣ“ крупнаго хозяйства въ Америкѣ, то тѣмъ не менѣе нельзя не констатировать наличности тенденцій, дѣлающихъ Bonanza farms — гигантскія хозяйства съ крайне экстенсивнымъ строемъ производства — мало доходными⁴⁾. И въ общемъ врядъ ли можно отрицать, что и въ Америкѣ вступленіе настоящаго „капиталистическаго капитала“, привыкшаго къ точному счетоводству и зорко слѣдящаго за уровнемъ прибыли, въ область земледѣлія оказалось лишь временнымъ явленіемъ эпизодическаго характера, имѣвшимъ цѣлью извлечь, что можно, изъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 247.

²⁾ „Міръ Божій“, 1898.

³⁾ „Encyclopaedia Britannica“ Tenth ed., vol. XXV (1902), p. 215.

⁴⁾ „Die Agrarfrage“, S. 148.

земли до появленія мелкаго фермера, но не стремившимся ни въ какомъ случаѣ завоевать навсегда сельское хозяйство и устранить отъ него самостоятельнаго трудового производителя. Соединенные Штаты остаются страной трудового земледѣлія. Изъ 5.737.000 ея фермъ только 154.000, т.-е. 2.7%, выработывали въ 1899 г. продуктовъ (не считая скормленнаго скоту) на 2.500 долл. и болѣе (5.000 руб. и болѣе); почти три четверти всѣхъ фермъ — 73,7% — получали продуктовъ лишь на сумму отъ 100 до 1.000 долл. Только въ новыхъ штатахъ Дальняго Запада, — въ западномъ районѣ, по официальной классификаціи, — процентъ фермъ съ болѣе крупнымъ производствомъ (2500 долл. и болѣе) достигаетъ 10.3%. Въ среднемъ валовой доходъ фермы равнялся 652 долл. Расходъ на наемный трудъ составлялъ въ 1899 г. въ среднемъ 62 долл. на ферму, что при высокомъ уровнѣ заработной платы въ Америкѣ — даже при годовомъ контрактѣ сельскій рабочій получаетъ отъ 18 до 19 долл. въ мѣсяць — ясно показываетъ, что наемный трудъ играетъ въ американскомъ земледѣліи вполнѣ второстепенную роль. Для хозяйствъ съ валовымъ доходомъ въ 100—250 долл. (они образуютъ 21,8% всѣхъ фермъ) этотъ расходъ на трудъ падаетъ до 7 долл., для хозяйствъ, выработывающихъ продуктовъ на 250—500 долл. (ихъ 27,9% общаго числа фермъ) плата наемнымъ рабочимъ равняется въ среднемъ 18 долл. И, что особенно важно, участіе наемнаго труда въ американскомъ земледѣліи не возрастаетъ, а убываетъ. На 1000 мужчинъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, приходилось нехозяевъ, т.-е. наемныхъ рабочихъ и членовъ фермерскихъ семействъ, помогающихъ главѣ семьи въ работѣ, въ 1880 г. — 433, въ 1890 г. — 414, въ 1900 г. — только 346¹⁾. Очевидно, о вытѣсненіи трудового земледѣлія батраческимъ при наличности такихъ фактовъ не можетъ быть и рѣчи. Но не идетъ ли капитализація земледѣлія инымъ путемъ, не наблюдается ли значительнаго увеличенія затратъ капитала, вытѣсненія трудового капитала предпринимательскимъ? Нѣтъ, и этого нельзя констатировать. Общая цѣнность всѣхъ фермъ Соединенныхъ Штатовъ возросла за послѣднее десятилѣтіе — 1890—1900 — на 27,6%, въ частности, стоимость земли — на 25,6%, стоимость скота — на 29,1%, стоимость машинъ и орудій — даже на 54%. Увеличеніе земледѣльческаго капитала, несомнѣнно, весьма значительное, и на этомъ основаніи въ русской литературѣ недавно было сдѣлано заключеніе, что „нигдѣ капитализація и концентрація въ области земледѣлія не выразилась такъ ясно, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки“²⁾. Однако, непонятнымъ образомъ при этомъ было упущено изъ вниманія одно существенно важное обстоятельство, именно, что за то же десятилѣтіе и число фермъ увеличилось на 25,7%, между тѣмъ капитализація, конечно, выражаетъ размѣръ затратъ на одно предпріятіе, концентрація есть

¹⁾ Twelfth Census, vol. V, Agriculture, part I, p. LXXVIII.

²⁾ Н. Рожковъ, „Къ аграрному вопросу“, стр. 8.

увеличеніе капитала, приходящагося въ среднемъ на каждое предпріятіе. Въ дѣйствительности средняя стоимость фермы возросла за десятилѣтіе только на 1,4%, при чемъ стоимость земли съ постройками осталась почти безъ измѣненія (уменьшилась на 0,1%), стоимость живого инвентаря повысилась всего на 5,9% (вѣрнѣе, на 2,8%), и только стоимость машинъ и орудій поднялась на 23,0%, но это увеличеніе въ абсолютныхъ цифрахъ означаетъ приращеніе этого вида капитала всего на 25 долл. при общей стоимости средней фермы въ 1900 г. въ 3,574 долл. Очевидно, увеличеніе средняго капитала фермы за послѣднее десятилѣтіе слишкомъ незначительно, чтобы дать основаніе говорить о вытѣсненіи трудового капитала предпринимательскимъ. Сравнительно съ 1860 г. размѣры средняго капитала на ферму даже понизились, съ 3904 долл. въ 1860 г. до 3574 долл.¹⁾ въ 1900 г., между тѣмъ какъ въ промышленности за то же сорокалѣтіе средній капиталъ на одно предпріятіе поднялся съ 7191 долл. въ 1860 г. до 19192 долл. по послѣднему цензу, т.-е. возросъ слишкомъ на 170%.

Остановимся еще на размѣрѣ хозяйствъ.

Относительная численность болѣе крупныхъ фермъ, въ 500 и болѣе акровъ (185 десятинъ и болѣе), почти не измѣнилась; онѣ составляли въ 1880 г. 2,6% всѣхъ фермъ, въ 1890 г.—2,5%, въ 1900 г. опять 2,6%. О площади фермъ различныхъ классовъ американская статистика не даетъ свѣдѣній, но она указываетъ среднюю площадь всѣхъ фермъ, и по измѣненіямъ средней величины фермы можно отчасти заключить, какая форма хозяйства беретъ верхъ въ странѣ. Но въ Америкѣ необходимо строго различать общую площадь фермы и площадь обрабатываемой земли, такъ какъ половина всей земли, занятой фермами, 424 милл. акр. изъ 839 милл., вовсе не воздѣлывается и держится фермерами про запасъ, — другими словами, главнымъ образомъ въ цѣляхъ спекуляціи. Очевидно, размѣръ хозяйства опредѣляется тѣмъ, сколько земли фактически эксплуатируется имъ, т.-е. площадью обрабатываемой земли. Общая площадь средней фермы въ цѣломъ для всей страны увеличилась: она составляла въ 1880 г. 133,7 акр., въ 1890 г.—136,5, въ 1900 г.—146,2 акр., но на ряду съ тѣмъ еще сильнѣе сократился за послѣднее десятилѣтіе процентъ обрабатываемой земли: изъ каждыхъ 100 акр. подъ фермами воздѣлывалось въ 1880 г. 53,1, въ 1890 г.—57,4, а въ 1900 г. только 49,4, и въ общемъ итогѣ обрабатываемой земли приходится на ферму въ 1900 г. меньше, чѣмъ въ 1890 г.—71,9 акр., вмѣсто 78,3 акр. Это явле-

1) Замѣтимъ при этомъ, что для двухъ основныхъ группъ американскихъ хозяйствъ, въ совокупности образующихъ полъ вину всѣхъ фермъ, для фермъ съ валовымъ доходомъ въ 100—250 долл. и 250—500 долл., средняя стоимость фермы составляетъ 1089 и 1874 долл. При среднемъ годовомъ заработкѣ американскаго рабочаго въ 490,9 долл. (по цензу 1900 г.) переходъ къ самостоятельному земледѣлію является поэтому еще возможнымъ для рабочихъ и въ настоящее время.

ніе — уменьшеніе обрабатываемой площади средней фермы — общее и для старых штатовъ сѣверо-атлантическаго района, и для бывшихъ рабовладѣльческихъ штатовъ южно-атлантическаго пояса, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдается уменьшеніе и общей площади фермы, и для южно-центральныхъ штатовъ, и особенно сильно выступаетъ въ новыхъ штатахъ западнаго района здѣсь общая площадь фермы расширилась съ 324,1 акра въ 1890 г. до 386 акра въ 1900 г., но, съ другой стороны, процентъ эксплуатаціи упалъ съ 48,7 въ 1890 г. до 29,0 въ 1900 г., и, очевидно, такое колоссальное сокращеніе обработки говоритъ объ одномъ: о колоссальной спекуляціи, о жадномъ захватѣ земли не для того, чтобы ее обрабатывать, а для того, чтобы впоследствии воспользоваться неизбежнымъ ростомъ земельныхъ цѣнъ¹⁾).

Но въ одномъ районѣ уменьшеніе эксплуатируемой площади за послѣднее десятилѣтіе не покрываетъ общаго увеличенія площади средней фермы, и это въ самомъ важномъ районѣ по размѣрамъ земледѣльческаго производства, въ сѣверо-центральномъ районѣ, доставляющемъ двѣ трети всей пшеницы, собираемой въ Америкѣ (441 милл. буш. изъ 658 милл. общаго сбора) и половину цѣнности всего сельско-хозяйственнаго производства республики — 2.360 милл. долл. изъ 4.717 милл. Не показываетъ ли это, что въ крупнѣйшемъ центрѣ американскаго земледѣлія все же по-

¹⁾ „Abstract of the Twelfth Census“. Table 147:

РАЙОНЫ.	Цены	Число фермъ въ тысячахъ.	Общая площадь подъ фермами въ тысячахъ акровъ.	Изъ общей площади подъ фермами не обрабатывается въ тысячахъ акровъ.	Средняя площадь фермы въ акрахъ.	% обрабатываемой площади фермъ.
Сѣверо-атлант.	1880	696	67,986	46,386	97,7	68,2
” ”	1890	659	62,744	42,338	95,3	67,5
” ”	1900	678	65,409	38,921	96,5	59,5
Южно-атлант.	1880	644	101,420	36,170	157,4	35,7
” ”	1890	750	100,158	41,677	133,6	41,6
” ”	1900	962	104,298	46,100	108,4	44,2
Сѣверо-центральн. .	1880	1698	206,982	136,842	121,9	66,1
” ”	1890	1924	256,587	184,292	133,4	71,8
” ”	1900	2197	317,349	222,314	144,5	70,1
Южно-центральный.	1880	887	133,500	49,807	150,6	37,3
” ”	1890	1087	156,448	66,289	144,0	42,4
” ”	1900	1658	257,739	80,008	155,4	31,0
Западный	1880	84	26,194	15,566	312,9	59,4
”	1890	146	47,282	23,020	324,1	48,7
”	1900	243	93,797	27,156	386,1	29,0
Соединен. Штаты. .	1880	4009	536,082	284,771	133,7	53,1
” ” ..	1890	4565	623,219	357,617	136,5	57,4
” ” ..	1900	5737	838,592	414,498	146,2	49,4

бѣждаетъ крупное хозяйство? Присмотрѣвшись ближе къ отдѣльнымъ штатамъ, входящимъ въ составъ этого района, мы убѣждаемся однако, что въ старыхъ штатахъ, присоединенныхъ до 1850 г., общая площадь средней фермы либо уменьшилась (Огайо, Индіана, Иллинойсъ, Миссури), либо остается почти безъ измѣненія (Айова), либо вообще очень невелика (Мичиганъ — 86,4 акра), и наряду съ этимъ процентъ обрабатываемой площади въ нихъ возросъ, а число болѣе крупныхъ фермъ (въ 500 и болѣе акр.) не только не возросло, а уменьшилось и относительно и абсолютно, за исключеніемъ болѣе молодого штата Висконсина. Напротивъ, въ новыхъ штатахъ число крупныхъ фермъ чрезвычайно возросло, но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось, хотя далеко не въ такой степени, и число трудовыхъ фермъ; общая площадь, приходящаяся въ среднемъ на ферму, сильно расширилась, но на ряду съ тѣмъ наблюдается громадное увеличеніе необрабатываемой площади въ составѣ фермъ: такъ, въ Южной Дакотѣ необрабатываемыя земли, входящія въ составъ земельной площади фермъ, составляли въ 1890 г. 4,4 милл. акр., въ 1900—7,8 милл., въ Сѣверной Дакотѣ въ 1890 г. — 3 милл., по послѣднему цензу — 5,9 милл., въ Канзасѣ въ 1890 г. — 7,8 милл., въ 1900 г. слишкомъ вдвое больше — 16,6 милл., въ Небраскѣ—6,3 милл. въ 1890 г. и 11,5 милл. въ 1900 г. Новый цензъ такимъ образомъ еще разъ подтверждаетъ справедливость мнѣнія Герца¹⁾, что увеличеніе числа крупныхъ фермъ въ сѣверо-центральной районѣ, какъ и въ западномъ, свидѣтельствуетъ не о жизненности капиталистическаго хозяйства здѣсь, а исключительно о лихорадочномъ земельномъ ажіотажѣ, стремящемся какъ можно больше присвоить земли, какъ-нибудь временно использовать и, даже вовсе оставивъ безъ эксплуатаціи, главное, потомъ перепродать или инымъ образомъ нажиться на повышеніи стоимости земли. Естественно поэтому, что даже изслѣдователи, по своимъ теоретическимъ возрѣніямъ вполне примыкающіе къ Каутскому, какъ Саймонсъ, признаютъ²⁾, что въ Соединенныхъ Штатахъ тенденціи къ концентраціи производства въ земледѣліи не наблюдаются.

Гентъ въ своей извѣстной книгѣ о соціальной эволюціи современной Америки³⁾ указываетъ на другое важное явленіе — на уменьшеніе относительной численности фермеровъ-собственниковъ и увеличеніе относительной численности арендаторовъ и половниковъ и видитъ въ этомъ фактѣ грозный признакъ вытѣсненія въ земледѣліи самостоятельнаго производителя зависимымъ работникомъ. И безъ сомнѣнія, это явленіе заслуживаетъ самаго глубокаго вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, число фермъ, обрабатываемыхъ собственниками, составляло на каждыя 100 фермъ въ 1880 г. 74,5, въ 1890 г. — 71,6,

¹⁾ Hertz, „Die agrarischen Fragen im Verhältniss zum Socialismus“, 1899, S. 33.

²⁾ A. M. Simons, „The american farmer“, Chicago, 1902, pp. 96—125, 160.

³⁾ Ghent, „Our benevolent Feudalism“, N. Y., 1902, pp. 9, 47—56.

въ 1900 уже только 64. Процентъ фермъ, состоящихъ въ денежной арендѣ, равнялся въ 1880 г. 10,0, остался на той же высотѣ въ годъ слѣдующаго ценза, но по послѣднему цензу поднялся уже до 13,1. Значительно выше и сильнѣе поднимается процентъ фермъ, сдаваемыхъ исполу: въ 1880 г. такія фермы составляли 17,5% общаго числа, въ 1890 г. — 18,4%, въ 1900 — 22,2%. Разумѣется, нельзя говорить на основаніи этихъ цифръ о вытѣсненіи самостоятельнаго фермерства, т.-е. фермеровъ-собственниковъ, такъ какъ абсолютно численность собственниковъ не только не уменьшается, но, напротивъ, сильно увеличивается: общее число фермъ, эксплуатируемыхъ собственниками, равнялось въ 1880 г. — 2984 тыс., въ 1890 г. — 3270 тыс., въ 1900 г. — 3712 тыс. Еще менѣе можно видѣть въ этомъ фактѣ относительнаго усиленія аренды завоеваніе капиталистическаго земледѣлія. Уже большой процентъ половниковъ ясно говоритъ о трудовомъ характерѣ американской аренды. Далѣе, изъ 752.000 фермъ, сдаваемыхъ въ аренду за деньги, 553.000 приносятъ доходовъ лишь на сумму отъ 100 до 1000 долл., изъ 1.273.000 фермъ, сдаваемыхъ исполу, приносятъ такой же валовой доходъ 956.000. Нѣтъ, ростъ аренды есть, очевидно, прямое послѣдствіе той жадной земельной спекуляціи, которая такъ ярко выступаетъ во всей аграрной статистикѣ Америки. Онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что земля для трудового земледѣльца стала въ Соединенныхъ Штатахъ менѣе доступной, благодаря захватамъ земли тѣми, кто ее не обрабатываетъ. Онъ только еще разъ напоминаетъ о неотложной необходимости коренной земельной реформы и въ Америкѣ, какъ и во всѣхъ странахъ трудового земледѣлія.

VI.

Итакъ, фатальный прогнозъ, поставленный мелкому земледѣлію, оказался безусловно ошибочнымъ. При всѣхъ видимыхъ преимуществахъ крупнаго хозяйства явилось невозможнымъ „привлечь богатства въ деревню для того, чтобы развить крупное и вытѣснить мелкое землевладѣніе“. На дѣлѣ крупное хозяйство, какъ общее правило, не проявило ни особенной прогрессивности, ни исключительнаго стремленія къ интенсификаціи и сохранилось преимущественно тамъ, гдѣ особенности почвы — необходимость дренажа или обработки земли многоголовымъ плугомъ — либо экономическія условія — напр., развитіе пастбищнаго хозяйства — дѣлали трудовое земледѣліе болѣе или менѣе невозможнымъ. Напротивъ, тамъ, гдѣ мелкое хозяйство было возможно, оно являлось вполне устойчивымъ, и капиталъ даже уступалъ ему поле дѣятельности, какъ на Дальнемъ Западѣ Америки. И въ силу этого даже наиболѣе ревностные защитники универсальности капиталистической концентраціи, Каутскій и Энгельсъ, признаютъ, что „въ сельскохозяйственныхъ предпріятіяхъ тенденція къ централизаціи едва

замѣтна, и часто даже имѣется тенденція къ раздробленію¹⁾, что сельское хозяйство принадлежитъ къ производствамъ, которыя „позднѣ всего и наименѣе совершенно подчиняются капиталистическому производству“²⁾.

Отсюда ясно, какъ мало общаго между эволюціей кустарнаго производства и положеніемъ мелкаго земледѣлія. Тамъ для большинства отраслей примѣръ всѣхъ капиталистическихъ странъ ясно указывалъ, что сегодняшній мастерокъ завтра несомнѣнно станетъ хозяйчикомъ-работодателемъ, а затѣмъ выростетъ и въ крупнаго капиталиста-фабриканта, что самостоятельный производитель неизбежно долженъ превратиться въ наемнаго рабочаго. Не только теорія, но и факты жизни ставили внѣ всякаго сомнѣнія, на чьей сторонѣ будетъ побѣда въ завязавшейся борьбѣ между трудовымъ производствомъ и монопольнымъ капиталомъ. По отношенію къ земледѣлію для такого предсказанія недостаетъ самаго главнаго — приговора жизни; напротивъ, здѣсь жизнь показываетъ, что поскольку земледѣліе велось трудовымъ путемъ, самостоятельнымъ мелкимъ хозяиномъ, капиталъ не овладѣлъ имъ и, повидимому, даже и не стремится овладѣть. И при такихъ показаніяхъ прошлаго и настоящаго другихъ странъ, далеко ушедшихъ по пути капиталистическаго развитія, заранѣе отказаться отъ борьбы за лучшія условія жизни для трудового крестьянства, только во имя одной теоріи, очевидно, значило бы капитулировать предъ фантомомъ собственнаго воображенія.

Но какъ могъ бы призракъ овладѣть лучшими умами? Мыслимо ли такое противорѣчіе между теоріей и жизнью, когда сама теорія есть не болѣе, какъ обобщеніе фактовъ жизни? Наконецъ, Артуръ Юнгъ и другіе агрономы конца 18-го и начала 19-го вѣка исходили не изъ теоріи, а изъ непосредственнаго наблюденія сельскохозяйственной дѣйствительности, и точно также современные русскіе агрономы въ своемъ приговорѣ надъ трудовымъ земледѣліемъ опираются вѣдь не на одни отвлеченныя построенія, но и на конкретныя явленія крестьянскаго быта. Развѣ доказано, что въ земледѣліи большій капиталъ, большія знанія не дѣлаютъ трудъ болѣе успѣшнымъ? Развѣ это не фактъ, что крестьянское хозяйство сплошь и рядомъ — плохое хозяйство, что въ богатыхъ рукахъ и при большомъ размѣрѣ хозяйства можно было бы съ той же земли получить большій продуктъ или на тотъ же продуктъ тратить меньше труда? Нѣтъ, въ большей степени все это такъ, и наблюденія современныхъ русскихъ агрономовъ и экономистовъ, какъ и старинныхъ иностранныхъ ученыхъ, во многомъ вполне справедливы. Съ извѣстными ограниченіями можно признать, что капиталъ во всякомъ производствѣ дѣлаетъ трудъ производительнѣе и потому представляетъ преимущества предъ трудовымъ производ-

1) „Die Agrarfrage“, S. 324.

2) Послѣсловіе къ III т. „Капитала“; „Новое Слово“, 1897, IX.

ствомъ съ недостаточнымъ капиталомъ, и, конечно, вполне можно допустить, что когда-нибудь во всѣхъ отрасляхъ народнаго труда будутъ пользоваться большимъ капиталомъ, далеко превосходящимъ капиталъ современнаго мелкаго производителя, и въ этомъ смыслѣ можно согласиться, что тенденція капитала къ концентраціи обладаетъ универсальнымъ характеромъ. Но весь вопросъ въ томъ, когда и при какомъ строѣ проявится фактически эта универсальность капиталистической концентраціи, и въ частности, при какомъ строѣ капиталъ подчинитъ себѣ земледѣліе. Можетъ ли это подчиненіе совершиться при частной собственности на орудія производства, при условіи обращенія самостоятельнаго мелкаго производителя въ наемнаго рабочаго, и если можетъ, то почему оно являлось невозможнымъ до настоящаго времени? Чтобы разобраться въ этомъ коренномъ вопросѣ, необходимо сдѣлать значительное отступленіе въ область теоріи, необходимо выяснить, какъ происходитъ проникновеніе частнаго монопольнаго капитала въ различныя отрасли производства, можетъ ли капиталъ одинаково вступить въ любую отрасль, или здѣсь существуетъ извѣстная очередь, и не всѣ производства одинаково выгодны и въ той же степени притягательны для капитала.

По Марксу, капиталъ долженъ приносить тѣмъ большую прибыль, чѣмъ больше количество живого труда, приводимаго имъ въ дѣйствіе, чѣмъ больше онъ занимаетъ рабочихъ, потому что тѣмъ больше будетъ и количество присваиваемаго капиталомъ прибавочнаго труда, „этой сущности прибавочной стоимости, а слѣдовательно и прибыли“¹⁾. Естественно, „капиталъ избѣгаетъ отраслей промышленности съ низкой нормой прибыли и стремится къ другимъ, которыя даютъ высокую прибыль“²⁾. Слѣдовательно, не всѣ отрасли общественнаго труда будутъ одновременно заняты капиталомъ. Капиталъ сначала направится въ однѣ отрасли, болѣе для него прибыльныя, и лишь постепенно перейдетъ въ другія, менѣе выгодныя. Очередь будетъ опредѣляться тѣмъ, сколько на тотъ же капиталъ приходится живого труда, или, что то же самое, сколько капитала приходится на одного рабочаго. Чѣмъ меньше капитала на рабочаго, тѣмъ больше живого труда будетъ приведено въ дѣйствіе тѣмъ же капиталомъ, и тѣмъ выше будетъ его прибыль.

„Вслѣдствіе такого постояннаго кочеванія капитала“, — говоритъ Марксъ, — „вслѣдствіе распредѣленія его между различными отраслями, сообразно пониженію нормы прибыли въ одной изъ нихъ и повышенію въ другой, производится такое соотношеніе запроса и предложенія, что средняя норма прибыли въ различныхъ отрасляхъ производства становится одинаковой“, и тогда обмѣнъ товаровъ начинаетъ регулироваться цѣнами производства, которыя равняются издержкамъ производства плюсъ средняя прибыль. Такимъ

1) „Капиталъ“, т. III, р. пер., стран. 197.

2) Ib., стран. 147.

образомъ, широкій принципъ мѣновой стоимости, установленный Марксомъ въ первомъ томѣ „Капитала“, принципъ, по которому мѣновыя отношенія опредѣляются количествомъ рабочаго времени, общественно-необходимымъ на производство каждаго изъ обмѣниваемыхъ товаровъ, замѣняется въ конечномъ итогѣ формулой, весьма близко напоминающей вульгарную экономію, и это, какъ извѣстно, всего болѣе смутило читателей 3-го тома, вмѣсто ожидаемаго примиренія основного принципа цѣнности съ явлениями жизни встрѣтившихъ вдругъ фактическое аннулированіе самаго принципа. Но насъ занимаетъ такая стадія общественнаго развитія, когда земледѣліе еще ведется трудовымъ крестьяниномъ, слѣдовательно, когда не всѣ отрасли заняты монопольнымъ капиталомъ. Поэтому мы въ правѣ оставить въ сторонѣ окончательную формулу, къ которой приходитъ Марксъ, и исходить изъ основного принципа мѣновой стоимости. Посмотримъ, дѣйствительно ли согласно этому принципу прежде всего будутъ заняты капиталомъ тѣ отрасли, въ которыхъ на рабочаго приходится всего меньше капитала, иначе говоря, гдѣ тотъ же капиталъ приводитъ въ дѣйствіе наибольшее количество живого труда.

„Общественно-необходимое рабочее время“, которымъ опредѣляется мѣновая стоимость, „есть такое, — говоритъ Марксъ,¹⁾ которое требуется для производства какой-нибудь потребительной стоимости какого-нибудь товара, при данныхъ общественно-нормальныхъ условіяхъ производства“, слѣдовательно, какъ было уже указано, при извѣстномъ общественно-нормальномъ капиталѣ. „Индивидуальный трудъ, — доказываетъ онъ далѣе, — различной степени напряженности и различнаго рода, требующій различную подготовку, сводится къ тратѣ одной и той же человѣческой рабочей силы, къ среднему простому труду“; даже и тогда, когда товаръ есть продуктъ наиболѣе сложнаго труда, стоимость его сводится въ какомъ-нибудь отношеніи къ продукту простого труда, вслѣдствіе чего самъ онъ представляетъ лишь опредѣленное количество простого труда (стран. 10). И естественно, подобнымъ же образомъ всѣ фактическія затраты труда, сдѣланныя при различныхъ капиталахъ, должны быть сведены къ затратамъ, необходимымъ для изготовленія этого продукта при извѣстномъ, одномъ для всѣхъ отраслей размѣрѣ капитала, принятомъ какъ общественно-нормальный. Когда товаръ поступаетъ на рынокъ, не освѣдомляются, сколько на него въ дѣйствительности положено труда при данныхъ конкретныхъ условіяхъ производства, а вычисляютъ, — конечно, весьма приблизительно, — сколько нужно было затратить на него средняго простого труда при извѣстномъ опредѣленномъ капиталѣ. Такъ какъ мы рассматриваемъ такое положеніе народнаго хозяйства, при которомъ монополичный капиталъ только вѣдряется въ промышленность, избираетъ наиболѣе выгодное для себя примѣне-

1) „Капиталь“, р. пер. 2-е изд., 1898, стран. 5.

ніе, то всего правильнѣе принять, что такимъ общественно-нормальнымъ капиталомъ, къ которому будутъ сводиться необходимыя трудовыя затраты на всѣ продукты, будетъ считаться общедоступный капиталъ трудового производителя.

Предположимъ, что этотъ общедоступный и вмѣстѣ съ тѣмъ общественно-нормальный капиталъ составляетъ 100 руб. на работника. Допустимъ далѣе, что при такомъ капиталѣ въ годъ, въ 300 рабочихъ дней, можно произвести 300а желѣзныхъ издѣлій, 300б сукна, 300в полотна, 300г обуви, 300д хлѣба. Наряду съ тѣмъ желаютъ затратить капиталъ значительно большаго размѣра, монопольнаго характера, и стремятся выяснить, при какомъ употребленіи, въ какомъ производствѣ онъ доставитъ наибольшую прибыль. Примемъ, что во всѣхъ отрасляхъ большій капиталъ дѣлаетъ трудъ болѣе успѣшнымъ и, слѣдовательно, сокращаетъ фактическія затраты труда сравнительно съ тѣми, которыя требуются при меньшемъ, общедоступномъ капиталѣ. Но мы знаемъ, что не во всѣхъ производствахъ машины въ одинаковой степени сокращаютъ трудъ, не всегда путемъ добавочныхъ затратъ на обстановку труда можно достигъ одинаковой экономіи рабочей силы человѣка. Достаточно просмотрѣть отчетъ Вашингтонскаго бюро труда о машинномъ и ручномъ производствѣ¹⁾, чтобы убѣдиться, какая громадная разница существуетъ въ этомъ отношеніи между одной машиной и другой въ различныхъ производствахъ. Въ то время, какъ при однѣхъ операціяхъ и въ однѣхъ отрасляхъ труда машина сокращаетъ трудъ, необходимый при ручномъ производствѣ, въ сотни, случается, въ тысячи разъ, во многихъ другихъ отрасляхъ это вліяніе машины, слѣдовательно, и капитала, на продуктивность труда выражается въ десяткахъ, въ единицахъ, часто только въ доляхъ единицы. Мы должны поэтому и въ нашемъ примѣрѣ принять, что въ разныхъ отрасляхъ и при различномъ составѣ капиталъ въ разной степени будетъ экономизировать трудъ, причемъ, конечно, чѣмъ больше капиталъ, приходящійся въ среднемъ на работника, тѣмъ больше должно быть сбереженіе труда, потому что тѣмъ большая есть возможность пользоваться машинами и усовершенствованными орудіями. Примемъ поэтому, что при среднемъ капиталѣ на работника въ 1000 руб. 300а желѣзныхъ издѣлій могутъ быть изготовлены не въ 300 дней, а только въ 100, 300б сукна — въ 150 дней, 300в полотна — въ 200 дней, 300г обуви — въ 260 дней, 300д хлѣба — въ 290 дней; далѣе, что при капиталѣ въ 2000 руб. на работника потребуется на производство 300а желѣзныхъ издѣлій 50 дней труда, на 300б сукна — 100 дней, на 300в полотна — 150 дней, на 300г обуви — 200 дней, на 300д хлѣба — 275 дней. Въ годъ при капиталѣ въ 1000 руб. на работника будетъ такимъ образомъ произведено

¹⁾ Thirteenth annual Report of the Commissioner of Labor. 1898. Hand and Machine Labor. Washington, 1899.

железныхъ издѣлій 900а, сукна — 600б, полотна — 450в, обуви — 360г, хлѣба — 309д; при капиталѣ въ 2000 руб. на работника годовое производство можетъ составить: железныхъ издѣлій 1800а, сукна — 900б, полотна — 600в, обуви — 450г, хлѣба — 327д. Такъ какъ мѣновая стоимость опредѣляется затратами труда, требующимися при общественно-нормальномъ капиталѣ въ 100 руб. на работника, и такъ какъ каждая единица взятыхъ товаровъ, по нашему предположенію, представляетъ одинъ день общественно-нормальнаго труда, то мѣновая стоимость товаровъ, производимыхъ въ теченіе года при капиталѣ въ 1000 руб., составитъ въ первой отрасли 900 дней общественнаго труда, во второй — 600, въ 3-й — 450, въ 4-й — 360, въ 5-й — 309; при капиталѣ въ 2000 руб. — въ первой отрасли — 1800, во второй — 900, въ 3-й — 600, въ 4-й — 450, въ 5-й — 327 дней общественнаго труда. Предположимъ, что заработная плата равняется 300д хлѣба, другими словами, равняется доходу самостоятельнаго производителя, работающаго при общедоступномъ капиталѣ въ 100 руб., причемъ продолжительность рабочаго дня во всѣхъ отрасляхъ одинаковая. Тогда за вычетомъ стоимости заработной платы, т.-е. 300 дней общественнаго труда, изъ общей стоимости продукта годового производства капиталисту при капиталѣ въ 1000 руб. на работника останется въ первой отрасли 600 дней общественнаго труда, во второй — 300, въ 3-й — 150, въ 4-й — 60, въ 5-й — 9; при капиталѣ въ 2000 руб. въ первой отрасли — 1500 дней общественнаго труда, во второй — 600, въ 3-й — 300, въ 4-й — 150, въ 5-й — 27. Очевидно, если бы капиталисты пожелали занять большее количество труда и для этого раздѣлили свои капиталы на части въ 100 руб. на работника, они вовсе не получили бы никакой прибыли, потому что цѣнность продукта (она равнялась бы 300 днямъ общественнаго труда) только покрывала бы стоимость заработной платы, не оставляя сверхъ того никакихъ излишковъ. Напротивъ, тамъ, гдѣ капиталъ приводитъ въ дѣйствіе всего меньше труда, при капиталѣ въ 2000 руб. на работника, въ первой отрасли, мѣновая стоимость, остающаяся капиталисту за вычетомъ заработной платы, всего больше, равняется 1500 дней общественнаго труда.

Такимъ образомъ выводъ получается діаметрально противоположный тому, какой дѣлаетъ Марксъ: наиболѣе выгоднымъ для капиталиста, наиболѣе прибыльнымъ является такое примѣненіе капитала, при которомъ онъ всего менѣе приводитъ въ дѣйствіе живого труда, и наоборотъ, чѣмъ больше онъ занимаетъ рабочихъ, чѣмъ меньше поэтому капиталъ, приходящійся на отдѣльнаго рабочаго, тѣмъ меньше прибавочная стоимость, остающаяся капиталисту.

И причину этого понять не трудно. Чѣмъ меньше капиталъ занимаетъ рабочихъ, т.-е. чѣмъ больше капитала приходится въ среднемъ на каждаго рабочаго, тѣмъ большая есть возможность пользоваться машинами и вообще лучшими условіями производства, и тѣмъ трудъ будетъ болѣе успешенъ, тѣмъ большая получится экономія

по сравненію съ общественно-нормальными условіями производства. Чѣмъ больше сбереженіе труда, тѣмъ больше будетъ сумма мѣн-
вой стоимости, вырабатываемой въ извѣстный періодъ времени, и
тѣмъ меньшую долю въ общей стоимости произведеннаго продукта
составитъ заработная плата, слѣдовательно, тѣмъ большая доля
продукта пойдетъ въ пользу капиталиста. При капиталѣ въ 100 руб.
на работника заработная плата (300 дней общественнаго труда)
поглотитъ всю мѣновую стоимость выработаннаго продукта (также
300 дней общественнаго труда); при капиталѣ въ 1000 руб. на
работника заработная плата въ первой отрасли будетъ покрываться
всего лишь одной третьей произведеннаго продукта, во второй ужъ
половиной его, въ 3-й на покрытіе его потребуется уже двѣ трети
продукта, въ 4-й — 0,83 его, въ пятой почти весь продуктъ — 0,97;
при капиталѣ въ 2000 руб. на работника заработная плата соста-
витъ въ первой отрасли одну шестую долю продукта, во второй
одну треть, въ третьей половину, въ четвертой двѣ трети, въ пя-
той — 0,91 его. Соотвѣтственно тому въ пользу капиталиста оста-
нется при капиталѣ въ 1000 руб. на работника въ первой отрасли
двѣ трети стоимости годового продукта, во второй половина, въ 3-й
одна треть, въ четвертой лишь 0,17 его, въ послѣдней только 0,03
его; при капиталѣ въ 2000 руб. въ первой отрасли пять шестыхъ
продукта или его стоимости, во второй двѣ трети, въ третьей поло-
вина, въ четвертой треть, въ пятой 0,09. Другими словами, чѣмъ
выше капиталъ и чѣмъ больше производительность труда, тѣмъ
больше степень эксплуатаціи труда, тѣмъ большая доля произве-
деннаго рабочимъ продукта присваивается капиталистомъ, хотя
заработная плата остается та же. Итакъ, противорѣчіе разрѣшается
довольно просто. Не упраздняется ни трудовой принципъ мѣновой
стоимости, ни политическая экономія вообще. Капиталъ, занимающій
меньше рабочихъ, даетъ большую прибавочную стоимость, т.-е.
больше присваиваетъ себѣ чужого труда, потому, что онъ увеличи-
ваетъ степень эксплуатаціи рабочаго.

Но тутъ возникаетъ другой важный вопросъ, на которомъ нельзя
не остановиться. Можемъ ли мы этотъ фактъ назвать большей эксплуа-
таціей даннаго единичнаго рабочаго даннымъ единичнымъ капита-
листомъ? Думается, безусловно нѣтъ. Рабочій, занятый при капи-
талѣ въ 2000 руб. изготовленіемъ желѣзныхъ издѣлій, затратитъ
въ годъ не больше мышечной и нервной силы и получитъ не мень-
шій доходъ, чѣмъ всѣ другіе наемные рабочіе и чѣмъ самостоя-
тельные производители, располагающіе только общедоступнымъ
капиталомъ. Его положеніе будетъ нисколько не хуже положенія
другихъ работниковъ, хотя онъ изъ произведеннаго имъ продукта
получаетъ только одну шестую долю, а остальные пять шестыхъ
отдаетъ капиталисту. Съ другой стороны, если бы онъ получалъ
весь продуктъ своего труда, всѣ 1800а желѣзныхъ издѣлій, пред-
ставляющихъ стоимость въ 1800 дней общественнаго труда, онъ,
проработавъ 300 дней, получилъ бы право на 1800 дней работы

самостоятельныхъ производителей сукна, полотна, обуви, хлѣба, иначе говоря, явился бы самъ эксплуататоромъ и присвоилъ бы себѣ 1500 дней труда мелкихъ производителей. Ясно отсюда, что наемный рабочій является только орудіемъ эксплуатаціи самостоятельныхъ производителей. Мы такимъ образомъ еще разъ убѣждаемся, что прибыль капиталиста происходитъ за счетъ всѣхъ трудящихся, — не только за счетъ труда наемныхъ рабочихъ, но въ одинаковой мѣрѣ и за счетъ самостоятельныхъ производителей, конечно, поскольку тѣ располагаютъ только трудовымъ капиталомъ, и поскольку этотъ трудовой капиталъ является вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе общедоступнымъ, т.-е. поскольку заработная плата не ниже самостоятельнаго дохода мелкаго производителя. Если мы во взятомъ примѣрѣ предположимъ, что до появленія капитала въ первой отрасли было занято 2000 самостоятельныхъ производителей, во второй — 3000, въ третьей — 4000, въ четвертой — 5000, въ пятой — 6000, такъ что общій ихъ продуктъ представлялъ бы стоимость въ 6 милліоновъ дней общественнаго труда (300×20000), если далѣе допустимъ, что первая отрасль вся занята капиталистами, которые тратятъ на каждаго рабочаго 2000 руб. и занимаютъ 2000 рабочихъ, слѣдовательно, производятъ стоимость въ 3.600.000 дней общественнаго труда, тогда общая стоимость народнаго продукта поднимется до 9 милліоновъ (вслѣдствіе перехода 2000 самостоятельныхъ работниковъ въ разрядъ наемныхъ рабочихъ продуктъ мелкаго производства будетъ составлять теперь 5.400.000 дней общественнаго труда). Общественный продуктъ, какъ мѣновая стоимость, сильно повысился, но раньше весь продуктъ общественнаго производства цѣликомъ принадлежалъ самимъ трудящимся, теперь же трудящіеся изъ этого продукта получаютъ только двѣ трети, а остальная треть поступить въ пользу капиталистовъ. Ясно поэтому, что при существованіи самостоятельнаго производства прибыль капиталистовъ обуславливается въ основѣ своей не тѣмъ, что они отдаютъ рабочему не весь продуктъ его труда (въ нашемъ примѣрѣ только одну шестую долю этого продукта), а тѣмъ, что этимъ путемъ они присваиваютъ себѣ трудъ всѣхъ трудящихся, во взятомъ примѣрѣ треть всего продукта рабочаго населенія страны. Если бы какимъ-нибудь чудомъ эти капиталисты могли бы вовсе обойтись безъ труда, и желѣзные издѣлія доставлялись бы автоматически только машинами безъ всякаго участія челоука, они все же представляли бы стоимость въ 3.600.000 дней общественнаго труда, и капиталисты, несмотря на отсутствіе всякой непосредственной эксплуатаціи наемнаго труда, все же получали бы прибыль, только прибыль эта была бы теперь еще больше, равнялась бы не пяти шестымъ продукта, а всѣмъ шести шестымъ, и не 33% народнаго дохода, а 40% его. Признать источникомъ прибыли только трудъ рабочихъ, непосредственно занятыхъ въ данномъ капиталистическомъ предпріятіи, или трудъ всего класса наемныхъ рабочихъ, но только наемныхъ, значитъ проглядѣть самую

главную функцию монополярнаго капитала, какъ фактора увеличивающаго продуктивность труда¹⁾ и въ силу того присваивающаго себѣ въ большей или меньшей степени весь плюсъ, который онъ вноситъ въ общественный продуктъ и который при отсутствіи частной собственности на орудія производства принадлежалъ бы всему народу, своимъ трудомъ создавшему самый капиталъ. Монополія капитала оплачивается всѣми, кто этой монополіей не обладаетъ, въ равной степени самостоятельнымъ работникомъ, располагающимъ только общедоступнымъ капиталомъ, какъ и работникомъ наемнымъ.

Итакъ, примѣненіе монополярнаго капитала начнется съ тѣхъ отраслей, гдѣ онъ больше всего берегаетъ труда и гдѣ онъ вслѣдствіе того можетъ присвоить себѣ наибольшую долю въ продуктѣ общенароднаго производства. Въ нашемъ примѣрѣ это будетъ первая отрасль, производство желѣзныхъ издѣлій при капиталѣ въ 2000 руб. на работника. Къ производству сукна онъ перейдетъ лишь тогда, когда въ первой отрасли полученная имъ прибавочная стоимость понизится до уровня, какой даетъ примѣненіе капитала во второмъ производствѣ, т.-е. до 600 дней общественнаго труда на каждые 2000 руб. капитала. Какъ произойдетъ это пониженіе прибавочной стоимости, ясно: чрезмѣрное скопленіе капиталовъ въ первой, наиболѣе доходной отрасли приведетъ къ чрезмѣрному производству и, слѣдовательно, къ пониженію цѣнъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прибыли. При перепроизводствѣ, какъ извѣстно, цѣнность товаровъ опредѣляется не по дѣйствительно произведеннымъ затратамъ труда, а по тѣмъ затратамъ, при которыхъ было бы общественно-цѣлесообразно довести производство до данныхъ его размѣровъ. При цѣнѣ каждой штуки данныхъ желѣзныхъ издѣлій въ 1 день общественнаго труда обществу требуется ихъ 3.600.000 штукъ; произвести больше этого количества съ точки зрѣнія правльнаго распредѣленія общественныхъ средствъ имѣло бы смыслъ лишь тогда, если бы необходимыя затраты труда на каждую штуку понизились; такъ, скажемъ, 5.400.000 штукъ тогда могли бы быть цѣлесообразно произведены, если бы каждая штука требовала не цѣлый день общественнаго труда, а, допустимъ, три четверти рабочаго дня. И если производство доведено до этихъ размѣровъ, несмотря на то, что затраты труда остались прежнія, общество будетъ ихъ оцѣнивать по уровню разумныхъ затратъ, будегъ принимать каждую штуку не въ 1 день общественнаго труда, а только въ три четверти его. Но для капиталиста выгодна будетъ

¹⁾ На эту важнѣйшую функцию капитала и ея значеніе для образованія прибыли едва ли не первый указалъ еще въ началѣ прошлаго вѣка Лодердаль: „In every instance where capital is so employed as to produce a profit, it uniformly arises' either — from its supplanting a portion of labour, which would otherwise be performed by the hand of man; or — from its performing a portion of labour, which is beyond the reach of the personal exertion of man to accomplish“. (Lauderdale „An Inquiry into the nature and origin of public wealth“. Edinb., 1804, p.161).

и такая оцѣнка: онъ самъ или рабочіе при помощи его капитала затратили на штуку лишь одну шестую рабочаго дня; расширение производства въ первой отрасли, нецѣлесообразное съ общественной точки зрѣнія, будетъ, однако, еще долго цѣлесообразно съ точки зрѣнія капиталиста, такъ какъ онъ и при пониженныхъ цѣнахъ все же будетъ выручать больше прибавочной стоимости, чѣмъ во второй отрасли. Чтобы онъ перешелъ къ производству сукна, нужно, чтобы 1800а желѣзныхъ издѣлій, продуктъ его годового производства, за вычетомъ 300 дней общественнаго труда, уплачиваемыхъ имъ въ качествѣ заработной платы, оставляли ему лишь 600 дней прибавочной стоимости, слѣдовательно, оцѣнивались бы въ 900 дней общественнаго труда, т.-е. оцѣнивались такъ же, какъ оцѣнивается годовое производство капиталиста во второй отрасли, иначе говоря, по продуктивности монопольнаго капитала, по степени экономизаціи имъ труда въ послѣдней отрасли его примѣненія. Подобнымъ же образомъ капиталъ перейдетъ въ 3-ю отрасль только тогда, когда вслѣдствіе расширения производства въ первыхъ двухъ отрасляхъ 1800а желѣзныхъ издѣлій и 900б сукна станутъ цѣниться только въ 600 дней общественнаго труда и, слѣд., за вычетомъ заработной платы въ 300 дней общественнаго труда, оставятъ капиталисту такую же прибавочную стоимость въ 300 дней на 2000 руб. капитала, какую даетъ 3-я отрасль. Чтобы монопольный капиталъ перешелъ въ четвертую отрасль, нужно, чтобы годовое производство его въ первыхъ трехъ отрасляхъ понизилось въ своей общественной оцѣнкѣ до уровня продуктивности монопольнаго капитала въ этой наименѣе выгодной для него отрасли примѣненія: въ этой отрасли монопольный капиталъ въ 2000 руб. на работника увеличиваетъ успѣшность труда противъ общедоступнаго капитала въ полтора раза, и сообразно тому 1800а желѣзныхъ издѣлій, 900б сукна, 600в полотна одинаково должны цѣниться въ 450 дней общественнаго труда.

Само собою разумѣется, что еще задолго до такого пониженія цѣнъ самостоятельный производитель, пользующійся общедоступнымъ капиталомъ, долженъ будетъ совершенно покинуть и первую, и вторую, и третью отрасль, потому что если 1800а желѣзныхъ издѣлій станутъ расцѣниваться только въ 450 дней общественно-нормальнаго времени, то онъ за свой годовой продуктъ въ 300а получить лишь 75 дней общественнаго труда, за 300б сукна онъ получить теперь лишь 150 дней другихъ трудовыхъ производителей; работая въ третьей отрасли, онъ за годъ труда, за 300в полотна, получить на рынкѣ лишь 225 дней труда одинаково съ нимъ поставленныхъ работниковъ. Самостоятельное производство при помощи общедоступнаго капитала можетъ сохраниться лишь въ отрасляхъ, въ которыхъ капиталъ только сталъ примѣняться и въ производствахъ, въ которыя послѣдній еще не проникъ. Но это вытѣсненіе самостоятельнаго производителя всегда должно сопровождаться удешевленіемъ продукта въ захваченныхъ капиталомъ

отрасляхъ и, слѣдовательно, пониженіемъ прибыли, пониженіемъ прибавочной стоимости капиталиста. Каждая побѣда здѣсь есть въ большей или меньшей степени Пиррова побѣда: она приближаетъ прибыль къ минимуму.

Пониженіе прибыли давно извѣстный фактъ, всегда интересовавшій экономистовъ. Но причина его не въ чрезмѣрномъ возрастаніи капитала, какъ объясняетъ этотъ фактъ А. Смитъ (кн. I, гл. IX), и, конечно, не въ убывающемъ плодородіи земли, вызывающемъ удорожаніе хлѣба, слѣдовательно, издержекъ производства „товара—труда“, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшеніе доли въ продуктѣ, остающейся капиталисту, какъ полагаютъ Рикардо и его школа. Соперничество капиталистовъ, на которое ссылается Смитъ, само по себѣ ничего не объясняетъ. Вопросъ именно въ томъ и состоитъ, почему новые капиталы не могутъ найти себѣ столь же выгоднаго примѣненія, какъ и старые, и своей конкуренціей понижаютъ уровень прибыли. Впрочемъ, Смитъ пониженіе прибыли ставитъ въ зависимость также и отъ необходимости съ теченіемъ времени перейти къ менѣе плодороднымъ землямъ (т. I, стран. 239—240 русск пер.). Кромѣ того, онъ, повидимому, допускаетъ, что различныя отрасли могутъ быть не въ одинаковой мѣрѣ выгодны для капитала (I, стр. 241, ср. также т. II, кн. II, гл. 5 и кн. III, гл. I), но вліяніе обоихъ факторовъ у него едва намѣчено. Убывающему плодородію земли уже потому нельзя приписывать то значеніе въ пониженіи прибыли, что прибыль понижается и тогда, когда цѣны на хлѣбъ не повышаются. Врядъ ли также можно удовлетвориться и объясненіемъ Маркса, что пониженіе нормы прибавочной стоимости, слѣдовательно и нормы прибыли, вызывается непрерывнымъ повышеніемъ органическаго строенія капитала („Капиталъ“, т. III, стр. 161 русск. пер.), увеличеніемъ основнаго капитала, — затратъ на сырье, машины и т. п., — сравнительно съ переменнымъ капиталомъ, т.-е. съ расходомъ на рабочую силу, создающую прибавочную стоимость. Повышеніе органическаго строенія капитала, другими словами, концентрація капитала, не есть причина, а часто, напротивъ, послѣдствіе пониженія прибыли. Именно потому, что прибавочная стоимость зависитъ не отъ количества фактически приведеннаго капиталистомъ въ дѣйствіе труда, а отъ количества сбереженнаго труда, отъ степени экономизаціи общественнаго труда монопольнымъ капиталомъ, капиталистъ, въ цѣляхъ повышенія производительности труда въ своемъ предпріятіи, долженъ постоянно повышать затраты на машины и вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно, и на матеріалы. И по мѣрѣ того, какъ понижается прибыль, въ интересахъ капиталиста повышать составъ капитала, потому что, какъ мы видѣли, прибавочная стоимость капиталиста понижается въ данномъ случаѣ путемъ пониженія цѣнъ, а при пониженіи цѣнъ чѣмъ меньшимъ элементомъ входитъ въ ихъ составъ неизмѣняющаяся по своей величинѣ заработная плата, тѣмъ менѣе сократится прибавочная стоимость. Такъ, во второй изъ предположенныхъ нами отраслей

капиталь въ 2000 руб. на работника и капиталъ въ 1000 руб. даютъ одинаковый процентъ прибыли. При первомъ капиталѣ въ годъ будетъ произведено 900б сукна, при второмъ—600б. Если единица сукна цѣнится въ одинъ день обыкновеннаго труда, первый капиталистъ за вычетомъ расхода на заработную плату (т.-е. стоимости 300 дней общественнаго труда) получить прибавочную стоимость въ 600 дней, второй— въ 300 дней, т.-е. оба получаютъ 30% на свой капиталъ. Но допустимъ, капиталъ перешелъ въ 3-ю отрасль, при этомъ продукты первыхъ двухъ отраслей будутъ расцѣниваться по степени продуктивности монопольнаго капитала въ этой предѣльной, наименѣе для него выгодной отрасли его примѣненія. Въ третьей отрасли капиталъ въ 2000 руб. сокращаетъ затраты труда сравнительно съ общественно необходимыми только въ два раза. Сообразно съ тѣмъ годовой продуктъ того же капитала во второй отрасли— 900б сукна будетъ теперь цѣниться не въ 900 дней общественнаго труда, а только въ 600, и за вычетомъ 300 дней на заработную плату капиталисту останется на 2000 руб. 300 дней общественнаго труда, т.-е. 15%. Каждая штука сукна будетъ теперь цѣниться въ $\frac{2}{3}$ рабочаго дня; при капиталѣ въ 1000 руб. производится 600 штукъ, которыя представятъ теперь цѣнность лишь въ 400 дней, и тогда капиталисту за вычетомъ платы въ 300 дней останется на его 1000 руб. только 100 дней прибавочнаго рабочаго времени, иначе говоря лишь 10% на капиталъ, тогда какъ затрачивая на рабочаго по 2000 руб., болѣе концентрируя производство, онъ получалъ бы 15%. Естественно поэтому, что производство сукна при меньшемъ капиталѣ должно будетъ прекратиться и изготовленіе его сосредоточится въ болѣе крупныхъ предпріятіяхъ со среднимъ капиталомъ въ 2000 руб. на работника.

Причину постояннаго пониженія нормы прибавочной стоимости и прибыли слѣдуетъ поэтому видѣть въ томъ, что размѣръ прибавочной стоимости находится въ самой тѣсной зависимости отъ степени, въ какой монопольный капиталъ сокращаетъ фактическія затраты труда сравнительно съ общественно-необходимымъ расходомъ рабочаго времени, причемъ капиталу постепенно приходится искать примѣненія въ отрасляхъ, въ которыхъ онъ въ меньшей степени увеличиваетъ успѣшность труда.

Отсюда становится понятной и эта жадная погоня за иностранными рынками, когда, казалось бы, и на собственномъ рынкѣ есть еще безконечный просторъ для примѣненія капитала. Если бы обмѣнъ дѣйствительно регулировался издержками производства плюсъ средняя прибыль, какъ полагаетъ Марксъ въ 3-мъ томѣ, тогда для капиталиста въ общемъ должно было быть совершенно безразлично, въ какой отрасли ни затрачивать свои средства; повсюду онъ получалъ бы одинаковую прибыль, и тогда вопросъ о внѣшнихъ рынкахъ никогда не могъ бы получить того громаднаго значенія, которое онъ имѣетъ во всѣхъ промышленныхъ странахъ.

Но въ дѣйствительности уравненіе прибыли въ различныхъ отрасляхъ происходитъ не посредствомъ „пониженія нормы прибыли въ одной изъ нихъ и повышенія въ другой“, какъ указывается въ 3-мъ томѣ „Капитала“, а только посредствомъ пониженія ея. Гдѣ норма прибыли низка, гдѣ капиталъ мало содѣйствуетъ производительности труда, въ тѣхъ отрасляхъ эта норма никогда не повышается, и существованіе болѣе высокаго уровня прибыли достигается просто тѣмъ, что капиталъ по мѣрѣ возможности въ эти отрасли не идетъ, а если отдѣльные капиталисты станутъ примѣнять свои средства въ этихъ отрасляхъ, они, конечно, не получатъ нормальной прибыли и поплатятся за свою предприимчивость разореніемъ. И чтобы возможно болѣе отсрочить переходъ въ менѣе выгодныя производства и пониженіе общаго уровня прибыли, капиталисты и стремятся всячески расширить приложеніе капитала въ болѣе доходныхъ производствахъ. Для этого имъ такъ нуженъ иностранный сбытъ, но сбытъ именно для опредѣленныхъ товаровъ, при которыхъ всего болѣе экономизируется трудъ примѣненіемъ большаго капитала. Очевидно, эта зависимость прибыли отъ степени экономизаціи труда капиталомъ наиболѣе простымъ образомъ объясняетъ также происхожденіе торгово-промышленныхъ кризисовъ. Кризисы не есть послѣдствіе анархіи, разрозненности и взаимной неосвѣдомленности капиталистовъ, вслѣдствіе чего производится не то, что нужно, и не въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ требуется для общества. Нельзя искать причины ихъ и въ недостаткѣ покупательныхъ средствъ у трудовыхъ массъ или въ постоянномъ пониженіи доли рабочихъ въ мѣновой стоимости общественнаго производства, какъ полагаетъ Родбертусъ. Кризисъ есть массовое перепроизводство въ рядѣ отраслей, и мы видѣли, что переходъ капитала въ менѣе выгодную для него отрасль, долженъ всегда сопровождаться перепроизводствомъ во всѣхъ отрасляхъ, въ которыхъ капиталъ примѣнялся раньше и приносилъ большую прибыль. Чтобы капиталъ перешелъ, напр., изъ третьей отрасли въ четвертую необходимо, чтобы 1800а желѣзныхъ издѣлій стали цѣниться не въ 600 рабочихъ дней, а лишь въ 450, и чтобы до того же уровня упала цѣнность годового производства капиталиста во второй и третьей отрасляхъ, — сукна и полотна. Это можетъ сдѣлать только чрезмѣрное расширеніе производства. Слѣдовательно, кризисъ, охватывающій всѣ отрасли капиталистическаго производства, неизбежно долженъ сопутствовать каждому новому завоеванію капитала, каждому переходу его въ новыя, менѣе для него выгодныя отрасли труда, и каждый кризисъ свидѣтельствуетъ о пониженіи нормы прибыли въ странѣ. Никакое знаніе рынка не можетъ предупредить кризиса, когда прежніе размѣры производства въ болѣе выгодныхъ отрасляхъ не даютъ достаточнаго примѣненія для всего монопольнаго капитала, а новыя грозятъ значительнымъ пониженіемъ прибавочной стоимости. Кризисъ — это неизбежная дань, которую платятъ капиталисты за расширеніе поля примѣне-

нія своихъ средствъ; онъ уравниваетъ прибыль посредствомъ пониженія ея до уровня прибыли въ предѣльной, наименѣе выгодной области приложенія капитала, и всю излишнюю прибыль, которую давали болѣе выгодныя отрасли, обращаетъ въ пользу общества путемъ пониженія цѣнъ.

Естественно, что капиталисты будутъ весьма осторожны въ перемѣщеніи своихъ средствъ въ новыя производства, представляющія меньшія для нихъ выгоды, и процессъ завоеванія промышленности монопольнымъ капиталомъ, процессъ вытѣсненія самостоятельнаго трудового производства наемнымъ трудомъ и крупными предпріятіями будетъ совершаться съ большой оглядкой и весьма постепенно. И вотъ почему тотъ строй, который обыкновенно предполагаетъ политическая экономія въ своихъ построеніяхъ, строй чистаго, исключительнаго капитализма, при которомъ всѣ товары доставляются только наемнымъ трудомъ, выдѣлываются только при помощи капитала, дающаго прибыль, этотъ строй — нельзя тутъ не согласиться съ Бернштейномъ — въ дѣйствительности въ полной мѣрѣ до сихъ поръ не осуществился нигдѣ. Едва ли не одна только Англія болѣе или менѣе приближается къ такому состоянію, и она только какъ географическое, а не какъ экономическое понятіе, только страна, но не рынокъ, не экономическая сфера вліянія. Въ экономическомъ отношеніи Англія составляетъ одно цѣлое и съ Ирландіей, и со своими колоніями и съ другими странами, доставляющими ей хлѣбъ и сырье, и тогда нужно признать, что и Англія не заслуживаетъ званія чисто капиталистической страны, потому что хлѣбъ, которымъ она питается, производится главнѣйшимъ образомъ мелкимъ земледѣльцемъ, масса товаровъ, которые она получаетъ изъ экзотическихъ странъ, являются продуктами трудового ремесленнаго и кустарнаго производства. Ирландія, столь тѣсно связанная съ ней экономически, очевидно, ближе стоитъ къ первобытному капитализму, чѣмъ къ капитализму чистому. Во всѣхъ другихъ странахъ капиталистическаго развитія, несмотря на довольно быстрое вымирание самостоятельнаго ремесла, мы непосредственно находимъ все еще весьма многочисленный классъ мелкихъ трудовыхъ предпріятій.

Но не приведетъ ли дальнѣйшее развитіе къ окончательному вытѣсненію мелкаго производства трудового типа и къ полному завоеванію капиталомъ всѣхъ отраслей народнаго хозяйства? Это зависитъ отъ двухъ факторовъ: отъ того, какова минимальная экономизація труда капиталомъ, слѣдовательно, до какого уровня упала бы прибыль, если бы капиталъ занялъ всю промышленность, и, далѣе, какъ быстро будетъ развиваться концентрація капитала и производства въ ранѣе занятыхъ отрасляхъ въ связи съ пониженіемъ прибыли до минимума. И по всему, что мы знаемъ, мы должны заключить, что занятіе всей промышленности капиталомъ должно было бы свести прибыль почти до нуля, настолько незначительно въ нѣкоторыхъ производствахъ сбе-

реженіе труда, доставляемое капиталомъ. Съ другой стороны, еще задолго до того концентрація въ большинствѣ наиболѣе важныхъ отраслей индустріи достигла бы такихъ размѣровъ, что сдѣлала бы неизбѣжнымъ обобществленіе этихъ производствъ, и тѣмъ подготовила бы постепенное переустройство на тѣхъ же началахъ всего народнаго хозяйства. Самый яркій примѣръ въ этомъ отношеніи представляютъ Соединенные Штаты, гдѣ, на ряду съ широкимъ развитіемъ трудового производства въ земледѣліи, трѣсты монополизировали цѣлыя отрасли народнаго труда, частью почти въ полномъ ихъ составѣ, и уже въ настоящее время сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ, по вычисленіямъ Гента, едва ли не треть всего индустріальнаго капитала, не считая мелкихъ предпріятій. Очевидно, при такомъ ходѣ концентраціи обобществленіе производства во многихъ отрасляхъ становится очередной задачей близкаго будущаго. Безграничная власть, даваемая монополіей, дѣлаетъ трѣсты все болѣе ненавистными и рабочимъ, и потребителямъ. Съ другой стороны, нѣтъ никакихъ основаній, почему директора, управляющіе и всякіе другіе чиновники трѣстовъ не могли бы съ тѣмъ же успѣхомъ назначаться и контролироваться государствомъ, а не собраніемъ пайщиковъ, и вести дѣло въ интересахъ народа, а не ради прибыли акціонеровъ. Разумѣется, государственная эксплуатація двухъ-трехъ производствъ не пересоздастъ еще строя всего народнаго хозяйства. Естественно, напр., что выкупъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ не могъ внести никакихъ перемѣнъ въ складъ хозяйственныхъ отношеній. Но „простыя количественныя измѣненія, дойдя до извѣстнаго пункта, превращаются въ качественныя различія“¹⁾, и если государство постепенно окажется работодателемъ большинства промышленныхъ рабочихъ, послѣдніе несомнѣнно сумѣютъ перекроить соотвѣтственно своимъ интересамъ и государство, и общій складъ экономическихъ отношеній. И этотъ новый строй въ обобществленныхъ отрасляхъ, въ силу котораго весь продуктъ будетъ поступать въ пользу самихъ трудящихся, съ тѣми или другими измѣненіями, но неизбѣжно долженъ будетъ распространиться и на всѣ остальные производства, хотя бы они продолжали вестись мелкими производителями. Иначе оно не можетъ быть, потому что всѣ производства и всѣ слои трудящагося народа слишкомъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, чтобы они могли долго жить обособленной жизнью.

Въ игнорированіи этого факта основная ошибка Бернштейна, когда онъ отодвигаетъ чуть ли не въ безконечность осуществленіе социалистическаго идеала только потому, что существеннѣйшая предпосылка для социализаціи производства и распределенія — сильная централизація предпріятій осуществлена лишь отчасти, не во всемъ народномъ хозяйствѣ, а только въ нѣкоторыхъ областяхъ его. Онъ упускаетъ изъ вида ассимилирующую силу господствующую

¹⁾ „Капиталь“, т. I, стран. 262 р. пер. (2-е изд.).

щаго типа. Жизнь никогда не ждетъ, пока все равномерно и естественнымъ путемъ созрѣетъ для новаго склада отношеній, и мало справляется даже съ тѣмъ, насколько по самому существу своему господствующій принципъ взаимныхъ отношеній приложимъ къ тѣмъ или другимъ частнымъ явленіямъ. Такъ, провозгласивъ такимъ принципомъ обмѣнъ, она выбрасываетъ на рынокъ въ качествѣ товаровъ и твореніе генія, не воспроизводимое никакой затратой „средняго простаго труда“, и предметы рѣдкости, цѣнимые совершенно несоотвѣтственно невѣдомо когда и невѣдомо къмъ сдѣланнымъ затратамъ, и предметы естественной монополіи, созданные самой природой безъ всякаго участія человѣческаго труда, обращаетъ барщину въ оброкъ и оброкъ въ аренду, превращая общественное „кормленіе“ за общественную службу въ оплату новаго товара — земли. Этого никогда не могла постичь вульгарная экономія, и вотъ почему, между прочимъ, одно „существованіе предметовъ, обладающихъ цѣнностью и тѣмъ не менѣе не составляющихъ продуктовъ труда“, — представляется ей достаточнымъ „для опроверженія трудовой теоріи, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ которомъ ее обосновалъ Марксъ“ (С. Франкъ, — „Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе. Критическій этюдъ“. С.-Пб. 1900 г., стран. 29). Она не замѣчаетъ, что всѣ эти предметы никогда сами по себѣ не сдѣлались бы товаромъ, если бы обмѣнъ не былъ избранъ какъ средство распредѣленія продуктовъ труда, что нормы обмѣна регулируются поэтому исключительно особенностями, свойственными продуктамъ труда, а остальные предметы искусственно, только въ силу ассимилирующаго вліянія господствующей формы отношеній втянутые въ сферу обмѣна, подгоняются на рынокъ подъ готовя, чуждые имъ нормы распредѣленія.

Но если ассимилирующая сила господствующаго типа ускоряетъ сложеніе новаго общественнаго строя, избавляя отъ необходимости выжидать, пока всѣ стороны жизни или всѣ производства одинаково потребуютъ перехода къ этому новому строю, то вмѣстѣ съ тѣмъ она ускоряетъ и разложеніе его, и съ естественной эволюціей строя прежде всего отпадаетъ отъ него все то, что только искусственно и потому въ недостаточной степени было подчинено его нивеллирующему вліянію. Поэтому и процессъ обобщественія долженъ совершаться съ двухъ концовъ: одновременно съ обобщественіемъ отраслей, получившихъ монополюный характеръ вслѣдствіе концентраціи производства, должны подвергнуться обобщественію производства или средства производства, которыя по самой природѣ своей всегда имѣютъ монополюный характеръ. Процессъ социализаціи орудій производства долженъ такимъ образомъ пойти съ удвоенной силой. И при той большой разницѣ, какая существуетъ въ степени экономизаціи труда капиталомъ въ различныхъ отрасляхъ, при томъ темпѣ, съ которымъ совершается концентрація производства въ отрасляхъ болѣе выгодныхъ для монополюнаго капитала, можно съ увѣренностью сказать, что частный эксплуата-

торскій капиталъ никогда нигдѣ не завоюетъ всего народнаго производства, и что многія отрасли и въ строй будущаго перейдутъ съ мелко-хозяйственной организаціей производства и, быть можетъ, и при этомъ новомъ строѣ еще долго не дождутся примѣненія крупнаго капитала, потому что для усиленныхъ затратъ капитала будетъ находиться болѣе продуктивное болѣе выгодное, съ общественной точки зрѣнія, примѣненіе. Если однихъ работниковъ, работниковъ крупныхъ капиталистическихъ предпріятій, къ новому складу хозяйственныхъ отношеній подготовить желѣзная дисциплина машины и введетъ въ этотъ новый строй экспропріація капиталистовъ, то другимъ этотъ путь постепенно укажетъ собственное сознаніе общности интересовъ и взаимной выгоды сотрудничества. И, несомнѣнно, на ряду съ концентраціей, какъ необходимымъ результатомъ капиталистическаго производства, большая роль суждена въ созданіи „общества будущаго“ свободной коопераціи мелкихъ самостоятельныхъ производителей, и всего больше, конечно, будетъ это значеніе коопераціи въ земледѣліи.

VII.

Вернемся теперь къ земледѣлію. Прежде всего, какое мѣсто занимаетъ земледѣліе въ ряду различныхъ производствъ по степени экономизаціи труда капиталомъ? — Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: одно изъ послѣднихъ. Это одинаково признаютъ и тѣ, которые считаютъ неизбѣжнымъ обращеніе земледѣлія въ капиталистическое производство съ наемнымъ трудомъ, и тѣ, которые полагаютъ, что трудовое земледѣліе переживетъ самый частно-хозяйственный строй народнаго производства. Энгельсъ, какъ мы уже видѣли, относитъ сельское хозяйство къ сферамъ производства, которыя „позднѣе всего и наименѣе совершенно подчиняются капиталистическому производству“; Каутскій приходитъ къ заключенію, что „крупное производство въ техническомъ отношеніи превосходитъ мелкое во всѣхъ болѣе значительныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, хотя и не въ такой степени, какъ въ важнѣйшихъ видахъ индустріи“ (стран. 130). И въ этой послѣдней оговоркѣ вся суть дѣла, истинная причина, почему капиталъ въ теченіе всего своего развитія не завоевалъ земледѣлія. Насколько спорнымъ является, въ какой мѣрѣ продуктивнѣе крупное хозяйство въ земледѣліи, чѣмъ мелкое, настолько же очевидно, что въ обрабатывающей промышленности и торговлѣ эти выгоды, доставляемыя большимъ размѣромъ предпріятія и приложеніемъ значительнаго капитала, далеко больше, чѣмъ въ области сельскаго хозяйства. Главная сила монопольнаго капитала, рѣшившая его побѣду и подчинившая ему промышленность, — машина въ земледѣліи, — по крайней мѣрѣ, при настоящемъ состояніи техники — не обнаруживаетъ такого громаднаго вліянія на успѣшность труда, какъ въ болѣе прогрессивныхъ отрасляхъ индустріи. Такъ, по дан-

нымъ цитированнаго американскаго изслѣдованія о машинномъ и ручномъ производствѣ, косьба и уборка тимофеевки, напр., требуетъ при ручномъ трудѣ въ 3,97 раза больше времени и въ 2,37 раза больше расходовъ на заработную плату, чѣмъ при машинномъ способѣ; при воздѣлываніи пшеницы рабочее время, расходуемое при ручномъ способѣ, было въ одномъ случаѣ больше въ 18,39 разъ, въ другомъ въ 21,63 раза, расходъ на заработную плату былъ больше въ обоихъ случаяхъ всего только въ пять разъ (5,38 и 5,17); при воздѣлываніи овса ручного труда требуется больше въ 9,33 раза, а расходъ на заработную плату больше въ 3,47 разъ (см. 13-й отчетъ вашингтонскаго бюро труда, производства №№ 12, 26, 27, 13); на ряду съ тѣмъ въ хлопчатобумажномъ производствѣ на изготовленіе извѣстныхъ тканей при ручномъ способѣ уходитъ больше труда, сравнительно съ машиннымъ производствомъ, въ одномъ случаѣ (производство № 248) въ 163,98 разъ, а расходъ на плату больше въ 77,89 разъ, въ другомъ (№ 246) въ 197,23 раза, въ третьемъ (№ 241) въ 89,44 раза, при чемъ расходъ на трудъ больше въ 19,90 разъ, въ четвертомъ (№ 243) затрата труда больше въ 81,77 раза; при производствѣ крученыхъ нитокъ изъ пряжи № 6 при ручномъ способѣ труда уходитъ больше даже въ 749,4 раза и т. д.; при производствѣ одного вида винтовъ (произв. № 574) при ручномъ способѣ тратилось больше рабочаго времени въ 4098,36 раза, а расходъ на плату былъ больше въ 1699,84 раза; въ гвоздильномъ производствѣ въ одномъ случаѣ (№ 468) при ручномъ способѣ затрата труда больше въ 129,64 раза, расходъ на трудъ въ 69,19 раза, въ другомъ случаѣ рабочаго времени употреблялось больше въ 64,60 раза при большемъ расходѣ на плату въ 35,19 раза (№ 469); при изготовленіи сапожныхъ гвоздей (№ 474) рабочаго времени требуется больше при ручномъ способѣ въ 51,13 раза, расходъ на трудъ больше въ 35,56 раза. И подобныхъ примѣровъ, разумѣется, множество. Настолько настойчивѣе и потому успѣшнѣе было стремленіе къ техническимъ усовершенствованіямъ въ индустріи, чѣмъ въ земледѣліи. Самое примѣненіе нѣкоторыхъ машинъ въ земледѣліи находится въ большой зависимости отъ индивидуальныхъ условій каждаго предпріятія, отъ особенности почвы или строенія поверхности. Такъ, напр., при неровной поверхности употребленіе пароваго плуга и вообще механическихъ двигателей сильно затрудняется или становится вовсе невозможнымъ. Въ индустріи съ такимъ разнообразіемъ условій отдѣльныхъ предпріятій не приходится считаться, и потому машина можетъ найти себѣ болѣе широкое и болѣе быстрое примѣненіе. Но еще важнѣе вліяніе, оказываемое сезоннымъ характеромъ сельско-хозяйственныхъ работъ. Онъ дѣлаетъ необходимымъ частую смѣну машинъ и орудій и такимъ образомъ значительно увеличиваетъ расходъ капитала для достиженія той же экономіи труда. Паровой плугъ можетъ очень сильно сократить расходъ труда, но онъ работаетъ только короткое время въ теченіе года и естественно, что

въ разсчетѣ на цѣлый годъ сбереженіе труда, достигнутое затратой капитала на паровой плугъ, можетъ оказаться значительно ниже того, сколько было бы сбережено труда при помощи того же капитала въ промышленности. Съ другой стороны, тотъ же сезонный характеръ земледѣльческаго производства значительно облегчаетъ примѣненіе машинъ для мелкаго хозяйства: одна и та же жнейка, одна и та же молотилка можетъ поочередно обслуживать рядъ мелкихъ крестьянскихъ дворовъ, и, какъ извѣстно, такое совмѣстное пользованіе земледѣльческими машинами дѣйствительно получило широкое развитіе на Западѣ. Чаще всего при этомъ машина принадлежитъ частному предпринимателю, который сдаетъ ее во временное пользованіе крестьянамъ за извѣстную плату, и такимъ образомъ сама по себѣ, по своей абсолютной стоимости, недоступная для крестьянина машина находитъ себѣ примѣненіе въ его хозяйствѣ. Другая сила капитала — объединеніе работниковъ, кооперація, создаваемая расширеніемъ предпріятія, въ земледѣліи точно также проявляется въ меньшей степени, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности и торговлѣ, такъ какъ этому въ значительной мѣрѣ противодѣйствуетъ пространственная разединенность работниковъ въ земледѣліи. На ряду съ тѣмъ въ мелкомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ свободная кооперація, благодаря сосѣдству и большей общности интересовъ, напротивъ, скорѣе возможна, чѣмъ въ мелкомъ ремеслѣ или мелкой торговлѣ, и издавна находила себѣ широкое примѣненіе и въ формѣ осеннихъ помочей, и въ видѣ супряги, гдѣ земля требовала особенно много скота для обработки, и во многихъ другихъ сторонахъ жизни сельской общины. Поэтому много легче прививаются въ деревнѣ и тѣ формы коопераціи, которыхъ требуетъ современный строй хозяйственныхъ отношеній — товарищества для совмѣстной закупки и продажи, кооперативныя сыроварни, кредитныя товарищества, меліоративныя союзы и т. п. Достаточно вспомнить прогрессъ сельскихъ кооперативовъ въ Германіи. Въ 1890 г. тамъ существовало 537 товариществъ для закупки и сбыта, въ 1900 г. ихъ было уже 1202, товарищескихъ сыроваренъ было въ 1890 г. 639, въ 1900 г. — 2064, сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ имѣлось въ 1890 г. 1729, въ 1900 г. — 10121, всѣхъ кооперативныхъ товариществъ насчитывалось въ 1890 г. 3006, въ 1900 г. — 14278. Въ Пруссіи общее число членовъ сельскихъ кооперативовъ достигало къ 31 іюля 1898 г. 707.223 человекъ. Если сопоставить эту цифру съ числомъ всѣхъ сельскихъ хозяевъ, окажется, что изъ двухъ одинъ состоитъ участникомъ какого-нибудь кооперативнаго товарищества. И всего выше этотъ процентъ въ районѣ мелкаго крестьянскаго хозяйства: въ Рейнской провинціи на 100 сельскихъ хозяевъ приходилось 71,9 участниковъ кооперативныхъ ассоціацій, въ Гессенъ-Нассау даже 79,8, въ Вестфалии 63,5. Ясно отсюда, что уже и въ настоящее время въ сельскохозяйственныхъ товариществахъ принимаютъ широкое участіе не только зажиточные дворы,

но и рядовое мелкое крестьянство. И несомненно, эти сельскія коопераціи чѣмъ дальше, тѣмъ больше должны ослабить конкурирующую силу монопольнаго капитала въ земледѣліи.

Наконецъ, чрезвычайно важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что въ земледѣліи добавочныя затраты капитала на тотъ же участокъ, какъ общее правило, не даютъ соотвѣтствующаго увеличенія продукта. Интенсификація земледѣлія возможна поэтому только при болѣе высокомъ уровнѣ цѣнъ и, что особенно важно, она одинаково достижима и путемъ большаго примѣненія капитала, и путемъ усиленнаго приложенія живого труда. Естественно, что капиталъ въ земледѣліи долженъ стремиться только къ такому увеличенію продуктивности труда, которое не связано съ увеличеніемъ валового продукта предпріятія при той же площади обработки, т.-е., только къ сокращенію рабочаго времени, необходимаго для полученія прѣжняго сбора, но не къ увеличенію валового сбора, слѣд., не къ повышенію урожайности. Даже въ Англіи, въ которой капиталистическое земледѣліе наиболѣе развилось, урожайность прогрессируетъ довольно слабо; сборъ пшеницы съ акра опредѣляется для начала прошлаго вѣка (1810—15) въ 22 бушеля (Комеръ), для періода 1840—46 гг. — въ 31 буш. (Маккулохъ), въ 1857—62 гг. онъ составляетъ 28,4 буш., въ 1863—68 гг. — 30,8, въ 1869—74 гг. — 27,2, въ 1875—80 гг. — 22,6, въ 1887—96 гг. — 29,5 буш. Наростаніе сбора, какъ видимъ, было настолько скромное, что оно легко парализовалось подчасъ вліяніемъ измѣнчивыхъ метеорологическихъ условій. Но если нельзя свободно увеличить производительность предпріятія, невозможно въ полной мѣрѣ развить и продуктивность труда. Всѣ чудеса техники, всѣ колоссальныя сбереженія въ издержкахъ производства достигнуты въ индустріи путемъ постояннаго расширенія валовой производительности предпріятій. Не мануфактура, а фабрика съ постепенно растущимъ производствомъ создала окончательное торжество капитализма. Фабрика, а не мануфактура упятерила и удесятерила продуктивность труда. Производительность прядильщиковъ въ Англіи выражалась въ 1819—21 гг. въ 968 фунт. пряжи, въ 1829—31 гг. въ 1546, въ 1844—46 гг. она равнялась 2754, въ 1859—61 гг. 3671, въ 1880—82 гг. — 5520. Средняя производительность ткача достигала въ 1819—21 гг. 322 фунтовъ, въ 1829—31 гг. — 521, въ 1844—46 гг. — 1658, въ 1859—61 гг. 3206, въ 1880—82 гг. 4039 фунтовъ¹⁾. Такихъ завоеваній земледѣльческой капиталъ нигдѣ не дѣлалъ. Сама природа приковываетъ капиталъ въ земледѣліи къ мануфактурной стадіи производства, и, очевидно, пока возможно для него примѣненіе въ индустріи и торговлѣ, онъ не долженъ примѣняться въ земледѣліи. Это требованіе рациональнаго употребленія народныхъ средствъ; для капиталиста оно выражается въ меньшей прибыльности земле-

¹⁾ Шульце-Гевеверницъ, „Крупное производство“, рус. пер., стр. 135, 152.

дѣльческаго капитала, и понятно, что разсчетливый капиталъ, ищущій наиболѣе прибыли, въ земледѣліе не идетъ.

Основная ошибка защитниковъ крупнаго хозяйства заключалась въ томъ, что они ограничивали свои наблюденія только сферой сельскаго хозяйства. Сравнивая крестьянское хозяйство съ богатымъ капиталистическимъ предпріятіемъ, они, конечно, въ правѣ были признать, что послѣднее можетъ много сберечь труда и представляетъ поэтому большія преимущества. Но они не принимали во вниманіе, что въ промышленности тотъ же капиталъ сбережетъ далеко больше труда, и потому неразумно было бы затрачивать его тамъ, гдѣ онъ приноситъ меньше пользы.

Что капиталъ приноситъ въ земледѣліи меньшій процентъ, давно извѣстно, хотя весьма разнo объяснялось. На это явленіе указываетъ еще А. Смитъ. „Мы встрѣчаемъ ежедневно, — говоритъ онъ (т. II, стран. 163 русскаго пер.), — самыя блестящія состоянія, приобрѣтенныя путемъ торговли и промышленности въ продолженіе жизни одного человѣка, часто начавшаго дѣло съ самымъ ничтожнымъ капиталомъ, а иногда и вовсе безъ него. Подобное состояніе, полученное путемъ земледѣлія въ такое же короткое время и съ такими же ничтожными средствами, представляло бы событіе, въ подтвержденіе котораго нельзя привести ни одного примѣра въ Европѣ въ продолженіе текущаго столѣтія“ То же остается вѣрнымъ и до настоящаго времени. Въ самомъ дѣлѣ, слыхалъ ли кто-нибудь изъ насъ о состояніяхъ, нажитыхъ въ земледѣліи и путемъ земледѣлія, не посредствомъ земельной спекуляціи, распродажи по кусочкамъ крупныхъ имѣній крестьянамъ и т. п.? Нѣтъ, мы слыхали обратное, о разореніи, которое вносило въ помѣщичье хозяйство сейчасъ послѣ освобожденія крестьянъ примѣненіе раціональнаго земледѣлія и интенсивныхъ системъ. Достаточно вспомнить то, что говоритъ объ этой порѣ Атава въ своихъ очеркахъ помѣщичьяго оскудѣнія. На то же оскудѣніе или, точнѣе, на постоянную убыточность земледѣлія жалуются не только въ отсталой Россіи, но и въ передовой Германіи.

Анкета, произведенная экономическимъ совѣтомъ германскаго имперскаго министерства внутреннихъ дѣлъ по поводу пересмотра таможеннаго тарифа, показываетъ, что сельское хозяйство приноситъ въ среднемъ для взятыхъ типичныхъ хозяйствъ всего 2,1% на общую стоимость хозяйства, включая сюда стоимость земли; за вычетомъ 5% на оборотный капиталъ и 3% на строительный, на поземельную ренту остается всего 0,7 стоимости земли. Конечно, анкета вся проникнута однимъ стремленіемъ — урвать еще сколько-нибудь изъ народнаго кошелька въ пользу доблестнаго юнкерства, показать, какъ необходимы высокія пошлины для спасенія гибнущаго отечества, и, разумѣется, о научности пріемовъ здѣсь мало заботились. Однако всякому преувеличенію должны быть свои границы, просто для того, чтобы оно не теряло правдоподобія, и врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что самый фактъ значительно меньшей до-

ходности капитала въ земледѣліи отмѣченъ анкетой правильно. Во всякомъ случаѣ его, насколько мнѣ извѣстно, никто не оспаривалъ. Очень часто объясняютъ эту меньшую доходность сельскаго хозяйства сравнительно съ индустріей неумѣлымъ хозяйничаніемъ, расточительностью въ однихъ случаяхъ, чрезмѣрной алчностью и крѣпостническими приѣмами эксплуатаціи въ другихъ. Но спрашивается, почему на смѣну неумѣлому хозяину не является энергичный и разумный предприниматель, знающій, гдѣ съ большей пользой для себя уступить и гдѣ поскупиться? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: кто умѣетъ считать, тотъ легко подсчитаетъ, что въ земледѣліи онъ ни при какихъ условіяхъ не получитъ той прибыли, какую принесетъ ему капиталъ въ промышленности, и крупное хозяйство остается въ рукахъ тѣхъ, кто не умѣетъ считать или не желаетъ считать. Чѣмъ, далѣе, какъ не малой доходностью монопольнаго капитала въ земледѣліи, объяснить постоянныя затрудненія съ рабочими въ сельскомъ хозяйствѣ, эти вѣчныя жалобы на недостатокъ и дороговизну наемнаго труда, которыя раздаются одинаково и въ средневѣковой Англій, какъ въ Англій современной, во Франціи такъ же, какъ въ юнкерской Пруссіи? Рабочіе, конечно, есть и были. Все дѣло въ платѣ. Землевладѣлецъ находитъ для себя непосильной плату, которую получаетъ рабочій въ городѣ, и рабочій, разумѣется, предпочитаетъ пойти на фабрику. Фабрикантъ можетъ платить больше, потому что его прибыль больше; землевладѣлецъ же и при искусственно пониженной заработной платѣ не получаетъ той прибыли, какую приноситъ капиталъ промышленнику и купцу. И вотъ почему, гдѣ возможно, онъ предпочитаетъ вовсе не затрачивать капитала, а сдавать землю разнымъ мидльменамъ для переуступки ея трудовымъ земледѣльцамъ и беззаботно пользоваться рентой.

Фактъ болѣе низкой доходности капитала въ земледѣліи отмѣчается и Бебелемъ въ его рѣчи о критикѣ марксизма на Ганноверскомъ партейтагѣ. „Безъ сомнѣнія, — говоритъ онъ, — какъ бы рационально ни велось сельско-хозяйственное предпріятіе, оно все же не можетъ конкурировать съ высотой прибыли въ хорошо поставленномъ промышленномъ предпріятіи. Капиталъ, поэтому, направляется въ промышленность и оттягивается отъ сельскаго хозяйства“¹⁾. Но онъ видитъ въ этомъ фактѣ какъ бы временное явленіе, которое въ связи съ конкуренціей дешеваго заокеаническаго хлѣба сдѣлало въ послѣднія десятилѣтія крупное хозяйство менѣе устойчивымъ и тѣмъ измѣнило ходъ развитія въ земледѣліи, предсказанный Марксомъ. Однако, большая доходность капитала въ промышленности не новый фактъ, а явленіе постоянное, и раньше эта разница въ прибыльности капитала въ земледѣліи и промышленности должна была быть еще значительнѣе, потому что, какъ извѣстно, прибыль не повышается, а понижается. Поэтому нельзя говорить

¹⁾ „О Бернштейнѣ“, рус. пер., стран. 21—22.

объ измѣненіи тенденціи капитала въ сельскомъ хозяйствѣ или о задержкѣ или остановкѣ процесса концентраціи въ земледѣліи, а необходимо признать, что самой тенденціи къ централизаціи производства и капитала въ земледѣліи не существуетъ, что Англія являлась не прототипомъ, а исключеніемъ, обусловленнымъ особенностями ея почвы и системой высокихъ хлѣбныхъ пошлинъ. Сельско-хозяйственный кризисъ самъ по себѣ долженъ былъ бы дать результатъ какъ разъ обратный тому, какой наблюдается теперь. Въ промышленности пониженіе цѣнъ является всегда непосредственнымъ фактомъ, рѣшающимъ судьбу мелкаго производства. Кризисъ добываетъ слабаго и очищаетъ поле для болѣе сильнаго. И если въ земледѣліи болѣе слабымъ, менѣе устойчивымъ оказалось крупное хозяйство, то это лишь доказываетъ, что оно всегда было мало рациональной формой организаціи земледѣльческаго производства. Заокеаническая конкуренція не явилась новымъ факторомъ; она дала только сильнѣе почувствовать невыгодность примѣненія монопольнаго капитала въ земледѣліи и, понизивъ ренту, сократила тотъ фондъ, изъ котораго могли покрываться недоборы въ прибыли. И выводъ изъ этого факта малой доходности капитала въ земледѣліи можетъ быть только одинъ, что монопольный капиталъ долженъ прилагаться тамъ, гдѣ онъ всего болѣе сокращаетъ необходимыя затраты труда, а земледѣліе должно быть предоставлено исключительно мелкому трудовому производителю, — повсюду, гдѣ мелкое земледѣліе возможно, гдѣ ему не препятствуютъ особенныя почвенныя условія мѣстности.

Отсюда слѣдуетъ, что и въ русской деревнѣ нарождающійся капиталъ не можетъ остаться въ земледѣліи, не можетъ вытѣснить трудового крестьянина. И въ настоящее время, какъ доказываетъ Ф. А. Щербина,

„накопленіе капитала въ . . . эксплуатирующихъ хозяйствахъ совершается не столько прямымъ производительнымъ путемъ на счетъ прибавочной стоимости цѣнностей, получаемыхъ хозяиномъ-предпринимателемъ непосредственно отъ производства, сколько . . . путемъ полученія непомѣрныхъ процентовъ за ссуды, высокой торговой прибыли и вообще всякихъ нажимокъ, выражающихся обыкновенно тѣмъ въ болѣе рѣзкихъ формахъ, чѣмъ на низшей ступени развитія стоитъ хозяйство“¹⁾.

Разумѣется, и далѣе деревенскій кулакъ предпочтетъ такое примѣненіе для своихъ денегъ, которое обезпечиваетъ ему наибольшую прибыль. Не хуже своего западно-европейскаго прототипа онъ сумѣетъ подсчитать, гдѣ больше процентъ, и постарается занять позицію, которая ставитъ его въ наиболѣе выгодное положеніе по отношенію къ самостоятельному производителю, даетъ возможность всего болѣе присвоить себѣ чужого труда. Онъ и въ Россіи поэтому, какъ общее правило, перейдетъ въ торговлю и промышлен-

¹⁾ „Крестьянскіе бюджеты“, Воронежъ, 1900, стран. 234.

ность, и здѣсь земледѣліе останется для него побочнымъ или временнымъ промысломъ, либо фіговымъ листочкомъ для прикрытія сомнительныхъ операцій. Поэтому земледѣліе въ Россіи должно остаться трудовымъ крестьянскимъ промысломъ, и отъ раціонализаціи крестьянскаго хозяйства зависитъ не только прогрессъ сельско-хозяйственнаго производства, не только положеніе крестьянства, но, какъ мы старались доказать, положеніе всего трудового населенія. И первое условіе для раціонализаціи земледѣлія, условіе, безъ котораго всякія другія мѣропріятія останутся совершенно безплодными, это раціонализація землевладѣнія.

VIII.

Ни для кого не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что существующая теперь въ Россіи система крестьянскаго землепользованія, система приарендовыванія, собственности, соединенная со съемкой чужой земли, далѣе держаться не можетъ. Когда крестьянину-собственнику не хватасть своей земли, онъ не можетъ искать недостающихъ ему нѣсколькихъ десятинъ тамъ, гдѣ цѣна болѣе сходная, болѣе или менѣе точно отвѣчаетъ разницѣ въ плодородіи и т. п. условіямъ, устанавливающимъ общій уровень земельной ренты въ странѣ. Ему необходимо снять эти нѣсколько десятинъ по сосѣдству со своей собственной землей, и онъ долженъ платить за нихъ столько, сколько потребуютъ, почти совершенно независимо отъ нормальной высоты ренты. Для него создаются свои особенныя условія поземельной ренты, условія земельной кабалы и земельного ростовщичества. И выходъ изъ этого невозможнаго положенія можетъ быть тройкій. Либо крестьянинъ долженъ перейти къ болѣе интенсивной системѣ полеводства, при которой оказалась бы достаточной собственная его земля; либо онъ долженъ перестать быть собственникомъ и сдѣлаться только арендаторомъ, чтобы быть свободнымъ въ выборѣ нужной земли; либо онъ долженъ получить необходимую ему добавочную землю безъ уплаты ростовщической ренты, создаваемой безысходной крайностью. Первое представляется самымъ простымъ. Кто не знаетъ, что то, что у насъ считается малоземельемъ, на Западѣ почти повсюду почиталось бы чуть ли не многоземельемъ. Въ юго-западной Германіи для достаточнаго обезпеченія семьи и надлежащаго приложенія ея рабочей силы признается достаточнымъ, смотря по мѣстности, отъ 4 до 7,5 гектаровъ *на дворъ*, у насъ, по Янсону, для минимальнаго земельного обезпеченія одной полевой земли необходимо отъ 4,6 гектаровъ (4,25 дес.) въ черноземной полосѣ до 6,5 гектаровъ (6 дес.) въ нечерноземной, *на душу*. Количество земли, необходимое крестьянскому двору, очевидно, вполне зависитъ отъ принятой системы обработки: чѣмъ интенсивнѣе хозяйство, тѣмъ, конечно, меньшимъ участкомъ можетъ обойтись крестьянская семья. Что же приковываетъ русскаго крестьянина къ экстенсивной сис-

темъ? Что рождаетъ это относительное малоземелье, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаетъ нищету, зависимость отъ помѣщика и разореніе? Дѣйствительно ли экономическая необходимость, не зависящая отъ самого крестьянина, или просто невѣжество, инертность, непониманіе собственной пользы? И не правъ ли господинъ Лохтинъ и другіе благонамѣренные экономисты и агрономы (и прежде всего наше министерство земледѣлія), не сводится ли вся наша бѣда къ нашей культурной отсталости, и не напрасно ли зарятся крестьяне на чужую собственность, когда и своей земли могло бы быть предостаточно, если пользоваться ею съ разсудкомъ, — лучше ее обрабатывать? — Лучше обрабатывать землю, съ того же участка получать больше хлѣба, значить тратить на этотъ участокъ больше труда, либо капитала, или того и другого вмѣстѣ, другими словами, интенсифицировать хозяйство; иного способа для повышенія урожайности въ рукахъ человѣка нѣтъ. Но классическая политическая экономія давно выставила то основное положеніе, что, какъ общее правило, увеличенная затрата труда и капитала на тотъ же участокъ не сопровождается вполне соответственнымъ увеличеніемъ продукта; добавочный трудъ и добавочный капиталъ обыкновенно приносятъ меньше продуктовъ, чѣмъ первоначальныя затраты, сдѣланныя на тотъ же участокъ. Правда, въ послѣдующее время было указано множество случаевъ, когда интенсификація и различныя земельныя улучшенія не только не уменьшаютъ производительность труда, но, напротивъ, даютъ даже большій доходъ, чѣмъ первоначальныя затраты¹⁾. Но конечный результатъ этихъ перекрещивающихся факторовъ ясно опредѣляется наблюденіемъ, которое показываетъ, что въ покровительствѣ и защитѣ отъ иностранной конкуренціи нуждаются не тѣ страны, въ которыхъ земледѣліе, по степени интенсивности, стоитъ всего ниже, а напротивъ, тѣ, въ которыхъ оно ведется съ наибольшими затратами труда и капитала, что зерновое хозяйство сокращается не въ Америкѣ съ низкой урожайностью, а въ Англии, гдѣ интенсивность обработки и вмѣстѣ съ тѣмъ и сборъ зерна съ единицы площади особенно высоки. И вотъ почему, какъ справедливо замѣчаетъ Маршалъ, основная мысль, заключающаяся въ такъ называемомъ законѣ убывающаго плодородія, испоконъ вѣковъ являлась общимъ сознаниемъ всякаго хозяина-практика. Конечно, это не значитъ, чтобы законъ убывающаго плодородія имѣлъ то фатальное значеніе, которое ему придаетъ г. Булгаковъ. Пока хлѣбъ становится дешевле, а не дороже; „европейской цивилизаціи удалось отклонить отъ себя дѣйствіе закона убывающаго плодородія почвы, — отклонить посредствомъ путей сообщенія“²⁾. А потому по меньшей мѣрѣ нѣсколько преждевременно говорить, что „прошлое оставляетъ въ наслѣдіе будущему

¹⁾ См. сводку этихъ данныхъ у Diehl „Socialwissenschaftliche Erläuterungen zu Ricardo's Grundgesetzen der Volkswissenschaft“, В. II, 1905, pp. 218—232, 320—322 и др.

²⁾ С. Булгаковъ. „Капитализмъ и Земледѣліе“, 1900, т. I, стран. 20.

хлѣбный вопросъ, болѣе страшный и болѣе трудный, чѣмъ вопросъ социальный¹⁾. Не нашему, конечно, поколѣнію пугаться этихъ мальтузіанскихъ призраковъ. Но на ряду съ тѣмъ нельзя не считаться съ тѣмъ конкретнымъ указаніемъ современной жизни, что экстенсивное хозяйство относительно болѣе выгодно, чѣмъ хозяйство интенсивное, что увеличенныя затраты труда и капитала на ту же площадь съ цѣлью полученія большаго количества продукта экономически возможны и рациональны только при извѣстномъ повышеніи цѣнъ и потому не могутъ быть предприняты въ любой произвольный моментъ безъ соображенія съ состояніемъ цѣнъ.

И если мы примемъ это во вниманіе, тогда станетъ для насъ яснымъ, почему одно просвѣщеніе, одно знакомство съ улучшенными приѣмами хозяйства, съ системами интенсификаціи его и одна предприимчивость совершенно еще не достаточны для того, чтобы дѣйствительно можно и цѣлесообразно было перейти къ болѣе высокой культурѣ. Поймемъ, что дѣло не въ одной темнотѣ крестьянской, но и въ распредѣленіи земельной собственности, и согласимся, что для крестьянина можетъ быть расчетъ скорѣе платить ростовщическую ренту за сѣмную землю, чѣмъ перейти къ болѣе интенсивной обработкѣ своего собственнаго надѣла и тѣмъ избавиться отъ необходимости принимать чужую землю.

Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что въ данной мѣстности крестьянская земля даетъ 40 пуд. хлѣба съ десятины, а помѣщичья — 45, такъ что нормальная рента равняется 5 пуд. съ дес. Примемъ далѣе, что крестьянскій дворъ имѣетъ 5 дес. земли, на обработку которыхъ употребляется 200 рабочихъ дней, получая 200 пуд. хлѣба; допустимъ, что тотъ же дворъ арендуетъ 10 дес. помѣщичьей земли, съ которой собирается 450 пуд., тратя на нихъ 400 рабочихъ дней. При нормальной высотѣ ренты взятый дворъ долженъ уплачивать за снятыя 10 дес. 50 пуд., и общій доходъ двора при затратѣ 600 рабочихъ дней составитъ 600 пуд. Допустимъ, помѣщикъ вздумалъ повысить ренту въ полтора, въ два, наконецъ, въ три раза, вмѣсто 50 пуд. требуетъ 75, 100, 150 пуд. Можетъ ли крестьянинъ воспротивиться этому требованію и въ какомъ случаѣ? У крестьянина, разъ онъ остается на своей землѣ, выходъ одинъ: онъ можетъ перейти къ болѣе интенсивной системѣ. Примемъ, что при плодоперемѣнной системѣ онъ можетъ повысить сборъ со своихъ 5 дес. до 400 пуд., т.-е. удвоить урожайность, кладя, однако, при этомъ въ три раза больше труда, — другими словами, затрачивая на эти 5 дес. все свое рабочее время, 600 рабочихъ дней. Результатъ будетъ такой, что при нормальной рентѣ онъ, за вычетомъ ея, въ 600 рабочихъ дней получалъ доходъ въ 600 пуд.; теперь, перейдя къ болѣе совершенной системѣ обработки, онъ будетъ при томъ же трудѣ выручать только 400 пуд. Очевидно, онъ долженъ согласиться заплатить помѣщику не только

¹⁾ Тамъ же, т. II, стран. 455.

въ полтора, но и въ два или три раза больше противъ нормальныхъ размѣровъ ренты, даже въ четыре раза: все же ему останется при этомъ больше, чѣмъ въ томъ случаѣ, если онъ ограничится обработкой исключительно только собственной земли и перейдетъ къ плодоперемѣнному хозяйству. И только когда помѣщикъ потребуетъ въ пять разъ больше за землю, когда рента достигнетъ 25 пуд. съ дес. вмѣсто первоначальныхъ 5, только тогда будетъ расчетъ отказаться отъ аренды. Но отказъ этотъ будетъ все же означать уменьшеніе дохода двора съ первоначальныхъ 600 пуд. въ 600 рабочихъ дней до 400 пуд. Выравнять эту разницу въ денежномъ отношеніи можетъ только повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ въ полтора раза. Но для того, чтобы наступило такое повышеніе цѣнъ, необходимо, чтобы возросъ спросъ на хлѣбъ, чтобы этотъ увеличенный спросъ могъ быть удовлетворенъ только путемъ перехода къ менѣ плодороднымъ землямъ или къ болѣе интенсивной обработкѣ, и чтобы при этомъ затрата труда на полученіе того же количества хлѣба возросла именно въ полтора раза, а не менѣе. Пока же эти многочисленныя условія не осуществляются, нашъ крестьянинъ долженъ оставаться безропотнымъ данникомъ помѣщика.

Итакъ, рекомендовать интенсификацію, когда хлѣбныя цѣны покрываютъ только издержки экстенсивной обработки, когда помѣщичье хозяйство ведется по той же экстенсивной системѣ, значило бы обрекать крестьянство еще на большее разореніе. Разумѣется, и при неизмѣняющемся уровнѣ цѣнъ возможенъ прогрессъ хозяйства, и возможенъ въ весьма широкихъ размѣрахъ, — прогрессъ не въ смыслѣ увеличенія урожайности, а въ смыслѣ сокращенія труда, затрачиваемаго на полученіе даннаго сбора. Не приходится говорить, какъ велика, какъ плодотворна задача, предстоящая практической агрономіи въ этомъ направленіи. Но для успѣшнаго разрѣшенія ея необходимо прежде всего, чтобы освобождающіяся рабочія силы могли найти себѣ выгодное примѣненіе, чтобы онѣ не сбивали своей конкуренціей цѣны на трудъ въ городахъ, въ погонѣ за землей не поднимали безмѣрно арендную плату. При существующихъ земельныхъ отношеніяхъ рационализація крестьянскаго хозяйства, увеличивая предложеніе труда и спросъ на землю, очевидно, только усилила бы кабалу и земельную, и фабричную.

Другой исходъ изъ невозможнаго болѣе положенія, — это, какъ было указано, продать свою землю и стать только арендаторомъ. Тогда не придется платить ростовщическую ренту.

Исторія знаетъ такіе примѣры. Такъ было въ Англіи въ концѣ XVIII стол., и этимъ въ большой степени объясняется исчезновеніе тамъ класса самостоятельныхъ крестьянъ.

„Когда мелкіе земельные собственники, — пишетъ объ Англіи начала прошлаго вѣка Альбертъ Таеръ, — стали замѣчать, что арендаторы большого хозяйства значительно лучше поставлены и больше зарабатываютъ,

чѣмъ они, они стали довольно часто продавать свою землю, чтобы на вырученные деньги начать новое хозяйство уже въ качествѣ арендаторовъ. Они легко находили покупателей въ лицѣ сосѣднихъ помѣщиковъ и другихъ богатыхъ людей, которые скупали по нѣскольکو такихъ мелкихъ участковъ и соединяли ихъ потомъ въ одну значительную ферму. Въ этомъ причина, почему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ классъ юменовъ или настоящихъ крестьянъ почти совершенно исчезъ, и мы находимъ тамъ только фермеровъ и коттеровъ¹⁾.

Но, очевидно, что было возможно при развитіи крупнаго капиталистическаго земледѣлія, то невозможно тамъ, гдѣ господствуетъ и гдѣ должно сохраниться трудовое мелкое производство. Здѣсь тенденція какъ разъ обратная. Не крестьянская земля переходитъ къ помѣщику, а помѣщичья на тѣхъ или другихъ условіяхъ, раньше или позже переходитъ къ крестьянству. Самый яркій примѣръ тому — Ирландія. Не экономическая необходимость, а одно насиліе, одно порабощеніе народа народомъ привело въ ней къ господству крупной собственности при преобладаніи мелкаго земледѣлія, но все же, хотя и путемъ долгой и тяжелой борьбы, экономическія условія взяли верхъ и привели къ переходу отъ чистаго фермерства къ постепенному выкупу земли въ собственность. И если таковъ былъ неизбежный процессъ даже при существованіи чистой аренды, то тѣмъ менѣе можно говорить о переходѣ къ чистой арендѣ тамъ, гдѣ преобладаетъ мелкое хозяйство на собственной землѣ. Поэтому выходъ изъ современной земельной кабалы можетъ быть только одинъ: разъ интенсификація хозяйства невозможна, разъ крестьянинъ наличной своей землей при существующемъ строѣ хозяйства обойтись не можетъ, онъ на тѣхъ или другихъ началахъ долженъ получить недостающую ему землю, чтобы больше не платить ростовщической ренты.

Но на какихъ началахъ крестьянинъ можетъ, на какихъ началахъ долженъ, въ интересахъ своихъ и всей страны, получить эту нужную ему землю? Должна ли то быть неограниченная личная собственность, право свободно распоряжаться, отчуждать, сдавать и завѣщать по своему усмотрѣнію? Или какая-нибудь другая форма землевладѣнія, землевладѣніе общественное? Французская революція рѣшила этотъ вопросъ въ пользу индивидуализма съ неограниченнымъ раздѣломъ земли между сонаслѣдниками. Какъ извѣстно, это повело къ чрезмѣрному дробленію, къ парцелляціи, которое признается однимъ изъ главныхъ недуговъ французскаго аграрнаго строя. Конечно, парцелляція не повсюду представляетъ серьезное зло; виноградарство, разведеніе тутовыхъ деревьевъ, садоводство, огородничество и многія другія спеціальныя культуры безъ ущерба допускаютъ весьма мелкіе размеры хозяйства, но при хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ, въ сѣвер-

¹⁾ См. указанную статью Леви въ Conrad's „Jahrbücher für Nationalökonomie“ 1903, авг., стран. 151.

ныхъ департаментахъ Франціи, очень мелкія хозяйства безспорно представляютъ весьма крупныя неудобства¹⁾. Къ тѣмъ же неизбежнымъ результатамъ привелъ индивидуализмъ и свободный раздѣлъ въ Бельгіи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тюрингіи, Бадена, Гессена, Вюртемберга.

Но въ чемъ зло парцелляціи? Конрадъ отвѣчаетъ на это: зло въ томъ, что парцелляція легко ведетъ къ нераціональной обработкѣ земли, потому что сыновья, унаслѣдовавъ каждый значительно уменьшенный участокъ, склонны тѣмъ не менѣе сохранять способъ обработки, примѣнявшійся при отцѣ, и держать плугъ тамъ, гдѣ для него не можетъ больше быть достаточнаго примѣненія²⁾. Другими словами, зло въ томъ, что дѣти не переходятъ къ огородническому воздѣлыванію злаковъ и по инертности продолжаютъ прежнюю экстенсивную систему, возможную только при болѣе значительныхъ размѣрахъ хозяйства. И несомнѣнно, не только въ Россіи, но и во Франціи и Бельгіи существуетъ еще широкій просторъ для интенсификаціи. Несомнѣнно, и тамъ малоземелье парцеллярнаго крестьянина — малоземелье относительное: при болѣешей затратѣ труда и капитала тотъ же карликовый участокъ могъ бы вполне прокормить семью крестьянина и занять въ должной степени ея рабочія силы. Но какъ и въ Россіи, интенсификація, возможная технически, является убыточной экономически и потому фактически непримѣнима. Она разорительна потому, что у другихъ хозяевъ земли относительно много, что позволяетъ имъ вести обработку по экстенсивной, относительно болѣе выгодной системѣ, и снабжать страну хлѣбомъ по такой цѣнѣ, которая не покрываетъ издержекъ болѣе интенсивной обработки. И не по косности и незнанію, а исключительно вслѣдствіе экономической необходимости считаться съ рыночными цѣнами, иначе говоря, съ положеніемъ своихъ сосѣдей, парцеллярный крестьянинъ не можетъ перейти къ огородной обработкѣ и долженъ остаться при той системѣ, которая завѣщана ему отцомъ и принята въ данномъ хозяйственномъ районѣ. Но его собственный участокъ не допускаетъ болѣе экстенсивнаго хозяйства; поэтому онъ долженъ расширить размѣры своего хозяйства, принаять земли по сосѣдству. Такъ, въ Бельгіи, по переписи 1880 г., изъ общаго числа карликовыхъ хозяйствъ размѣромъ отъ одного до двухъ гектаровъ только 22 тыс. велись исключительно на собственной земли, около 40 тыс. исключительно на арендованной землѣ, и почти 54 тыс. хозяйствъ на ряду съ собственной землей приарендовывали чужую, при чемъ 37 тыс. больше снимали, чѣмъ имѣли собственной земли. И само собой разумѣется, что приарендовывая землю, крестьянинъ-собственникъ переплачиваетъ, и сильно переплачиваетъ, противъ того, сколько

1) Левитскій, 1. с., стран. 241. Reitzenstein und Nasse, „Agrarische Zustände in Frankreich und England“, Leipzig, 1884, стран. 15.

2) „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“, 2 изд., т. II, стран. 967.

онъ далъ бы, еслибы онъ не былъ связанъ мѣстомъ, не долженъ былъ снимать по сосѣдству съ собственной землей. И вотъ почему статистика обнаруживаетъ такую яркую тенденцію къ переходу отъ смѣшанныхъ системъ аренды и собственности къ чистымъ системамъ либо аренды, либо одной собственности. Такъ, во Франціи съ 1862 г. до 1892 г. число собственниковъ, въ то же время арендующихъ чужую землю за деньги, уменьшилось на 25%, число собственниковъ, снимающихъ чужую землю исполу, уменьшилось на 39%, собственниковъ, занимающихся наемнымъ сельскимъ трудомъ, на 48%; напротивъ, число собственниковъ, обрабатывающихъ только собственную землю, увеличилось на 17%, число фермеровъ, не имѣющихъ собственной земли возросло на 35%. Итакъ парцелляція не была бы зломъ, если бы у всѣхъ было одинаково мало земли, потому что тогда возможно было бы перейти къ болѣе интенсивной обработкѣ. Она становится зломъ потому, что она существуетъ на ряду съ относительнымъ многоземельемъ, — потому, что не для всѣхъ въ одинаковой степени назрѣла необходимость болѣе интенсивной обработки. Другими словами, причина зла не малоземелье, а неравномѣрное распредѣленіе земли.

Но индивидуализмъ въ землевладѣніи и свободный раздѣлъ неизбежно должны привести къ неравенству, слѣдов., къ относительному малоземелью, къ необходимости приарендовывать землю, къ земельной кабалѣ. И для того ли борется теперь народъ, чтобы черезъ нѣкоторое время опять прійти къ той же мертвой точкѣ? Можетъ ли пойти развитіе аграрныхъ отношеній въ Россіи по такому пути, который оказался столь явно несостоятельнымъ во Франціи и Бельгіи?

Парцелляція является тѣмъ болѣе убыточной, чѣмъ болѣе въ сельскомъ хозяйствѣ преобладаетъ чистое хлѣбопашество. Поэтому въ земледѣльческихъ районахъ Германіи, для предупрежденія чрезмернаго раздробленія участковъ, выработалась система недѣлимости дворовъ, перехода ихъ въ полномъ составѣ къ одному изъ сонаслѣдниковъ — *Anerbenrecht*. Чтобы не обездолжить окончательно сонаслѣдниковъ, имъ выдается денежный выдѣлъ. Готовыхъ средствъ для такого выдѣла у принимающаго дворъ наслѣдника, естественно, обыкновенно не бываетъ, и новое хозяйство начинается съ новаго заклада земли, съ новой ипотеки. Едва успѣетъ крестьянинъ съ громадными пожертвованіями, всячески урѣзывая свои личные расходы и расходы по хозяйству, погасить часть долга, обременяющаго дворъ, какъ смерть его и новая смѣна хозяина, новый выдѣлъ ведетъ къ новымъ займамъ, и такъ громоздятся закладныя на закладныя, пока онѣ не поглотятъ всю рыночную стоимость двора, и гроббауэръ, такой внушительной фигурой выступающій въ сельско-хозяйственныхъ отчетахъ и статистическихъ сводкахъ, не станетъ въ дѣйствительности бесплатнымъ приказчикомъ истиннаго собственника двора — владѣльца закладной, банка или ростовщика. Такова почти неизбежная судьба предпочтеннаго сонаслѣдника,

остающагося на отцовской землѣ и получающаго вмѣстѣ съ ней прогрессивно растущій долгъ. Каково положеніе выдѣленныхъ сонаслѣдниковъ? Этотъ вопросъ нѣсколько освѣщаетъ изслѣдованіе, предпринятое въ 1897 г. въ Вестфалии: 39% выдѣленныхъ на малыхъ дворахъ (до 7,5 гект.) и 47% на болѣе крупныхъ дворахъ (св. 7,5 гект.) обзаводятся собственной землей, становятся самостоятельными землевладѣльцами. Но, естественно, деньги, полученные при выдѣлѣ, рѣдко бываютъ достаточны для покупки новаго двора, и земля покупается больше въ кредитъ, и новые собственники увеличиваютъ собою ряды безнадежно задолженныхъ хозяйствъ, находящихся въ безысходной зависимости отъ милости и усмотрѣнія заимодавца. 25% выдѣленныхъ на малыхъ дворахъ поступаютъ въ наемные рабочіе, на двѣ трети уходя въ города. Но они уходятъ въ городъ не потому, что тамъ возросъ спросъ на трудъ, что тамъ ощущается недостатокъ въ рабочихъ. Они идутъ туда только потому, что имъ некуда дѣваться. И понятно, такой случайный приливъ рабочихъ, не вызываемый запросами промышленности и мало считающійся съ состояніемъ рабочаго рынка, необходимо долженъ понижающе дѣйствовать на уровень заработной платы. Часть, наконецъ, остается на отцовской землѣ, но не въ качествѣ совладѣльцевъ, а въ качествѣ батраковъ собственнаго брата, хотя подчасъ они въ то же время состоятъ и кредиторами его. Такимъ образомъ, на ряду съ полнымъ извращеніемъ взаимныхъ отношеній въ крестьянской семьѣ — достаточно вспомнить нѣкоторые изъ деревенскихъ разсказовъ Ауэрбаха — система крестьянскаго единонаслѣдія, примѣняя къ трудовому хозяйству принципы капиталистическаго дохода и денежнаго выдѣла, искусственно ставитъ мелкое земледѣліе въ такую зависимость отъ капитала, которая совершенно не требуется условіями производства. Средство, которымъ хотѣли бороться противъ зла парцелляціи, оказывается еще большимъ зломъ, чѣмъ сама парцелляція.

Правда, литература выдвинула цѣлый рядъ проектовъ для предупрежденія печальныхъ послѣдствій системы недѣлимости. Предлагаютъ установить нормы задолжаемости дворовъ, ввести неотчуждаемость хозяйствъ въ извѣстномъ минимальномъ составѣ ихъ — въ родѣ американскихъ гомстедовъ, — запретить частный поземельный кредитъ и сдѣлать его монополіей государства и корпорацій, замѣнить свободную ренту судебной нормировкой арендныхъ цѣнъ, чтобы тѣмъ сдѣлать землю болѣе доступной для выдѣляемыхъ дѣтей, и т. д., и т. д. Но вся эта пестрая сѣть заплатъ является только новымъ яркимъ доказательствомъ, какъ обветшала самая основа — индивидуалистическій строй землевладѣнія. Отъ индивидуализма, неограниченной свободы завѣщанія, отчужденія, заклада, сдачи и вообще распоряженія своей собственностью по своему усмотрѣнію, за всѣми этими поправками остается лишь одно воспоминаніе. Но если обветшалъ индивидуализмъ въ земледѣліи, на смѣну его долженъ быть поставленъ не мелочной полицейскій

регламентъ, а общій принципъ, столь же мощный и столь же всеобъемлющій, какимъ въ свое время и въ соотвѣтствующихъ областяхъ хозяйственной жизни являлся индивидуализмъ. Такимъ новымъ началомъ можетъ быть, конечно, только коллективизмъ. Въ рѣшительные историческіе моменты робкія полумѣры часто утопичнѣе самыхъ широкихъ плановъ, потому что полумѣры въ лучшемъ случаѣ только залѣчиваютъ, но не излѣчиваютъ и потому неизбежно ведутъ къ новому кризису.

Аграрная реформа, проведенная въ Россіи на началахъ индивидуалистической собственности, по необходимости, въ силу самаго принципа своего, можетъ быть только реформой частичной. Крестьяне получаютъ „отрѣзки“, „прирѣзки“, добавочные надѣлы, допустимъ даже, въ размѣрахъ, вполне отвѣчающихъ нуждамъ даннаго момента. Но пройдетъ поколѣніе, и приростъ населенія при существующей системѣ хозяйства сдѣлаетъ недостаточными и эти увеличенные надѣлы. Необходимо будетъ перейти къ болѣе интенсивной системѣ. Но у помѣщиковъ за всѣми отрѣзками можетъ еще сохраниться достаточно земли, чтобы остаться при старомъ строѣ хозяйства и попрежнему снабжать рынокъ дешевымъ хлѣбомъ, по цѣнѣ, которая не окупаетъ интенсивной обработки. И опять самый естественный исходъ изъ земельной тѣсноты окажется закрытымъ для крестьянства, потому что тѣснота эта будетъ испытываться только ими, но не сосѣдними помѣщиками, и опять земледѣльческое населеніе будетъ вынуждено оставаться при экстенсивной системѣ, опять за недостаткомъ своей земли должно будетъ принимать землю по сосѣдству и опять платить за нее все, къ чему можетъ принудить крайняя нужда. И опять начнутся „земельныя недоразумѣнія“, опять репрессіи и т. п. знакомыя вещи. И что же тогда? Опять „ромашка“, опять прирѣзки, нормировка арендныхъ цѣнъ, расширение дѣятельности крестьянскаго банка?... Или, быть можетъ, это все пустые страхи, быть можетъ, тогда переходъ къ болѣе интенсивной системѣ будетъ возможенъ, и сосѣдство помѣщичьяго многоземелья не будетъ тормазить развитіе хозяйства на крестьянскихъ земляхъ? Но если такъ, то почему же считать невозможнымъ переходъ къ интенсивному хозяйству теперь? Вѣдь, либо интенсивное хозяйство можетъ ужиться бокъ-о-бокъ съ экстенсивнымъ, и крестьянское хозяйство въ состояніи подчинить своему строю помѣщичье и установить такъ цѣны на рынокѣ, чтобы интенсивное земледѣліе стало выгоднымъ для всѣхъ, и тогда, какъ было сказано, не нужно никакихъ земельныхъ реформъ, не только широкихъ, но и „прирѣзокъ“ и „отрѣзокъ“, а нужно исключительно благожелательное начальство, — по назначенію или свободно избранное, не въ этомъ суть, — которое просвѣщало бы крестьянъ, — либо же интенсификація экономически возможна только тогда, когда она становится необходимой одинаково для всѣхъ хозяйствъ даннаго хозяйственнаго района, тогда полумѣры не помогутъ и только увѣковѣчатъ земельные и политическіе недуги страны, тогда необходима настоящая

реформа, которая обеспечила бы болѣе или менѣе равномерное распределеіе земли между всѣми земледѣльческими предпріятіями района. Теоретическое рѣшеніе этого вопроса внѣ всякаго сомнѣнія. Зависимость хозяйства отъ хозяйства въ земледѣліи почти азбучная истина политической экономіи. Система хозяйства въ предѣлахъ района можетъ быть только болѣе или менѣе одна. Это давно, еще въ 20-хъ годахъ, съ неопровержимой убѣдительностью доказано Тюненомъ. Поэтому свободное, прогрессивное развитіе трудового крестьянскаго хозяйства возможно только при болѣе или менѣе равномерномъ распределеіи земельной собственности, а обеспечить такое распределеіе можетъ только отмѣна всякой индивидуализаціи въ землевладѣніи, только обобществленіе земли и предоставленіе ея тѣмъ, кто ее обрабатываетъ или желаетъ ее обрабатывать, до тѣхъ поръ пока они ее обрабатываютъ, и въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ они ее обрабатываютъ.

IX.

Обобществленіе земли все болѣе становится общей тенденціей экономическаго развитія всѣхъ странъ, но оно можетъ имѣть различныя цѣли, принимать различныя формы и соотвѣтственно тому представлять разную степень настоятельности въ разныхъ странахъ. Индивидуализмъ въ землевладѣніи всегда сопряженъ съ большимъ или меньшимъ ущербомъ для народныхъ интересовъ, то въ смыслѣ распределеія, то по своему отрицательному вліянію на производительность труда въ сельскомъ хозяйствѣ. Онъ подчинилъ себѣ земельныя отношенія и обратилъ землю въ товаръ, подобный продуктамъ труда, въ предметъ купли-продажи, исключительнаго владѣнія и личнаго распоряженія, не въ силу непосредственныхъ требованій самого земледѣлія, а главнѣйшимъ образомъ подъ вліяніемъ того грандіознаго подъема производительности труда, который принесла частно-хозяйственная организація труда въ промышленности и торговлѣ. Ожидали, что и въ земледѣліи личная предпримчивость, свобода безконтрольнаго распоряженія орудіями производства, импульсъ, создаваемый прибавочной стоимостью, принесутъ тѣ же сказочные плоды. Но ожиданія не сбылись. Энергія чело-вѣка столкнулась съ особенностями сельско-хозяйственнаго производства и направилась въ тѣ сферы труда, гдѣ ей не приходилось считаться съ такимъ трудно преборимымъ препятствіемъ. Только въ Англіи крупное землевладѣніе временно привлекло къ землѣ крупные капиталы, оплачивая ихъ прибыль искусственнымъ повышеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ за счетъ всего народа. Отмѣна хлѣбныхъ законовъ довольно скоро положила конецъ меліораціямъ лендлордовъ; крупная собственность утратила всякую тѣнь разумнаго общественнаго строя и явилась въ своемъ чистомъ видѣ, какъ ничѣмъ не оправдываемое обогащеніе на счетъ народа, нисколько не содѣйствующее прогрессу земледѣлія, нерѣдко тормозящее его.

И еще до отмѣны пошлинъ Рикардо, весьма далекой отъ критики существующаго склада имущественныхъ отношеній, долженъ былъ признать, что „въ интересѣ землевладѣльца увеличеніе издержекъ производства“ (Сочиненія, р. пер., стран. 213), что „всякія улучшенія въ земледѣліи, дѣлающія хлѣбъ дешевле, идутъ въ разрѣзъ съ выгодами землевладѣльца, понижая его ренту“ (стран. 423), что вслѣдствіе того „выгода землевладѣльца всегда находится въ прямой противоположности съ выгодами каждаго другого класса общества“ (стран. 413). Онъ вполне соглашается съ Сисмонди и Бухананомъ, что рента не представляетъ никакого увеличенія національнаго богатства, а есть лишь трансфертъ цѣнности, „выгодный единственно для землевладѣльцевъ и соотвѣтственно этому вредный для потребителя“ (стран. 258). Такимъ образомъ, въ самый расцвѣтъ индивидуализма одинъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ его въ сущности констатируетъ, что въ землевладѣніи индивидуализмъ даетъ только отрицательные результаты. Выводъ отсюда былъ ясенъ, хотя Рикардо его и не дѣлаетъ. Если рента, поступающая въ пользу землевладѣльца, не въ состояніи даже побудить къ улучшеніямъ въ технику производства и скорѣе служить преміей за регрессъ и удорожаніе продукта, то, очевидно, нѣтъ никакихъ основаній оставлять ренту въ рукахъ землевладѣльцевъ, и она, въ той или другой формѣ, но должна быть возвращена народу въ его цѣломъ, такъ какъ онъ своимъ трудомъ создаетъ ее — она является вычетомъ изъ продукта народнаго производства. Не ставя себѣ такого вопроса, Рикардо, однако, при анализѣ различныхъ видовъ обложенія отмѣчаетъ, что „налогъ на ренту оказывалъ бы дѣйствіе только на ренту; онъ упалъ бы всецѣло на землевладѣльца, и его нельзя было бы переложить ни на какой бы то ни было классъ потребителей“ (стран. 102). И отсюда, конечно, ужъ нетрудно было прійти къ мысли о такомъ обложеніи ренты, которое вернуло бы народу весь незаслуженный ничѣмъ доходъ землевладѣльца, къ націонализаціи поземельной ренты. Мысль эта подсказывалась еще болѣе самой жизнью, вопіющими аномаліями земельного строя Англіи и въ особенности Шотландіи и Ирландіи, при которомъ 1758 собственниковъ держатъ въ своихъ рукахъ почти всю земельную площадь Шотландіи — 92,6% всѣхъ земель ея, 3722 лица владѣютъ слишкомъ тремя четвертями всей Ирландіи (77,5% земельной площади ея), 4736 собственниковъ въ совокупности располагаютъ слишкомъ половиной (56,7%) территоріи Англіи.

Движеніе въ пользу націонализаціи ренты и націонализаціи земли стало широкимъ теченіемъ и въ литературѣ, и въ жизни. Но при этомъ даже возвращеніе самой земли народу представляютъ себѣ не иначе, какъ въ такомъ видѣ, что всякій пользующійся землею будетъ попрежнему уплачивать ренту, только не частному собственнику, а государству. Выгода отъ реформы должна принадлежать не сельскому хозяину, будь то хоть трудовой земледѣлецъ, а исключительно и всецѣло народу въ его совокупности, черезъ

посредство государственной казны. Такъ проектировали реформу даже самые вліятельные и радикальные ея сторонники — чартисты, несмотря на то, что они стремились не только вернуть народу доходъ, безъ всякаго основанія узурпированный землевладѣльческой олигархіей, но и сдѣлать землю доступной для всѣхъ. Четвертый пунктъ резолюціи Лиги реформъ гласитъ:

„Постепенное возстановленіе государствомъ (на началахъ справедливаго вознагражденія теперешнихъ владѣльцевъ или ихъ наслѣдниковъ) его исконнаго, неоспоримаго и неотчуждаемаго верховенства и исключительной собственности на всѣ земли, рудники, торфяники, рыбныя ловли и т. п. Соединеннаго Королевства и нашихъ колоній; эти блага должны состоять во владѣніи государства, какъ постояннаго довѣреннаго всего народа, и должны сдаваться тѣмъ, въ такихъ размѣрахъ и на такихъ условіяхъ, какъ то будетъ опредѣлено закономъ и мѣстными условіями, — потому что земля, будучи даромъ Создателя *всѣмъ*, никогда не можетъ стать исключительной собственностью отдѣльныхъ личностей; потому что монополизациа земли въ частныхъ рукахъ есть грубое нарушеніе правъ обдѣленныхъ, дѣлающее ихъ въ той или другой степени рабами землевладѣльцевъ и капиталистовъ и ведущее къ ограниченію или уничтоженію другихъ ихъ правъ и ихъ свободы; потому что присвоеніе земли частью населенія такъ же мало можетъ быть оправдываемо, какъ если бы въ исключительную частную собственность былъ обращенъ воздухъ, свѣтъ, тепло, вода; и потому что доходъ отъ земли (который законно принадлежитъ всему народу) образовалъ бы національный фондъ, достаточный для покрытія всѣхъ расходовъ по общественной службѣ, для исполненія всѣхъ нужныхъ общественныхъ работъ и для того, чтобы дать образованіе населенію, и сдѣлалъ бы ненужными какіе-либо налоги“.

Въ комментаріи О'Бріена поясняется, что земля должна сдаваться тѣмъ, кто согласится платить наибольшую ренту государству съ тѣмъ, однако, чтобы никто не держалъ больше одной фермы или болѣе того, что онъ можетъ обработать собственнымъ трудомъ въ то время, какъ для другихъ не хватило бы и меньшихъ участковъ. „Вмѣстѣ съ тѣмъ, — прибавляетъ онъ, — само собою разумѣется, что мы должны принять мѣры и противъ чрезмѣрнаго дробленія земли“ (стран. 129). Такимъ образомъ, хотя за каждымъ признается такое же право на землю, какъ на воздухъ, на свѣтъ, на воду, однако, пользованіе землей облагается рентой; земля предоставляется тому, кто больше за нее дастъ, съ нѣкоторыми только преимуществами — и то лишь при недостаткѣ земли, — въ пользу трудового земледѣлія. Это странное принципиальное противорѣчіе объясняется, впрочемъ, очень просто. Трудовое земледѣліе надо было еще создавать. Фактически пока почти три четверти сельско-хозяйственной площади Англіи было занято фермами вполне капиталистическаго характера съ широкимъ примѣненіемъ батраческаго труда. Населеніе прекрасно сознавало, что при такомъ строѣ земледѣлія отмѣна всякой поземельной ренты и безвозмездное пре-

доставленіе земли тѣмъ, кто ею пользуется, имѣло бы своимъ послѣдствіемъ лишь то, что, выражаясь словами Рикардо (стран. 34), „нѣкоторые фермеры стали бы жить господами“, но народъ отъ этого ничего бы не выигралъ. Естественно, что рабочіе считали совершенно излишнимъ бороться для того, чтобы еще болѣе обогащать фермеровъ-предпринимателей, и потому требовали, чтобы рента и при новомъ строѣ взималась болѣе или менѣе на прежнихъ основаніяхъ, только рента должна поступать въ пользу всего народа.

Какъ извѣстно, экспропріація поземельной собственности составляетъ первый пунктъ ближайшей практической программы, выставленной Коммунистическимъ Манифестомъ, который былъ написанъ около того же времени, въ началѣ 1848 г. И понятно, что признавая англійскій строй земледѣлія тѣмъ типомъ, къ которому экономическая эволюція должна раньше или позже привести сельское хозяйство во всѣхъ странахъ, считая, что повсюду трудовое земледѣльческое хозяйство должно уступить мѣсто капиталистическому, и что только капиталистическое земледѣліе можетъ явиться основой для развитія общественнаго производства въ земледѣліи, — Манифестъ, подобно программамъ чартистовъ, требуетъ обращенія земельной ренты въ пользу государства и, очевидно, ни въ какой мѣрѣ не предполагаетъ предоставить ее самимъ земледѣльцамъ. При такой постановкѣ земельной реформы, какъ ее выдвигали чартисты или Коммунистическій Манифестъ, земледѣльческое населеніе непосредственно въ сущности ничего не выигрываетъ, да и не имѣется въ виду предоставлять ему какія-либо преимущества, такъ какъ при капиталистическомъ земледѣліи это значило бы обогащать богатыхъ. Исходъ реформы и ея непосредственное значеніе для трудового населенія опредѣляется при этомъ двумя условіями: на какихъ основаніяхъ будетъ произведена экспропріація частной земельной собственности, и на что употребитъ государство земельную ренту, которая будетъ теперь поступать въ казну. Резолюція чартистовъ говоритъ о „справедливомъ вознагражденіи владѣльцевъ или ихъ наслѣдниковъ“, но тогда весь вопросъ въ томъ, что считать въ данномъ случаѣ справедливымъ. При повышающейся земельной рентѣ, какъ было въ сороковыхъ годахъ, всякое вознагражденіе (разумеется, если оно не исходитъ изъ уровня ростовщической арендной платы) являлось бы болѣе или менѣе выгоднымъ для государства. Но если рента проявляетъ тенденцію къ пониженію, какъ въ настоящее время, вознагражденіе, исходящее изъ существующаго уровня ренты, можетъ, пожалуй, подъ революціоннымъ флагомъ „экспропріація частной земельной собственности“ провести новое обогащеніе землевладѣльцевъ за счетъ народа. Въ Манифестѣ дѣло поставлено вполне опредѣленно: онъ говоритъ о конфискаціи земельной ренты. Однако, въ послѣдствіи, въ 1894 г., Энгельсъ въ статьѣ „Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи“ (стран. 44 рус. пер.) заявилъ, что „мы однудь не считаемъ недо-

пустимымъ выкупъ“. „Марксъ, — прибавляетъ онъ, — высказывалъ мнѣ не разъ свое мнѣніе, что дѣло обошлось бы дешевле всего, если бы мы могли откупиться отъ всей этой банды“. Такимъ образомъ опять выдвигается вопросъ о выкупѣ или вознагражденіи, и рѣшеніе его, очевидно, будетъ зависѣть отъ соотношенія силъ или, говоря иначе, отъ того, въ какой мѣрѣ правительство будетъ являться истиннымъ представителемъ интересовъ трудящихся классовъ. Тѣмъ же опредѣляется и разрѣшеніе второго вопроса — объ употребленіи новыхъ ресурсовъ: пойдутъ ли они на нужды всего населенія, или будутъ использованы для того только, чтобы отмѣнить другіе налоги и тѣмъ создать для капиталистовъ свободу отъ обложенія. Выдвигается, кромѣ того, еще и третій вопросъ: не превратится ли распоряженіе землей въ рукахъ правительства въ могущественное средство порабощенія народа, поставивъ отъ него въ сильнѣйшую зависимость все земледѣльческое населеніе страны? Вотъ основныя опасенія, которыя рождала и до сихъ поръ рождаетъ націонализація земли и націонализація ренты въ той постановкѣ, которое ей придаетъ преобладаніе въ странѣ крупнаго, капиталистическаго земледѣлія.

„Націонализація, — пишетъ чартистъ Ловеттъ¹⁾. — или предоставленіе государству собственности на землю, какъ то предлагается многими, повлекло бы, по моему мнѣнію, чрезвычайно вредныя послѣдствія. Теперешніе собственники не могутъ быть законно устранены безъ справедливаго вознагражденія, а это вызоветъ колоссальное увеличеніе нашего долга. Далѣе, государство можетъ быть только небрежнымъ землевладѣльцемъ, въ то же время громадныя доходы, сила и вліяніе, которыя ему доставитъ земля, сдѣлаютъ его независимымъ отъ народа и создадутъ армію управляющихъ, сборщиковъ и другихъ чиновниковъ, которая будетъ еще болѣе усиливать его власть. Если будетъ примѣненъ общинный принципъ въ томъ смыслѣ, что земля будетъ принадлежать общинамъ и находиться въ исключительномъ ихъ распоряженіи, это сведетъ то же зло только къ меньшему масштабу, и, все, что мы знаемъ до сихъ поръ о дѣятельности муниципальных и приходскихъ управленій въ менѣ важныхъ дѣлахъ, не даетъ основанія предсказывать успѣшное развитіе общиннаго управленія въ этой новой области“.

И то, что говорится теперь противъ націонализаціи въ социаль-демократической литературѣ, въ сущности, по крайней мѣрѣ въ своей практической части, сводится къ тѣмъ же опасеніямъ, которыя выдвигались въ эпоху чартизма противниками социализма, какъ Ловеттъ. Во-первыхъ, выкупъ можетъ быть экономически невыгоденъ для народа. Если бы, указываетъ Каутскій, буржуазнымъ приверженцамъ земельной реформы въ родѣ Генри Джорджа „удалось въ концѣ семидесятихъ годовъ провести обобществленіе земли въ

1) „The Life and Struggles of William Lovett in his pursuit of bread, knowledge and freedom“, Lond., 1876, стран. 428.

Англии, никто бы не получилъ отъ этого большей выгоды, чѣмъ сами экспроприированные землевладѣльцы. Они беззаботно проживали бы проценты съ уплаченнаго имъ государствомъ капитала, а на государство упало бы все пониженіе поземельной ренты, въ 30 и болѣе процентовъ, отъ котораго теперь терпятъ землевладѣльцы“ („Die Agrarfrage“, стран., 327). Во-вторыхъ, современное классовое государство, какъ хозяинъ, внушаетъ очень мало довѣрія и не могло бы содѣйствовать прогрессу производства. Въ-третьихъ, „увеличивать экономическія средства современнаго государства значитъ увеличить для него возможность еще большаго угнетенія угнетенныхъ классовъ“ (стран. 328). „Поэтому тамъ, гдѣ пролетаріатъ не играетъ руководящей роли, социаль-демократія не имѣетъ никакого основанія безъ необходимости ратовать за расширеніе государственнаго хозяйства и государственной собственности“ (стран. 328). Этой необходимости въ земледѣліи не существуетъ, потому что концентрація производства въ сельскомъ хозяйствѣ еще не достигла такой высоты, чтобы требовалось обобществленіе его государствомъ. Точно также „нельзя еще и думать о передовомъ сельскомъ хозяйствѣ, которое велось бы сельскими общинами, о совмѣстномъ веденіи хозяйства всей общиной на кооперативныхъ началахъ и въ крупныхъ размѣрахъ. Даже въ городахъ попытки производительныхъ кооперацій лишь рѣдко имѣютъ успѣхъ, для успѣха же кооперативнаго производства въ рукахъ крестьянъ и въ большомъ масштабѣ нѣтъ на лицо ни одного изъ необходимыхъ для того условій, нѣтъ ни необходимыхъ духовныхъ силъ, ни необходимой дисциплинированности, ни необходимыхъ денежныхъ средствъ“ (стран. 338). Поэтому и въ предѣлахъ отдѣльныхъ сельскихъ общинъ обобществленіе земли не можетъ еще быть выставлено какъ общее требованіе; можно стремиться только къ муниципализаціи земли въ городахъ, гдѣ сознательный городской пролетаріатъ при существованіи демократическаго строя мѣстнаго самоуправления сумѣетъ обезпечить надлежащее употребленіе ренты въ интересахъ всего населенія. И въ силу всѣхъ этихъ соображеній обобществленіе земельной собственности, занимавшее еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ видное мѣсто въ резолюціяхъ „Интернаціонала“, постепенно совершенно исчезаетъ изъ программъ социаль-демократической партіи, и германская социаль-демократія становится къ этой идеѣ, какъ къ практическому требованію настоящаго момента, скорѣе во враждебное отношеніе.

Однако, сила всѣхъ этихъ возраженій не въ нихъ самихъ. Сами по себѣ они только лишній разъ подтверждаютъ старый трузизмъ, что всякая реформа въ пользу народа можетъ быть проведена лишь самимъ народомъ. Но эти возраженія очень важны какъ показатель настроенія. Въ нихъ слышится неувѣренность въ томъ, что народъ достаточно заинтересованъ въ проведеніи реформы и пожелаетъ настоять на надлежащемъ осуществленіи ея. Въ самомъ дѣлѣ, несомнѣнно, народъ могъ бы отстоять

такую систему экспроприации, при которой она во всякомъ случаѣ не обратилась бы въ обогащеніе богатыхъ землевладѣльцевъ. Только по полному недоразумѣнію Каутскій приписываетъ Джорджу предложеніе о выкупѣ земли или ренты; напротивъ, Джорджъ категорически высказывался за конфискацію ренты. Другой изъ буржуазныхъ приверженцевъ земельной реформы — Уоллесъ — защищалъ не выкупъ, а вознагражденіе лишь живущаго собственника и его наслѣдника, родившагося при его жизни¹⁾, вознагражденіе въ формѣ обезпеченнаго дохода на время жизни этого владѣльца и его ближайшаго наслѣдника. И несомнѣнно, предъ лицомъ самого народа замолкли бы всѣ чрезмѣрные требованія, потому одному, что самъ народъ врядъ ли очень много далъ бы, чтобы, по выраженію Маркса, „откупиться отъ всей этой банды“. Безспорно также, что разъ реформа была бы проведена непосредственно самимъ народомъ, и средства, которыя она доставила бы казнѣ, были бы употреблены соотвѣтственно интересамъ народа: народъ сумѣлъ бы обезпечить себѣ и надлежащее правительство. Предпринимательскаго генія при этомъ отъ правительства во всякомъ случаѣ не требовалось бы, потому что самое посредственное правительство безъ труда провело бы тѣ, въ сущности весьма скромныя меліорации, которыми такъ гордился нѣкогда англійскій лендлордизмъ, и оказало бы ту поддержку половникамъ, которой оправдываютъ существованіе латифундій въ современной Италіи. И одно то было бы ужъ большимъ выигрышемъ, что правительство не было бы, подобно частному землевладѣльцу, заинтересовано въ повышеніи хлѣбныхъ цѣнъ и не тормазило бы земельныхъ улучшеній.

Нѣтъ, дѣло не въ томъ, что народъ не могъ бы провести націонализацию земли или ренты на выгодныхъ для себя условіяхъ. Основнымъ препятствіемъ къ ея осуществленію является то, что при капиталистическомъ строѣ земледѣлія и въ томъ видѣ, какъ націонализация земли предположена въ Англии, она ни для одного класса трудового населенія не могла составить кровнаго интереса, не являлась вопросомъ жизни, за который готовы бороться до конца. Сельскимъ хозяевамъ, которыхъ непосредственно реформа всего ближе касалась, она ничего не обѣщала и обѣщать не могла, потому что то были хозяева-предприниматели, и безъ того живущіеся на счетъ трудящихся классовъ. Что дала бы реформа каждому рабочему въ отдѣльности? Непосредственно, надо признать, ничего. Заработная плата рабочаго осталась бы на слѣдующій день послѣ націонализации ренты такой же, какой была и наканунѣ его. Рабочій не получилъ бы возможности поставить предпринимателю новыя условія, потому что реформа не открыла бы ему большаго доступа къ землѣ и къ самостоятельному труду, чѣмъ онъ имѣлъ до нея. Земля сдавалась бы съ торговъ тому, кто больше пред-

¹⁾ Alfred Russel Wallace „Land-Nationalisation“, изд. 2-е, 1882 г., стран. 199.

ложить, но на такихъ условіяхъ рабочій и ранѣ могъ стать земледѣльцемъ. Кто не могъ перейти къ самостоятельному производству раньше, не могъ бы сдѣлать этого и теперь. Резервная армія труда нисколько не уменьшилась бы оттого, что рента теперь поступала бы въ государственное казначейство, а не въ вотчинную контору лендлорда. Косвенно реформа, безспорно, могла бы принести населенію громадныя выгоды. Она по меньшей мѣрѣ удвоила бы государственный доходъ Англіи и тѣмъ дала бы возможность поставить на невиданную высоту народное образованіе, позволила бы также съ чрезвычайной щедростью обезпечить всѣхъ трудящихся на случай болѣзни, безработицы, потери работоспособности и смерти. Но чтобы эта возможность дѣйствительно осуществилась, недостаточно было бы одной революціи, недостаточно было экспроприровать всѣ частновладѣльческія земли. Народъ долженъ былъ бы оставаться въ постоянной революціи, долженъ былъ бы неусыпно быть на сторожѣ, потому что въ любой моментъ новыя средства, прилившія въ казну, могли бы получить невыгодное для народа употребленіе. И естественно, что англійскій пролетаріатъ идетъ къ этой цѣли медленнымъ путемъ постепеннаго преобразованія и подчиненія себѣ власти, пока въ сферѣ мѣстнаго самоуправленія. Націонализація земли остается весьма популярнымъ лозунгомъ для англійскаго рабочаго. Въ вопросѣ объ обобществленіи орудій производства обобществленіе земли занимаетъ въ англійскихъ партійныхъ программахъ одно изъ первыхъ мѣстъ, и при каждомъ торговпромышленномъ кризисѣ, при каждомъ обостреніи нужды и безработицы, какъ напр., въ нынѣшнемъ году, отмѣна частной собственности на землю выдвигается какъ первая коренная реформа для устраненія ужасовъ нищеты и эксплуатаціи.

Націонализація земли неизбежна и въ Англіи, и въ другихъ странахъ крупнаго капиталистическаго земледѣлія. Крушеніе индивидуалистическаго строя собственности всего ранѣе должно проявиться въ землевладѣніи, потому что земля, какъ предметъ естественной монополии, всего менѣе допускаетъ примѣненіе принципа частнаго распоряженія. Но весьма возможно, что при капиталистическомъ характерѣ сельскаго хозяйства соціализація земли совершится медленнымъ путемъ частичной экспроприаціи, весьма вѣроятно, всего ранѣе въ формѣ муниципализаціи земли въ городахъ, затѣмъ усиленнаго обложенія частной земельной собственности въ отдѣльныхъ общинахъ или экспроприаціи отдѣльныхъ видовъ ея, напр., рудниковъ, и лишь шагъ за шагомъ обобществленіе распространится на всю земельную площадь страны.

Х.

Совершенно иначе представляется дѣло въ странахъ съ широко развитымъ трудовымъ земледѣліемъ. Здѣсь, особенно при существованіи крупной земельной собственности, обобществленіе земли

является уже не медленно назрѣвающей тенденціей будущаго, допускающей частичное и осторожное осуществленіе. Она—жгучая, неотложная потребность настоящаго, безъ удовлетворенія которой не можетъ быть ни экономического, ни соціальнаго прогресса. Жизнь—аграрная борьба въ Ирландіи, современная революція въ Россіи — доказываетъ это ярче всякихъ словъ. Но тѣ же факты жизни ясно указываютъ, что обобществленіе земли въ странахъ трудового земледѣлія должно совершиться на началахъ, значительно отличныхъ отъ тѣхъ, которыя выставлены для странъ капиталистическаго земледѣлія.

Прежде всего обобществленная земля не должна при трудовомъ земледѣліи сдаваться съ торговъ, не должна для казны служить источникомъ дохода. Она должна поступить въ безвозмездное пользованіе тѣхъ, кто ее личнымъ трудомъ обрабатываетъ, до тѣхъ поръ и въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ они ее обрабатываютъ. Вся земельная рента должна поступить исключительно въ пользу трудового земледѣльца¹⁾. Если бы обобществленная земля стала сдаваться съ торговъ, какъ то предлагается для странъ капиталистическаго земледѣлія, крестьянинъ остался бы въ томъ же невозможномъ положеніи. Подъ давленіемъ конкуренціи своихъ односельчанъ онъ платилъ бы ту же ростовщическую ренту, которая подрываетъ его хозяйство теперь, только платилъ бы ее казенному управляющему, а не частному приказчику. Очевидно, о сдачѣ обобществленной земли съ „вольныхъ торговъ“ не можетъ быть и рѣчи. Допустимъ, что арендная плата будетъ назначаться „по справедливости“, вродѣ нормированной ренты по опредѣленію суда въ Ирландіи, что нужда и безысходное положеніе съемщика, которому безъ даннаго участка обойтись невозможно, не будетъ учитываться, и плата будетъ взиматься сообразно плодородію участка, его отдаленности или близости къ селу и мѣсту сбыта и т. п. Если на этихъ условіяхъ земля будетъ сдаваться всякому желающему, независимо отъ того, ведетъ ли онъ трудовое или батраческое хозяйство, какая гарантія тогда, что земля путемъ разнаго кумовства не попадетъ въ руки кулаковъ и разныхъ посредниковъ, которые потомъ отъ себя будутъ сдавать землю на ростовщическихъ условіяхъ трудовымъ земледѣльцамъ? Если земля будетъ сдаваться или отдаваться только трудовымъ крестьянамъ, есть ли тогда основаніе взимать съ нихъ какую-либо ренту?

Прежде всего, взиманіе ренты поведетъ къ усиленному обложенію бѣдныхъ дворовъ и къ увеличенію дифференціаціи въ деревнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, одна деревня или извѣстный дворъ имѣлъ по 2 десят. на душу и теперь получилъ еще по 4 дес.; другая деревня, или другой дворъ имѣлъ по 5 дес. и теперь по-

¹⁾ Рѣшеніе вопроса о рентѣ въ томъ видѣ, какъ оно излагается авторомъ, не можетъ считаться общепартійнымъ. *Прим. ред.*

лучилъ дополнительный надѣлъ или ему предоставлено въ аренду, постоянную аренду еще по 1 дес. Выкупные платежи или оброчная подать, либо аренда будетъ платиться, разумѣется, только со вновь предоставленной земли. Итакъ, первая деревня или первый дворъ, несомнѣнно болѣе бѣдный, потому что онъ ранѣе имѣлъ лишь по 2 дес. на душу, долженъ будетъ платить за 4 дес., а вторая деревня либо второй дворъ, безспорно болѣе богатый, будетъ платить лишь за одну десятину. Въ итогѣ, при одинаковомъ трудѣ и одинаковомъ количествѣ земли доходъ этихъ дворовъ или деревень (если имѣть въ виду надѣленіе по общинамъ) будетъ весьма различный въ зависимости отъ платежей за землю, и чѣмъ бѣднѣе была деревня къ моменту реформы, тѣмъ болѣе она будетъ платить земельныхъ сборовъ. Врядъ-ли нужно долго доказывать всю абсурдность такого порядка.

Но, скажутъ, рента не есть трудовой доходъ, она получается за счетъ потребителя, за счетъ всего народа и должна принадлежать всему народу. Да, поземельная рента получается за счетъ всего трудящагося населенія, но лучшее средство вернуть ее именно тѣмъ, кто создаетъ ее, именно трудящемуся населенію, это оставить ее въ рукахъ трудового крестьянина, потому что чѣмъ выше будетъ доходъ трудового земледѣльца, тѣмъ, при доступности земли для всѣхъ, будетъ выше доходъ всѣхъ трудящихся, одинаково самостоятельныхъ производителей и наемныхъ рабочихъ. При широкомъ развитіи въ странѣ мелкаго трудового земледѣлія заработная плата, какъ мы видѣли, опредѣляется предѣльнымъ доходомъ трудового крестьянина, т.-е. доходомъ, получаемымъ земледѣльцемъ, пользующимся наименѣе плодородной землей въ данномъ хозяйственномъ районѣ. Но наименѣе плодородная земля даннаго района можетъ быть все еще значительно лучше земель сосѣдняго района, можетъ снабжать своимъ хлѣбомъ сосѣдній районъ и потому можетъ приносить поземельную ренту. При современномъ міровомъ характерѣ хлѣбной торговли трудно сказать, гдѣ лежитъ предѣлъ обработки, и всѣ земли извѣстной страны могутъ приносить ренту. Очевидно, если предѣльный участокъ приносить ренту и если эта рента будетъ отнята у крестьянина въ пользу казны, этимъ не только уменьшится доходъ трудового крестьянина, но вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ понижена и заработная плата всего класса наемныхъ рабочихъ. Отнимая ренту у крестьянина, мы увеличиваемъ степень эксплуатаціи наемнаго труда и, поскольку всякая земля въ данномъ хозяйственномъ районѣ даетъ ренту, эта рента не можетъ быть отнята у трудового крестьянина безъ крупнаго ущерба для всего трудящагося населенія, потому что она даетъ возможность наемнымъ рабочимъ въ равной степени увеличить свой доходъ за счетъ прибавочной стоимости капиталиста.

Но пойдѣмъ дальше. Въ предѣлахъ того же района одинъ участокъ можетъ быть плодороднѣе другого, одинъ, допустимъ, даетъ

при той же затратѣ труда и капитала 10 мѣръ хлѣба, другой — 20. Послѣдній участокъ приноситъ, слѣдовательно, ренту въ 10 мѣръ хлѣба. Не требуютъ ли интересы народа, чтобы эти 10 лишнихъ мѣръ были обращены въ пользу народа путемъ усиленнаго обложенія этого участка? Нѣтъ, не требуютъ. Во-первыхъ, въ предѣлахъ одного и того же сельскаго общества населеніе, при автономномъ распоряженіи земель, имѣетъ множество способовъ уравнять землепользованіе отдѣльныхъ своихъ членовъ, либо раздѣляя всѣ земли по ихъ качеству на коны и надѣляя cadaго члена общества полосами во всѣхъ конахъ, либо давая меньше земли тому, у кого она лучшаго качества. Во-вторыхъ, если это различіе въ качествахъ имѣетъ мѣсто не въ той же деревнѣ, а между отдѣльными селеніями или поясами, она дастъ основаніе для уменьшенія размѣра надѣловъ и тѣмъ явится лучшимъ стимуломъ для интенсификаціи земледѣлія. Въ-третьихъ, если за всѣмъ тѣмъ останется различіе въ доходѣ трудовыхъ дворовъ, все же нѣтъ основанія для обложенія ренты, какъ таковой, земли, какъ орудія производства; обложенію можетъ подлежать только доходъ отдѣльныхъ дворовъ, поскольку онъ превышаетъ опредѣленный минимумъ. При томъ развѣ въ области наемнаго труда заработная плата во всѣхъ отрасляхъ одинакова, развѣ чернорабочій не получаетъ въ два, въ три раза меньше слесаря, механика, монтера и развѣ не въ томъ все различіе между лучше оплачиваемымъ и хуже оплачиваемымъ трудомъ, что одного рабочаго въ дѣтствѣ обучали ремеслу, другого же пустили въ жизнь безъ всякой подготовки? И развѣ требуетъ кто-нибудь уравненія дохода всѣхъ рабочихъ путемъ обложенія? Напротивъ, часто признаютъ, что „аристократія труда“ сыграла видную роль въ развитіи рабочаго движенія, что борьба пролетаріата была бы много труднѣе, если бы въ рабочей средѣ не было слоевъ, относительно лучше поставленныхъ. Но то же самое примѣнимо и къ трудовому крестьянству. И здѣсь существованіе мѣстностей съ болѣе зажиточнымъ крестьянствомъ, поскольку оно имѣетъ вполне трудовой характеръ, быть можетъ, только облегчитъ дальнѣйшую борьбу за интересы всѣхъ трудящихся.

Этимъ устраняются сами собою возраженія, которыя дѣлались противъ націонализаціи земли съ точки зрѣнія практическихъ послѣдствій реформы. Государство не будетъ заниматься сдачей земли, оно не получитъ въ свои руки новыхъ громаднхъ денежныхъ ресурсовъ, не станетъ независимымъ въ бюджетѣ отъ народнаго представительства, не пріобрѣтетъ новой могущественной власти надъ населеніемъ, предоставляя льготы при сдачѣ земли однимъ и устраняя отъ землепользованія или ставя болѣе суровыя условія другимъ. Нѣтъ, никакой ренты за пользованіе землей тѣми, кто ее личнымъ трудомъ обрабатываетъ, не будетъ взиматься. Непосредственное распоряженіе землей будетъ принадлежать мѣстнымъ органамъ народнаго самоуправленія — демократически организованнымъ безсословнымъ общинамъ и областнымъ союзамъ ихъ. На-

родное представительство установить общіе принципы землепользования и ему будетъ принадлежать верховное распоряженіе всей землей, но ни для какой зависимости земледѣльца отъ правительства здѣсь не можетъ быть мѣста, потому что не отъ правительства будетъ зависѣть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ дать землю или землю отнять. И то, и другое можетъ регулироваться только общими нормами аграрнаго законодательства.

И исходное начало этого законодательства — безвозмездное пользование землей тѣми, кто ее обрабатываетъ личнымъ трудомъ, — логически ведетъ къ тому, что земля можетъ оставаться въ пользованіи земледѣльца лишь до тѣхъ поръ, пока онъ ее лично воздѣлываетъ. Слѣдовательно, не можетъ быть ни продажи земли, ни временной сдачи ея, ни залога, ни завѣщанія.

Я не могу поэтому согласиться съ Г. Новоторжскимъ¹⁾, что государству должно быть предоставлено право „устанавливать закономъ размѣры денежнаго вознагражденія за сдаваемые міру надѣлы выходящему изъ общины члену, дабы община не могла обращать въ ничто право свободнаго выхода изъ нея“. Мнѣ представляется, что земля ни въ какомъ случаѣ не должна быть больше товаромъ, что всякій выкупъ за землю кореннымъ образомъ противорѣчилъ бы идеѣ обобществленія земли при господствѣ трудового хозяйства. Мыслимо вознагражденіе за улучшенія, если мѣстныя общины найдутъ нужнымъ установить такое вознагражденіе, но земля не можетъ передаваться за деньги. Разъ земледѣлецъ перестаетъ обрабатывать свой участокъ, онъ этимъ самымъ теряетъ право на дальнѣйшее пользованіе имъ, и послѣдній переходитъ безвозмездно къ тому, кто нуждается въ землѣ. Быть можетъ, этимъ затормозится нѣсколько переходъ населенія отъ земледѣлія къ обрабатывающей промышленности, но, съ другой стороны, болѣе слабый притокъ рабочихъ изъ деревни заставитъ капиталистовъ приблизить фабрику къ деревнѣ, какъ это часто имѣетъ мѣсто въ южной Германіи, въ районѣ мелкаго земледѣлія, давая возможность крестьянскому населенію безъ ущерба для своего земледѣльческаго хозяйства замѣнить отжившіе кустарные промыслы работой на близко расположенной фабрикѣ, и — что, конечно, еще важнѣе — чѣмъ меньше будетъ побужденій покинуть деревню, тѣмъ лучшія условія вынужденъ будетъ предложить капиталистъ, чтобы привлечь необходимыхъ ему рабочихъ.

Итакъ, въ основу націонализаціи или социализаціи земли въ странахъ мелкаго земледѣлія должны необходимо лечь два принципа: трудовое начало пользованія — земля предоставляется только тому, кто самъ ее обрабатываетъ, — и безвозмездность землепользованія. Всякій иной принципъ аграрной реформы не улучшилъ бы на много, а частью ухудшилъ бы положеніе. Такъ, мы уже видѣли, сдача экспропрированной земли съ торговъ, какъ предлагали чартисты

¹⁾ „Открытое письмо А. В. Пѣшехову“, „Рус. Бог.“, 1905. VIII.

и проектирует Уоллесъ, только усилила бы земельную спекуляцію и вмѣстѣ съ тѣмъ земельное ростовщичество. Аграрной реформы либо вовсе не будетъ, если вѣрно, что мелкое земледѣліе не можетъ сохраниться, если въ самомъ дѣлѣ начинающаяся аграрная революція лишь порывъ отчаянія безповоротно осужденнаго класса, — либо она должна быть построена на трудовомъ началѣ, потому что она можетъ быть проведена только трудовымъ народомъ въ интересахъ труда.

И въ дѣйствительности, почти всѣ практическія схемы земельныхъ преобразованій, выдвигаемыя въ странахъ мелкаго крестьянскаго хозяйства, въ той или другой степени, если не по существу, такъ по крайней мѣрѣ формально ставятъ своей цѣлью большее и лучшее (т.-е. болѣе прочное) обезпеченіе земель трудовыхъ слоевъ крестьянства. Разница часто только въ степени, въ которой проводится въ нихъ трудовой принципъ, но именно это различіе въ степени, половинчатость, частичность предлагаемыхъ преобразованій заранѣе обрекаетъ ихъ на почти полную безрезультатность. Только полное проведеніе трудового начала въ землепользованіи создастъ равномерность хозяйствъ, — устранить съ одной стороны парцелляцію хозяйствъ, съ другой — развитіе безнадежно задолженныхъ недѣлимыхъ дворовъ батраческаго типа — и сдѣлаетъ возможнымъ своевременный переходъ къ болѣе интенсивной обработкѣ, когда того потребуетъ приростъ населенія. Только безвозмездное предоставленіе земли каждому, кто ее обрабатываетъ, откроетъ для всѣхъ доступъ къ землѣ и приведетъ въ точное соотвѣтствіе доходъ наемнаго рабочаго съ заработкомъ самостоятельнаго земледѣльца. Только при такихъ исходныхъ принципахъ — трудовомъ пользованіи и безвозмездности пользованія землей — обобществленіе земли станетъ общимъ кровнымъ дѣломъ для рабочаго класса въ такой же мѣрѣ, какъ для крестьянства, и будетъ осуществлено соединенными силами всего трудового народа на условіяхъ, выгодныхъ для народа.

Безъ сомнѣнія, социализація земли и въ томъ видѣ, какъ она должна совершиться въ странахъ мелкаго крестьянскаго земледѣлія, на началахъ безвозмезднаго трудового пользованія, не уничтожитъ эксплуатаціи труда капиталомъ, не вернетъ рабочему, не вернетъ и крестьянину всего продукта его труда. Крестьянинъ, покупая желѣзо или сукно и всякій другой товаръ капиталистическаго производства, будетъ отдавать, быть можетъ, два дня своего труда за то, что потребовало на фабрикѣ капиталиста лишь день труда; соотвѣтственно тому, и наемный рабочій будетъ получать только половину того, что произведетъ онъ при помощи машинъ капиталиста. Сохранится прибавочная стоимость капиталиста, но въ той мѣрѣ, въ какой рента и улучшеніе хозяйства увеличитъ доходъ крестьянина, увеличится и заработная плата, слѣдовательно, уменьшится размѣръ прибавочной стоимости, присваиваемой капиталистомъ. Эксплуатація труда владѣльцами орудій производства

останется, но уменьшится, и значительно уменьшится, мѣра этой эксплуатаціи, и въ этомъ отношеніи въ предѣлахъ существующаго капиталистическаго строя не можетъ быть реформы болѣе значительной, болѣе важной для улучшенія положенія труда.

Соціализація земли даетъ въ руки рабочихъ средство для того, чтобы постоянно регулировать предложеніе труда соотвѣтственно спросу на него. Она открываетъ для нихъ возможность постоянно увеличивать свою долю въ продуктѣ, путемъ увеличенія продуктивности и доходности крестьянскаго хозяйства, потому что всякое повышеніе дохода самостоятельнаго труда при общедоступности земли должно въ равной мѣрѣ увеличить заработокъ и наемнаго труда. Она уничтожаетъ рабскую зависимость отъ рабочаго рынка, которую безсилны устранить самые сплоченные и богатые рабочіе союзы, о которую разбиваются самыя героическія стачки, противъ которой тщетно было бы бороться радикальными фабричными законами и самой строгой репрессіей за нарушеніе ихъ. Напротивъ, соціализація земли сдѣлаетъ до извѣстной степени возможнымъ и для земледѣльческихъ странъ старой культуры то высокое и почетное положеніе труда и тотъ прогрессъ соціальнаго законодательства, который столь выгодно отличаетъ молодыя колоніи. Она избавитъ страну отъ проклятія низкой заработной платы, обрекающей промышленность на застой и инертность, и создастъ для капиталиста самый дѣйствительный импульсъ всегда и всѣми мѣрами стремиться къ большому примѣненію машинъ, слѣдовательно, всегда и всѣми мѣрами совершенствовать производство.

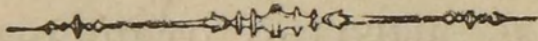
Соціализація земли не есть соціализація производства, но, несомнѣнно, подготавливаетъ и приближаетъ къ нему, создаетъ благоприятную почву для развитія всякихъ видовъ коопераціи. И если правъ Энгельсъ¹⁾, если въ самомъ дѣлѣ земледѣліе гдѣ либо можетъ быть „въ одинъ день“ превращено въ общественное производство, то, конечно, то будетъ не юнкерское крупное и въ сущности экстенсивное хозяйство и даже не англійская ферма съ постоянно мѣняющимся составомъ рабочихъ, а деревня, совмѣстно пользующаяся народной землей и привыкшая согласовать взаимные интересы.

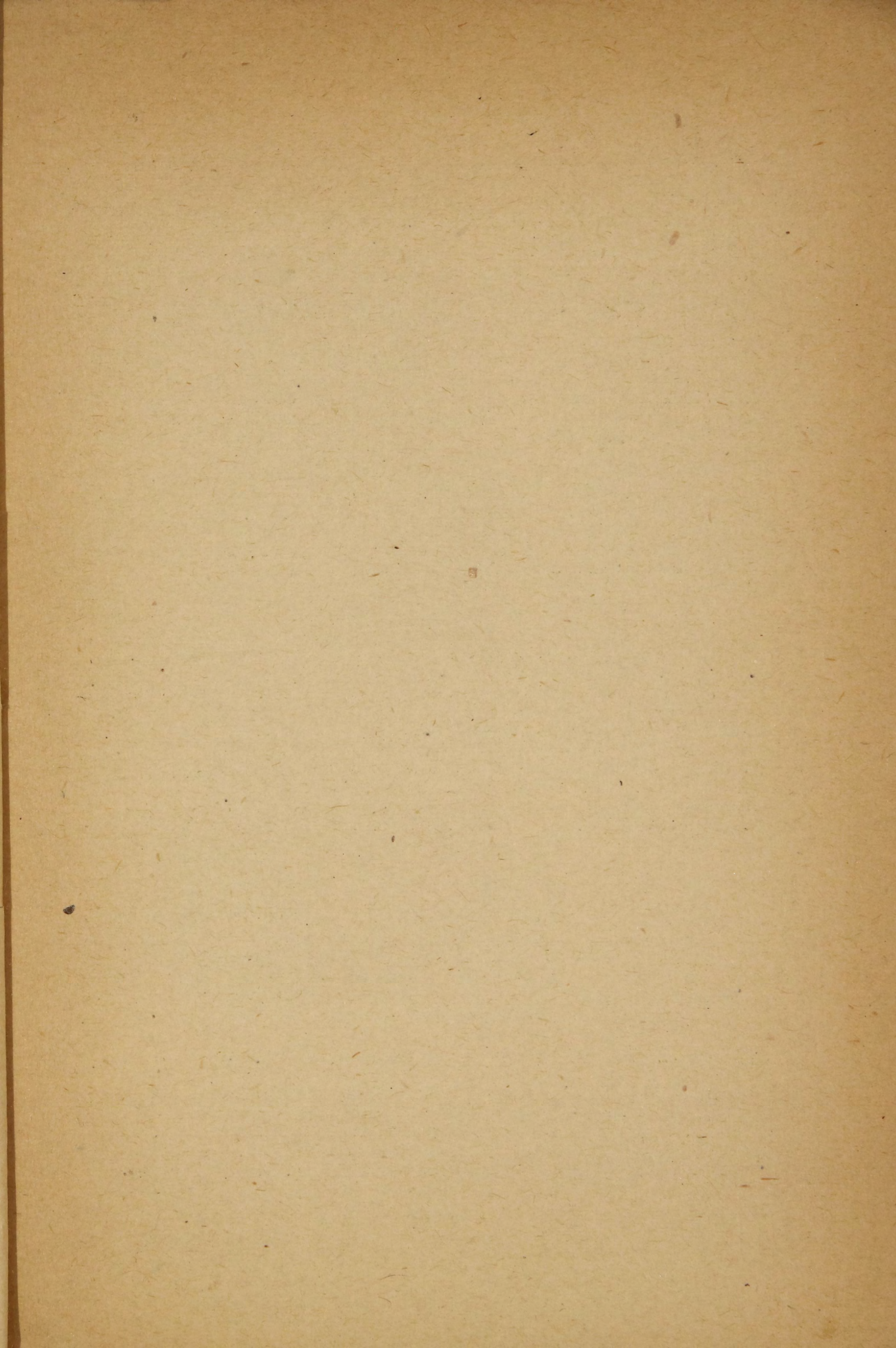
Соціализація земли не является торжествомъ коллективизма, но она представляетъ первый самый важный шагъ къ осуществленію его, вводитъ въ жизнь новый принципъ распоряженія орудіями производства и самымъ дѣйствительнымъ образомъ объединитъ во имя этого принципа всѣхъ трудящихся.

Въ преобразованіи аграрнаго строя — центръ настоящей революціи; событія уже достаточно выяснили это и еще болѣе, конечно, докажутъ въ будущемъ. Видѣть въ земельной реформѣ только средство для привлеченія крестьянства къ участию въ борьбѣ съ реакціей значитъ не отдавать себѣ отчета въ причинахъ самой реакціи. Государство будетъ демократизовано потому, что экономически

¹⁾ „Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи“, русск. пер., стран. 45.

неизбѣжна демократизація землевладѣнія. Но сознательно проведенная реформа не можетъ ограничиваться удовлетвореніемъ только непосредственно ощущаемой земельной нужды настоящаго; она должна создать условія, необходимыя для прогрессивнаго развитія хозяйства и трудового дохода въ будущемъ, а этой цѣли отвѣчаетъ только полная демократизація землевладѣнія — обращеніе земли въ общее достояніе всего народа, безвозмездно доступное каждому изъ народа, кто желаетъ воздѣлывать ее собственнымъ трудомъ. И въ этомъ смыслѣ, т.-е. поскольку реформа будетъ совершена сознательно, а не стихійно, социализація земли въ Россіи есть историческая необходимость не только эпохи, но текущаго момента.

Книгоиздательство „МОЛОДАЯ РОССИЯ“.

Москва. Б. Бронная, д. Аничкова № 1, кв. № 2. Телефонъ № 122—75.

Печатается:

К. Качоровскій. Народное право.

Серія подъ редакціей А. Рудика и С. Жечетхаго.

Вышли въ свѣтъ:

- Л. Шишко. Къ вопросу объ аграрной программѣ въ связи съ теоріей научнаго социализма. 10 к.
Подольнинъ. Классовая пролетарская борьба въ странѣ всеторжествующаго социализма. 10 к.
М. Рафаиловъ. О критикѣ и догмѣ, теоріи и практикѣ. 7 к.
В. Черновъ. Къ теоріи классовой борьбы. 10 к.
К. Тарасовъ. Мировой ростъ и кризисъ социализма. 10 к.
И. Грей. Рабочій вопросъ и земельная реформа. 25 к.
П. Вихляевъ. Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія. 20 к.
Н. Максимовъ. Къ критикѣ марксизма. 10 к.

Печатаются:

- Л. Шишко. Рабочій вопросъ и аграрное движеніе въ Германіи.
Р. Россъ. Крестьянскій вопросъ прежде и теперь.
Фр. Энгельсъ. Крестьянскій вопросъ во Франціи. Съ предисловіемъ Р. Росса.
П. Лавровъ. Знаніе и революція.
А. Б—ій. Что такое народное представительство.
Н. М. На войну. (Изъ записной книжки запаснаго солдата.)
О. Над—инъ. Праздникъ труда.
В. Панкратовъ. Жизнь въ Шлиссельбургской крѣпости.
П. Поливановъ. „Кончился“. Разсказъ. Съ портретомъ и біографіей автора.
-

Условія: Выписывающіе на сумму не менѣе 3 рублей за пересылку не платятъ. Книжные магазины въ складѣ и его отдѣленіяхъ пользуются скидкой въ 25%. При заказахъ по московскому адресу на сумму не менѣе 25 руб. пересылка по жел. дор. (въ пред. Европ. Россіи) принимается на счетъ издательства. Требования изъ тѣхъ городовъ, гдѣ имѣются отдѣленія, въ главномъ складѣ не исполняются.

Складъ изданій: Москва, Большая Бронная, д. Аничкова № 1, кв. № 2.

Отдѣленія склада: С.-Петербургъ: Книжный магазинъ В. П. Кранихфельдъ, Англійскій проспектъ, № 40. — Одесса: Книжный магазинъ В. Распопова, Дерибассовская. — Нижний-Новгородъ: „Книжный Музей“, Б. Покровка. — Баку: Книжный магазинъ „Сотрудникъ“. М. А. Сундукіанцъ. — Смоленскъ: Контора „Днѣпровскаго Вѣстника“. Е. А. Костюшко.
